

№ 12 (1611)

2011

Не в силе Бог, а в правде!

ПОСЕВ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

КТО ОТВЕТИТ МНЕ, ЧТО ЗА ДОМ ТАКОЙ?
ПОЧЕМУ ВО ТЬМЕ, КАК БАРАК ЧУМНОЙ?
СВЕТ ЛАМПАД ПОГАС, ВОЗДУХ ВЫЛИЛСЯ,
АЛИ ЖИТЬ У ВАС РАЗУЧИЛИСЯ?

Журнал «Посев».
Учредитель: Некоммерческое Партнёрство
«Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев"»

Издаётся с разрешения и при содействии
издательства POSSEV GmbH Frankfurt am
Main

Главный редактор

Ю.С. Цурганов

Редакционная коллегия:

Т.П. Артёмова,
Б.Д. Бедросьян, С.В. Волков,
А.Б. Горянин, В.Э. Долинин,
Е.И. Древинский, Г.В. Кокунько,
О.А. Кузнецова, С.М. Маркедонов,
Б.С. Пушкарёв, А.Р. Редлих,
Ю.А. Рыбаков, В.А. Сендеров,
В.Б. Славин-Боровский,
М.В. Славинский, И.Б. Чубайс,
И.Ю. Шауб, А.Н. Шведов.

Компьютерная вёрстка

М.Ю. Родионов

Корректор

К.В. Оскоцкая

Юр. адрес издателя и редакции: 127051,
Москва, ул. Неглинная, д. 27/2/26, стр. 1,
пом. 96
Телефон/факс: (495) 625-9248

E-mail: tsurganov@mail.ru;
posevru@online.ru
http://www.posev.ru

Адрес типографии ООО Принт сервис
групп: 125438, Москва, 2-й Лихачёвский
пер. 7. Телефон (495) 797-8124

Тираж 800 экз. Свободная цена
Подписано в печать 26.11.2011

Адрес издательства POSSEV GmbH:
Flurscheideweg 15,
D-65936, Frankfurt a. M., Germany
Tel. 34-1265; fax 34-3841.
http://www.posev.de
E-mail: posev-ffm@t-online.de

Журнал зарегистрирован в Министерстве
печати и информации Российской Федера-
ции 29.11.2002
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-14072

© Некоммерческое Партнёрство «Издатель-
ское, исследовательское и просветитель-
ское содружество "Посев"»

ISSN 0234-8284

Мнения авторов не всегда совпадают
с точкой зрения редакции. Ответствен-
ность за точность приводимых сведений
несут авторы. Редакция в переписку с не-
опубликованными авторами не вступает.
Рукописи не возвращаются и не рецен-
зируются. При перепечатке любых мате-
риалов ссылка на источник обязательна

ПОСЕВ

№ 12 (1611) декабрь 2011 г.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Основан в 1945 г. в эмиграции, с 1992 г. издаётся в Москве

Содержание:

ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ

Валерий Сендеров.

Держава на распутье..... 2

Сергей Маркедонов.

Россия и Грузия: компромисс по ВТО 3

Александр Азаренков.

...Россия от России произошла 6

МОСТЫ ИЗ ПРОШЛОГО

Владимир Чичерюкин-Мейнгардт.

Памятники Гражданской войны в РФ 11

Письмо участника рейда Мамонтова 17

Николай Рутыч.

Заметки к истории
мамонтовского рейда 22

Юрий Цурганов.

К двадцатилетию распада СССР..... 26

ИНТЕРВЬЮ

Желю Желев.

«Нужно помнить
об ответственности за будущее» 29

АРХИВ

Н. Н. Лобачевский.

«Тюрьма народов» 34

КНИГИ И ЛЮДИ

Ирина Роднянская.

О западной и русской
литературных традициях 36

ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ

Вера Зубарева.

Единственность 39

Леонид Бородин (1938–2011) 45

Ростислав Евдокимов (1950–2011) 45

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРОВ ЖУРНАЛА

ЗА 2011 ГОД

Валерий Сендеров

Держава на распутье

Россия есть европейская держава...

Государь есть самодержавный, ибо никакая другая, как только соединенная в его особе, власть не может действовать сходно с пространством столь великого государства...

Всякое другое правление не только было бы России вредно, но и вконец разорительно...

Европейские государства отличаются от азиатских свободою в отношении подданных к правительствам... чтобы люди имели вольность, надлежит быть закону таково, чтоб один гражданин не мог бояться другого, а боялись бы все одних законов.

Екатерина II. Наказ

«Путин и археология». Эта экзотическая тема занимает немалое место в сегодняшних российских СМИ. Особо сенсационным оказался один эпизод на фанаторийских раскопках. Нашёл премьер на дне морском древнюю амфору? Или свита подсунула ему? И тщетно уверяют археологи, что да, нашёл, наверное, но никакой сенсации в этом нет, такие «редкости» находят здесь любой умеющий нырять мальчишка. Все равно. «Нашёл или не нашёл?»

Но, как бы то ни было, — премьер посещает экспедиции не ради вклада в археологическую науку. А ради вклада в политику. Обращение к древностям, к юбилеям, к прошлому вообще — надёжный способ поговорить о настоящем. Не о быстротекущем, разумеется. К выборам, к партстроительству, к инфляциям с дефляциями — амфоры никакого ключа не дают. Но они предоставляют возможность поговорить о нашем положении в историческом макрокосме. О нашей многовековой культуре; о её соотношении и связи с культурами других стран. И слова премьера на эти темы звучат шокирующе необычно. Для тех, кто до конца понимает грустные реалии сегодняшней идеологической жизни страны.

«Россия всегда была частью европейской цивилизации, но в то же время всегда была открыта и очень доброжелательна к Востоку — и в этом тоже сила нашего государства, нашего народа».

Итак, мы — часть Европы, часть Запада. К Востоку же при сём... доброжелательны. Ничего не скажешь: сформулировано чётко. Так и формулировали это у нас в стране — до середины XIX века. Пока её не накрыло мутной протоевразийской волной.

Могут, с другой стороны, показаться слова премьера банальностью, общим местом. Общая христианская цивилизация? Ну, конечно — кто же так не считает? При любых претензиях к Западу — можно ли отрицать очевидное?

Можно.

«Наша страна является отдельной и самобытной православной цивилизацией; из иных цивилизаций ей ближе всего другая христианская цивилизация, католическо-православная, иначе называемая европейской, и она же именно в силу этого объективно была, есть и будет самым большим из наших врагов. Здесь нет никакого парадокса... Всегда останется западный мир нашим смертным врагом, если только один из нас не исчезнет Божьей волей с лица Земли...»

Мы не приводим имени автора, очередного «православного публициста». Зачем? Строго говоря, перед нами — не совсем авторский текст: так говорят и пишут сотни, тысячи. Перед нами, как говорится, фольклор. Зайдите в книжный. Или откройте Интернет. Может, вы и найдёте что об общей христианской культуре (мне — удаётся с трудом). Но сколько на каждую такую находку придётся сотен страниц, статей, рассуждений о «вечной смертной вражде»?

И рассуждения эти не остаются отвлечённой абстракцией. Они детально проецируются на всю нашу историю. Прежде всего, разумеется, — на самый славный период её.

За что наш народ пуще всего любит товарища Сталина? Ну, главная причина понятна: не воровали при нём. Как увидит вора треклятого, так сразу — паф! Но эта известная мотивация — удел низших, социально обойдённых сегодня слоёв. У среднего же слоя, не особо боящегося воровства, причина нежного чувства к Вождю иная.

«Сталин искренне ненавидел западный мир, считал его... источником всего вредоносного для России и её национальных интересов. Он даже не всегда был полностью последовательным в реализации этого (лично я не могу простить ему как правителю того, что он остановился в 1945 году на Эльбе вместо того, чтобы идти до Ла-Манша и дальше), но сама позиция его была однозначной... Именно эта часть мировоззрения и практической политики Сталина и привлекает к нему симпатии многих... Как же, при нём и Англия, и Америка дрожали от ужаса перед нами... Он твёрдо стоял на враждебных позициях к западному... миру, ни в малейшей степени не видел Россию частью европейской цивилизации и не стремился с ней сблизиться; более того... все американские посольства в Европе имели планы эвакуации на случай русского танкового прорыва. Именно поэтому мы видим всплеск апологии Ивана Грозного и Сталина...»

Ясно?

Но обратимся опять к выступлениям Путина.

«Это событие [крещение Руси], конечно, колоссальное для истории и России, и её взаимодействия с Европой. Я недавно, буквально пару дней назад был в Крыму и там тоже говорил об этом. Ведь по сути это было первым серьёзным шагом к созданию единого гуманитарного пространства во всей Европе. Россия

сделала для себя капитальный выбор, и в этом смысле стала частью Европы — в духовном смысле. Этот выбор был, конечно, очень существенный. Хотя, как мы знаем, вроде бы предложений у Владимира было много, но он выбрал христианство».

Ну, это уж слишком. Премьер-то, братцы, у нас... страшно сказать... Он что — и впрямь считает, что у нас с еретиками — вера одна? Плохо же вас, Владимир Владимирович, в школе учили. А сейчас зато — любой четвероклассник знает замечательную, народную былинку. Про святого богатыря нашего, Ильюшу Муромца.

*«Развернулся добрый молодец,
Гнездовину на разнос всю разнёс,
Святовину сравнял с сырой землёй,
Заморил травой муравой,
Сам по городу пошёл удалой...»*

*И пошёл Илья в обход, на догляд,
Углядел Илья — крест стоит,
Под крестом плитастый камень лежит.
Неспроста тут следы у креста
И безлюдные, угрюмые места.*

*Крест Илейко выламывает,
Плитовину выворачивает,
Каменюгу отпихивает...»*

И правильно. Так их и надо, кресты поганые. Они ж... католицики, тудить их!

Повторим ещё раз. Былинку такую — в российских школах учат. Что ж, может, ничего и не поделаешь? И патриоты правы, коли у нас такой фольклор?

Да в том-то и дело, что нет. Нет у нас такого фольклора. Не было его в Киевской Руси — великой европейской стране. Сочинена эта былина, по всем признакам, — много позднее. А записана, как полага-

ют специалисты, где-то в конце XIX века. Обстановка была уже тогда в России — ну, примерно такая, как сейчас. И произведения подобные тотчас становились эффективным орудием славянофильской пропаганды.

Сколько ещё оставалось до Великого Октября? Вопрос для четвероклассника...

Сколь же велика в действительности клиничко-«патриотическая» угроза России? Не хочется преувеличивать; но приуменьшить в такой ситуации — много опасней. И во всяком случае, ясно: демократическая идеология противовесом лжепатриотической давно не является. В Думу «истинные» не спешат, а в борьбе за сознание людей вождеденный демократами семипроцентный барьер они давным-давно перешагнули.

Более мирной, сколько ни кричи про «путинизм», является антитеза «демократия — умеренный авторитаризм». Но антитеза эта — ложная, надуманная. У демократии как идеи, может, и был в нашей стране шанс. Где-нибудь в начале 1990-х. Но сами же демократы с этим шансом, как говорится, основательно разобрались. Так что теперь остаётся лишь поздравить их с заслуженным успехом.

Если же оставить наконец выдуманные, пригодные лишь для разговоров да статей альтернативы, — перед Россией сегодня лишь два пути.

Первый — путь в рамках христианско-европейских политических ценностей. Европейский путь. К демократии этот путь как раз и ведёт. Но далеко не всегда прямо и быстро. Вспомните, о любители большевистской выборной «четырёххвостки»: давно ли демократия ведущих западных стран перестала быть «управляемой», цензовой?

Второй же путь — не европейский совсем. Напротив того: вполне самобытный. И у него есть очевидный плюс: к обрыву не приходится шагать долго. Сделай лишь несколько шагов. И опять бессмысленными станут рассуждения обо всяких там «кратиях» и «измах». Надолго. Может быть, на сей раз — уже навсегда.

Сергей Маркедонов

Россия и Грузия: компромисс по ВТО

5 ноября 2011 года российская и грузинская делегации на переговорах о присоединении РФ к Всемирной торговой организации (ВТО) парафировали двустороннее соглашение о мониторинге и таможенном администрировании. 9 ноября состоялось его подписание. Последний барьер на пути России в ВТО снят.

Эта история тянулась уже не первый десяток лет. В 1986 году ещё Советский Союз подавал заявку на вступление в качестве наблюдателя в организацию — предшественницу ВТО Генеральное соглашение о тарифах и торговле (ГАТТ), но получил отказ на том основании, что экономика страны не соответствует

рыночным стандартам. За это время СССР прекратил свое существование, а реформы в России подвергались критике даже многими признанными корифеями западной экономической науки за отсутствие должного внимания к социальным аспектам и рыночный радикализм. Однако трансформации трансформациями, а перспективы вхождения в мировой рыночный клуб до октября 2011 года оставались весьма туманными.

Начиная с 1993 года (то есть с того момента, когда Москва повела переговоры о полноценном вступлении сначала в ГАТТ, а потом в ВТО), Россия прошла сложные и многоступенчатые согласования с США и Европейским Союзом, Китаем. Несмотря на то, что ВТО позиционирует себя как организация чисто экономическая, без всякой политики, в этих пере-

Автор — приглашённый научный сотрудник Центра стратегических и международных исследований, США, Вашингтон

говорах полностью исключить политический интерес не представлялось возможным. ВТО — структура, где приём членов осуществляется на основе консенсуса. И хотя организация предполагает такую процедурную возможность, как вхождение в неё на основе голосования большинства, на практике к этому не обращались. Тем паче, что в случае с Россией возражения поступали со стороны Грузии, конфликт с которой в 2008 году противопоставил Москву интересам глобального гегемона современной политики Вашингтона. Отголоски этого противопоставления слышны и сегодня. Так, в конце октября спикер нижней палаты американского Конгресса Джон Бейнер подверг жёсткой критике внешнюю политику России за следование советским методам и подходам. Главный конгрессмен выступил и против внешнеполитического курса своего президента Барака Обамы, призвав его прекратить «перезагрузку» отношений с Россией как курс, который не соответствует американским интересам. В этом контексте Бейнер затронул и перспективы членства в ВТО (если кто забыл, организации сугубо экономической). По словам спикера, до того, пока Россия не будет соблюдать территориальную целостность Грузии, разговоры про её членство в организации не должны вестись.

В ноябре Москва, похоже, закончила период восемнадцатилетних мытарств по поводу своего присоединения к рыночному клубу. Этот процесс имеет много измерений. Рассмотрим здесь только одно из них, касающееся ситуации на Большом Кавказе. Кто может рассматривать себя бенефициарием осени 2011 года? И кто, напротив, понёс наибольшие издержки?

Начнем с того, что, к сожалению, Россия снова, как и в других аналогичных ситуациях, отдала информационную инициативу другим. Вот и в ноябре грузинские политики и дипломаты быстро завоевали превосходство в медийном пространстве. Президент Грузии Михаил Саакашвили уже заявил о победе, правда, не грузинской экономики, а национальной дипломатии. По его словам, Тбилиси на международном уровне смог в очередной раз зафиксировать принцип территориальной целостности государства. И не просто зафиксировать, а заставить Москву признать границы Абхазии и Южной Осетии таможенными границами грузинского государства. Этот тезис президента Грузии был многократно воспроизведён многими представителями его администрации, правительственными СМИ. Далее пришла очередь провластных экспертов, которые снова сели на любимого конька, заговорив про «марионеток» из Сухуми и Цхинвали, с интересами которых российская власть никак не считается. В итоге последовало многократное повторение тезисов о скором возвращении Абхазии

и Южной Осетии под грузинский контроль, так как Москва показала слабину, а Запад, как известно, «всегда с нами».

На этом фоне Москва пропустила не только выпады грузинских политиков и статусных политологов, но и слова тревоги и озабоченности со стороны Абхазии и Южной Осетии. Между тем, ещё накануне принятия швейцарских предложений глава МИД Абхазии Вячеслав Чирикба недвусмысленно говорил о том, что его республика рассматривает появление международных наблюдателей, как вызов для национального суверенитета. По этому вопросу прозвучало также немало комментариев со стороны участников президентской кампании в Южной Осетии. К сожалению, все эти высказывания и оценки остались вне поля зрения российского МИД и президентской администрации.

Понятное дело, что делегация по переговорам о вступлении в ВТО не может втягиваться в серьёзную публичную полемику. В результате «молчание Москвы» лишь мультиплицировало информационный эффект от «мягкого реванша», якобы одержанного Грузией. Этому способствовали и алармистские оценки ряда российских экспертов, поспешивших заявить о поражении России и предательстве национальных интересов страны на Южном Кавказе. Но означает ли принятие Москвой швейцарских условий стратегическое поражение? Думается, что для столь поспешных выводов нет оснований.

Итак, Саакашвили заявил о победе. А чего, собственно говоря, от него можно было ожидать? Покаянных речей и признания своей личной ответственности за утрату 20% территории? Такие ожидания были бы проявлением, как минимум, наивности. Тем более, что грузинский лидер уже не первый год даже очевидные поражения обращает в победы. Так было с ним и в августе 2008 года, когда военное поражение и утрата даже тех частей Абхазии и Южной Осетии, которые Тбилиси до этого контролировал, были интерпретированы, как успех. На том основании, что Москва

не вступила в Тбилиси и не свергла Саакашвили (хотя наличие планов такого рода ещё никем не было доказано). И в 2011 году президент Грузии остался верен себе.

Между тем, реальность далека от красивых картинок, нарисованных главой грузинского государства. Грузия отошла от своих первоначальных позиций, которые были заявлены ею в 2005 году, то есть в момент начала переговоров по вступлению России в ВТО. Она согласилась на мониторинг абхазского и югоосетинского участков границ силами международных наблюдателей, то есть фактически делегировала им часть своего суверенитета над территориями, которые считает «своими». Можно это рассматривать как успех. А можно и как отчуждение национального суверенитета уже не де-факто, а де-юре. При этом морская и воздушная граница Абхазии не должна подпадать под этот контроль. Более того, мониторинг должен осуществляться сертифицированными кампаниями, специализирующимися на трансграничном грузопотоке, а не государственными акторами.

Москва пошла на это условие. Но ведь никто же не сказал, что российское руководство кровью поклялось не оказывать материальную помощь двум частично признанным республикам, не поддерживать их в военном отношении и вывести свои базы из Абхазии и Южной Осетии. Да, в 2008 году Россия признала их независимость. Но кооперация в сфере экономики и безопасности между Россией, с одной стороны, и двумя непризнанными республиками, с другой, существовала и раньше. И даже если бы не было формально-юридического признания 26 августа 2008 года, она бы всё равно продолжалась.

Увы, но за последние три года многие эксперты и политики в России слишком фетишизировали факт признания, забыв о том, что любая мощная держава просто по определению должна вести диверсифицированную политику. Например, США работают одновременно с Израилем и Палестиной, Арменией, Азербайджаном и Турцией. Кстати сказать, российско-грузинские экономические контакты, несмотря на политические тупики в двусторонних отношениях, не прерывались после августовской войны. По данным за 2010 год, Россия была третьей страной по объёму прямых иностранных инвестиций в экономику Грузии вслед за Нидерландами и США. Это составило 9,3% от общего объёма иностранного инвестирования. Свои проекты в Грузии осуществляют «Внешторгбанк», «Лукойл», «Билайн» и другие известные российские компании. Нравится кому-то или нет, но Грузия граничит практически со всеми республиками турбулентного Северного Кавказа. Следовательно, определённый уровень кооперации с Тбилиси нужен. Естественно, не ценой отказа от своих национальных интересов и приоритетов.

Но персона Саакашвили не должна абсолютизироваться в этом контексте. Компромисс при вступлении в ВТО позволяет прагматизировать отношения, показав при этом, какие красные линии Россия готова

переступить, а какие считает окончательными. Москва ведь не пошла на удовлетворение первоначальных требований Тбилиси по «легализации» таможенного контроля. Пожалуй, самой острой проблемой в контексте вступления РФ в ВТО является реакция Абхазии и Южной Осетии. Две эти республики лишь совсем недавно вышли из конфликтов, которые и сегодня не выглядят окончательно урегулированными. В 2008 году они лишь сняли вопрос о политическом выживании своих образований. Отсюда и столь повышенная чувствительность к каким-то договорённостям между Москвой и Тбилиси поверх их голов. Думается, что это звено оказалось самым слабым в переговорном процессе по вступлению в ВТО. Никто не заставлял российских переговорщиков педалировать политические темы (тем более, что Москва всё время настаивала на деполитизации процесса). Но ведь никто не исключал и параллельных переговоров на эту тему с лидерами частично признанных республик, в ходе которых Россия могла бы представить свои резоны и аргументы более выпукло, объяснив, что никакого грузинского мониторинга над Абхазией и Южной Осетией не будет. Всё ограничится лишь наблюдением над грузопотоком на границах. Никакая частная сертифицированная кампания не будет навязывать двум частично признанным республикам интеграцию с Грузией или статус «высокой автономии» в её составе. И если вдруг таковое случится, то Москва сможет вмешаться в процесс. России также стоило бы объяснить, что её внешняя политика не может ограничиваться только двумя республиками, а значит, обстоятельства вынуждают к уступкам и компромиссам.

Все эти объяснения и консультации позволили бы избежать ненужного ажиотажа по поводу «сдачи» Абхазии и Южной Осетии. Это помогло бы успокоить малые республики, которые асимметрично воспринимают и большую геополитику, и большую экономику. К сожалению, Москва снова недооценила информационный аспект и не проявила должного уважения к союзникам, дав дополнительные очки радикалам в двух частично признанных республиках, а также спровоцировав подозрительность и недоверие к своим действиям. Теперь России предстоит предпринять немало усилий для того, чтобы убедить союзников в чистоте своих помыслов и поступков.

Таким образом, не стоит драматизировать ситуацию. Вступление РФ в ВТО не отменяет тех реалий, которые сложились после 2008 года. Напротив, оно позволяет сделать отношения с Западом прагматичными, переключить внимание США и ЕС с Грузии на более актуальные темы мировой политики и экономики. Это также сигнал для прагматиков внутри Грузии, готовых к тому, чтобы начать поиск путей улучшения отношений с мощным северным соседом. Однако надо признать, что любое, даже самое позитивное, начинание осуществляется не в безвоздушном пространстве, а в реалиях информационного общества, в котором, если ты молчишь, говорят за тебя и не в твою пользу.

Александр Азаренков

...Россия от России произошла

Государство — это не нянька. Государство — это, прежде всего, аппарат принуждения...

Владимир Путин

Действительность — не бред собачий. Она сложнее и богаче.

Валентин Берестов

Название статьи — перифраз известной поговорки: «казаки от казаков произошли».

В нашем современном обществе, до последнего времени не могут прийти к одному, общему знаменателю, а именно: является ли Россия (РФ) государством-продолжателем СССР или это государство-правопреемник исчезнувшей страны?

Разумеется, возникают вопросы. Если наследница, то наследница во всём? Или частями? Или как? Наследница бывает *прямой* или *законной*. Да к тому ж Россия не является единственной «наследницей». Либо РФ является идеологической, духовной наследницей Триэсерии? Или, при всем том здесь своеобразная реинкарнация [1]? Современная Россия желает отличаться от СССР или нет? Да или нет? Знак равенства (=) «более равных вещей не бывает», *aequalis*, соответствует ли в нашем случае своему значению? «Сходством» это назвать никак нельзя, «аналогией» также.

Было просмотрено и прочтено, с карандашиком в руках, достаточно много публикаций по этой теме. Из немалого объёма собранной информации произведены извлечения и выжимки. Конспект перед вами. А читатель, как повар, может приготовить из этого продукта блюдо, в силу своего разума.

Предпоследние обращающие на себя внимание крупницы, остававшиеся на моём мысленном лоточном сите, — *правосубъект, продолжатель, преемник* — отсеялись, как пройденный, проштудированный, материал. Остались от шлиха лишь понятия, которые в свою очередь трудноато поддаются формулировке.

Я в полной мере отдаю себе отчёт и осознаю, что данный опыт изучения не лишен упущений и погрешностей. Это попытка дать вменяемый ответ на имеющую место быть и наряду с этим запущенную проблему. Я лишь делаю попытку воспроизвести свои наблюдения на бумаге. «Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом» (Конституция, гл. 2, ст. 29, п. 4).

Суждение «правопреемник» и «продолжатель» умышленно сейчас смешивают, а СССР и Россию серьёз считают одним и тем же государством! Убийцу и его жертву... *Какое согласие между Христом и Велиаром? Или какое соучастие верного с неверным?* (Второе послание к коринфянам, гл. 6:15). Матушка-Россия покровительница Церкви (да не только право-

славной), а СССР антитеза — гонитель и истребитель Церкви. Большевики разрушили или осквернили ВСЕ воинские захоронения «царской России». ВСЕ!!! Во-евали с мёртвыми, срывая кладбища и строя на костях очаги своей культуры [2] (более всего стадионы и кинотеатры!). А единичные памятники, что чудом остались, — плоды реставрации, сказать лучше: воспроизведения... Можно уж далее не продолжать эту тему. Сказано в Писании: *И так по плодам их узнаете их* (Матф. гл. 7:20).

У большевиков своё писание: *Мы раздуваем пожар мировой//Церкви... сравниваем с землёй...* и т. д.

Информация. В основном Законе страны, Конституции, с 1925 года ставилась задача, конечная цель — «осуществление коммунизма». Далее дословно:

«...новое союзное государство явится достойным увенчанием заложенных еще в октябре 1917 года основ мирного сожительства и братского сотрудничества народов, что оно послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в **Мировую Социалистическую Советскую Республику**».

Обращает на себя внимание таковая позиция: чуть только окончились сражения Гражданской войны и образовался Союз, вместо устранения разрухи и т. п. победители играют в экспорт революции. Лишь перед Второй мировой войной была убрана целевая направленность, Директива о «Мировой Советской Соци-

листической Республике», из Конституции. Мутная история признания РФ государством-наследником СССР излагается и трактуется, кому как выгодно.

А дело обстоит так. 8 декабря 1991 года в местечке Вискули под Минском подписано Соглашение о создании Содружества Независимых Государств: «Мы, Республика Беларусь, Российская Федерация (РСФСР), Украина, как государства — учредители Союза ССР, подписавшие Союзный Договор 1922 года, далее именуемые Высокими Договаривающимися Сторонами, констатируем, что **Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает своё существование...**»

Постановление Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 г. N 2015-1, О денонсации договора об образовании СССР.

«Руководствуясь Декларацией о государственном суверенитете РСФСР и в соответствии с пунктом 15 статьи 109 Конституции (Основного Закона) РСФСР, Верховный Совет РСФСР постановляет: Денонсировать [3] Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик, утверждённый I Съездом Советов СССР 30 декабря 1922 года в городе Москве».

В декабре 1991 года принято алма-атинское соглашение (Алма-Атинская декларация СНГ 21.12.1991 г.) о прекращении существования СССР.

«С образованием Содружества Независимых Государств [4] Союз Советских Социалистических Республик прекращает своё существование.

Государства — участники Содружества гарантируют в соответствии со своими конституционными процедурами выполнение международных обязательств, вытекающих из договоров и соглашений бывшего Союза ССР».

Отсюда следует вопрос, как можно «продолжать» то, что прекратило существование, то есть перестало существовать, исчезло? «В разбитом кувшине вода не держится».

Как умер? В славном и честном бою? от природных бедствий? от интервенции? Да просто САМ в своих же болячках, пролежнях и язвах — живьём разложился и помер. Что было, к слову, предсказуемо. Ведь и красный флаг (знамя) собственно и означает опасную заразу. Как теперь можно от такого мертвеца брать и нести светоч? Что с такого взять? Только самому заразиться. Скажем, как свыкшиеся с тяжёлой неизлечимой болезнью, которая стала для них уже родной и привычной, многие наши граждане этим привыканием никак не исцеляются. Напротив — уменьшают в себе желание выздороветь, реанимируя большевизм. Надышались трупным запахом до галлюцинаций. Некоторые и не хотят излечиться вовсе, подняв, и, подерживая «знамя» КПСС, — политической организации, вместе с КП РСФСР у нас в стране запрещённой (см.: УКАЗ Президента от 06.11.1991 № 169 [6]). Гнилушки — удобрение хорошее, вот и стала ныне произрастать на них весёленькая зелёная поросль. — *Раньше было лучше*, да и всё тут. Интересно, из какой ямы они черпают своё вдохновение?

Помните в «Бесах» у Достоевского? «...и мы бросимся, безумные и взбесившиеся, со скалы в море и все потонем, и туда нам дорога, потому что нас только на это ведь и хватит. Но большой исцелится и “сядет у ног Иисусовых”... и будут все глядеть с изумлением...»

Во имя чего была разрушена Россия, и для каких целей создавался СССР?

Итак, дуя на флюгер, направляют нас и сверху и снизу, играя вектором, и твёрдо подводят, что Российская Федерация — наследница СССР. Это есть умысел, или обдуманное негласное намерение.

Посмотрим под другим углом на эту историю. И обнаружим самое интересное. То очевидное, что отчего-то никто упорно не желает замечать, логический итог, самопроизвольный в конечном результате. «Липнет муший хоровод». Вспомним официальную историю СССР.

«Договор об образовании СССР, документ, юридически оформивший и закрепивший объединение в одно союзное государство — Союз Советских Социалистических Республик. Этот союзный договор был принят 29 декабря 1922 г. конференцией полномочных делегаций, избранных съездами Советов РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР [7]. 31 января 1924 г. 2-й съезд Советов СССР утвердил первую Конституцию СССР, составной частью которой стал договор об образовании СССР. В основу договора положены ленинские принципы устройства союзного социалистического государства» (Лит.: Съезды Советов Союза ССР, Союзных и Автономных Советских Социалистических Республик. Сб. документов. 1917–1936, т. 3, М., 1960, с. 18–22).

«Декларация об образовании Союза ССР была принята делегатами I общесоюзного Съезда Советов, состоявшегося в Москве 30 декабря 1922 г.

Со времени образования советских республик государства мира раскололись на два лагеря: лагерь капитализма и лагерь социализма. Там, в лагере капитализма — национальная вражда и неравенство, колониальное рабство и шовинизм, национальное угнетение и погромы, империалистические зверства и войны. Здесь, в лагере социализма — взаимное доверие и мир, национальная свобода и равенство, мирное сожительство и братское сотрудничество народов».

(Из Декларации об образовании СССР. 30 декабря 1922 г.).

Но это — 1922-й год! А что ж было раньше, как называлось новорождённое владычество, Государство Ленина-Троцкого, — политическая система власти, установленная большевиками на территории части России? Почти никто не ответит тебе, читатель, на этот вопрос. Заретушировали, отредактировали и приняли положение за непреложную истину, неизменную при всех обстоятельствах. *Lex est, quod notamus* — *Закон есть то, что мы разъясняем*.

... Так-то так, да вон-то как.

Самое первое Советское правительство — это Временное правительство, иначе — СНК: Совет Народных Комиссаров. Цитата из официального документа

с подписями вождей: «Образовать для управления страной, впредь до созыва Учредительного Собрания, временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров» [8].

В настоящий момент Совет Народных Комиссаров составляется из следующих лиц (даётся перечень): Председатель Совета Народных Комиссаров — Владимир Ульянов (Ленин)...» Декрет об учреждении Совета Народных Комиссаров принят 27 октября 1917 года II Всероссийским Съездом Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов <...>. Лишь на 3-м Всероссийском съезде Советов (1918 год!) было принято постановление (sic!) «устранить из наименования Советского правительства слово «временное», а название СНК закрепили Конституцией Советской России. В Конституции РСФСР 1918 г. ставилась задача «установления социалистической организации общества и победы социализма во всех странах». Все члены Политбюро были формально равны, «но некоторые... равнее других».

В марте 1918 г. после переезда ВЦИК, СНК и других центральных учреждений в Москву была провозглашена Петроградская Трудовая Коммуна (ПТК). 29 апреля на I съезде Советов Северной области было решено создать Союз коммун Северной Области [9]. Что и было сделано. Северная коммуна создана как форма советской государственной системы. Съезд избрал ЦИК и утвердил исполнительную власть (на базе отделов Петроградского совета) — Совет комиссаров СК, агентство печати... по сути параллельное дублированное советское государство. Но Москва упразднила СКСО, укрепила вертикаль власти в 1919 году. В самом деле, представления со штатами (state государство) только ещё разыгрывались. Большевики всё ещё думали о мировой революции [10] — и какие там границы, какие там государства. Однако случилось обратное. По моему беглому подсчёту, почти сразу после большевицкого переворота, возникло и выросло как грибы после дождя больше сотни государств. Больших и малых, «хороших» и «плохих», тут нет места для выяснения и подробных выкладок. Кому; Команча; Советская республика матросов и строителей; Зелёный Клин; Русская Краина; Русская народная республика лемков; Исколата; Одесская советская республика; Литбел и т. д. и т. п., — республики, королевства, коммуны, эмираты и даже одна держава. Так свобода-ж.

Внимание! Не путаем Российскую Республику — РДР [1 (14) сентября 1917 (так называемое Временное Правительство, которого на самом деле было тогда два: князя Львова, другое — Керенского и позже третье, СНК) и Российскую Советскую Республику, с января 1918 — РСФСР. Как вариант: Советская Россия (1917–1922)].

А что же, собственно, думает, говорит, указывает, предсказывает о Государстве наш двоименный незабвенный дедушка Ленин? Он же основатель (создатель) и фактически глава Советского государства. Любимый народом до такой степени, что день его

смерти (так!) официально считался в стране Советов праздничным, нерабочим днём, аж до 1951 года! [11]

Перспектива Ильича такова (выдержки из ленинских работ):

Государство — это есть машина для поддержания господства одного класса над другим.

Государство есть машина для угнетения одного класса другим, машина, чтобы держать в повиновении одному классу прочие подчинённые классы.

...Пролетариат эту машину [государство] отбрасывает и говорит: это буржуазная ложь. Мы эту машину отняли у капиталистов, взяли её себе. Этой машиной или дубиной мы разгромим всякую эксплуатацию, и, когда на свете не останется возможности эксплуатировать, не останется владельцев земли, владельцев фабрик, не будет так, что одни пресыщаются, а другие голодают, — лишь тогда, когда возможностей к этому не останется, мы эту машину отдадим на слом. Тогда не будет государства, не будет эксплуатации. Вот точка зрения нашей коммунистической партии.

[Рассказывая о прежних временах] ...И тогда не было государства, не было особого аппарата для систематического применения насилия и подчинения людей насилию. Такой аппарат и называется государством...

История показывает, что государство, как особый аппарат принуждения людей, возникало только там и тогда, где и когда появлялось разделение общества на классы — значит, разделение на такие группы людей, из которых одни постоянно могут присваивать труд других, где один эксплуатирует другого...

[Рассказывая о сочинении Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства»]: Здесь именно говорится, что всякое государство, в котором существует частная собственность на землю и на средства производства, где господствует капитал, как бы демократично оно ни было, — оно есть государство капиталистическое, оно есть машина в руках капиталистов, чтобы держать в подчинении рабочий класс и беднейшее крестьянство. А всеобщее избирательное право, Учредительное собрание, парламент — это только форма, своего рода вексель, который несколько не меняет дела по существу.

(См., в частности: Ленин «О государстве»; Ленин «Государство и революция: Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции» и др.).

Ленинский афоризм: «Пока есть государство, нет свободы. Когда будет свобода, не будет государства». Итог у ленинцев один: государство должно отмереть.

Этот... дедушка, выскочил как чёртик из табакерки и «нагнал пурги». Reductio ad absurdum [12]. Призывает ликвидировать Государство, как вселенское зло вообще, и не любит он эту единицу языка, но сразу же после одного удавшегося эпизода с Российской империей, тут же начинает строить своё, государственное образование — Социалистическое. А что такое социализм? — первая фаза коммунизма, общественный строй, который приходит в результате утверждения Диктатуры пролетариата (цит. по: слов. русск. яз.). И никак иначе. После социализма непременно дол-

жен наступить коммунизм, это ведь вбито в головы миллионов насмерть. В прежние времена за сомнения в Учении очень жестоко наказывали. Но ступень «социализм» мы прошли, значит, живём уже где? — Так вот он какой!!! И даже коммунальные услуги оплачиваем, а иные, счастливые, живут в коммуналах.

СССР — чудесная страна: «пшеницу сеяли на Целине, а собирали в США».

Если РФ является, как утверждают, правопреемником или продолжателем СССР, то период с 1917 г. (с учётом месяца) до декабря 1922 года оказался в юридическом вакууме, для нашего современного государства, иллегальный. Вне закона. Как раньше писали «через закон», то есть в противность закона, против права. Стало быть, Российская Империя есть, Союз ССР есть, а пять лет между ними — нету. Безгосударственное время, как в старину говорили. Заметим себе, что РФ от РСФСР не выводит [13].

Пожалуй, что государство отказалось нечаянно в действительности от промежутка времени, чётко охватывающего гражданскую войну. С этим этапом не знают, что делать теперь, куда его отнести. Во всяком случае, ни в какие рамки и трафареты период не лезет — никак не помещается. Но это *де-юре*, а фактически? «Чортъ, мне опять нечего сказать!»

Пусть читатель сам ответит на этот вопрос. И положи руку на сердце, всякий заметит, что нынешняя Россия является прежней Россией только по названию, только называющей себя так, но не выполняющей своего назначения.

Если вернуться к определениям, то формулировка, согласно которой Россия якобы есть правопреемник и продолжатель СССР, в сущности, чепуха. Россия происходит от России — моя догма, которую я воспроизвёл в печатном виде и вынес в заглавие сочинения. Нынешняя Российская Федерация — наследница СССР? Стало быть, и носитель идеологии? Системы взглядов... идей. Наследница III-го коммунистического интернационала, наконец. Сказать иначе — Коминтерна, деятельность которого проявлялась в виде течения, называемого «большевизмом», которое осуществляло свою диктаторскую власть над Россией в виде так называемой советской власти.

«В одно дерьмо нельзя вступить дважды». Может быть, символика СССР имела что-то общее с досоветской Россией? Государственные символы Российской земли, а именно Герб, Флаг, Гимн, — были уничтожены вместе с самой исторической Россией [14] и даже название **Россія** заменили. Заметим себе, наше современное государство продолжатель не тысячелетней Руси-России, а лишь кратковременного, красного от крови, периода советского коммунизма, пребывавшего чуть несколько десятков лет. Это, если мы принимаем предлагаемый вариант.

Насчёт «символов» есть занятное наблюдение — члены КПРФ сейчас всюю торгуют «символикой» и знаками СССР. Сказать проще и точнее — распродают советские символы и «святые» (в т. ч. изображения Ленина), серпы с молотами, красные флажки

со звёздами, гербы... и чего больше тут: желания получить прибыль или пропаганды, — сказать уже трудно.

— «Наследница»? Это-то при радикальной смене общественного и политического строя?

— «Наследница»? А где это записано? В каком Законе или Указе? В пользу вопроса есть лишь одна-единственная зацепка, одна строчка. Государства СНГ заявили, что они «поддерживают Россию в том, чтобы она продолжала членство СССР в ООН, включая постоянное членство в Совете Безопасности и других международных организациях...»

Только «членство». Но членами ООН были и состоят Белоруссия, Украина [15]. Был там, естественно, и СССР. Но НИКОГДА — РСФСР!

Наш основной Закон — российская Конституция [16] — самый важный и главный закон государства, определяющий его общественное и государственное устройство, избирательную систему, принципы организации и деятельности государственных органов, основные права и обязанности граждан. Вспомним.

— «Наименование Российской Федерация и Россия равнозначны» (Глава 1, статья 1) [См. так же Указы президента о Гербе и Флаге].

— «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (статья 13).

— «Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации» (статья 15).

Конституция Российской Федерации вступает в силу 12 декабря 1993 года, одновременно прекращается действие Конституции (Основного Закона) Российской Федерации, принятой 12 апреля 1978 года...

Остальные статьи и пункты даже близко не стоят, чтобы приблизить разрешение вопроса о «наследии». По моему мнению, пожалуй, что всему миру (за редким исключением) выгодно чтобы РФ была, оставалась и числилась в одних случаях продолжателем, в других — правопреемником. Закон — *дышло*: куда повернул, туда и вышло. Правда, не идеологически, а лишь только затем, чтобы новое государство отдавало им старые долги СССР. Скажу иначе: как долги отдать, то, пожалуйста, называйтесь, как желаете, «чем бы дитя ни тешилось...» А вот если РФ намекает, чтобы ей отдали советский долг, то, мол, Россия большая и добрая... у неё ведь и так всё есть.

Это чистой воды бизнес: деньги; недвижимая и др. собственность, имущество; дела-сделки; деньги; деньги... Мотивация иностранцев — понятна, а у «своих» сограждан — собственные «тараканы в голове».

Ergo. Тот, кто продолжает и развивает дело, идеи своего предшественника — *продолжатель*. Юридический наследник — это *правопреемник*.

Следует заметить, что употребляют и используют термины в зависимости от выгоды (в просторечье *прибыли*) для себя и от ситуации, в конечном, для себя же, результате. Впрочем, «термин» — слово являющееся точным обозначением определённого понятия, а тут уместнее «варьировать», т. е. создавать свои варианты,

трактовать своими тут же созданными позициями. «Судья, что плотник: что захотел, то и вырубил». Словами Ю. Афанасьева: правящая система «обволакивает» и переориентирует в своих целях любое благое начинание «провозглашённое»... для борьбы с пороками этой системы...»

— Революционеры, социалисты, придя к власти, Законы Российской Империи отменили — все и без исключения! Да что там законы, когда весь строй сменился, поменялся полюсами. «Кто был ничем, тот станет всем», «...последние станут первыми».

— В 1991 году был расторгнут Россией Союзный договор 1922 года (т.е. возникновения СССР). Выходит, что все эти *красные* «герои» [17] гражданской войны — чапаевы, азины, свердловы, щорсы и иные им подобные, и всё, что с ними связано, выпущены в свободный полёт, в чёрную четырёхгодичную дыру Истории. «Всякое дерево, не приносящее плода добраго, срубают, и бросают в огонь» (Матф.: гл. 7:19).

Белые же в большинстве своём в этот контингент и пропуск не входят, т.к. относятся к Исторической России, а не к строителям «светлого будущего», коммунистического рая, диктатуры пролетариата на месте разрушенной ими почти до основания (не успели. Война помешала) Великой Державы. Белых повывели на своей территории, да взяли за представителей своего же новосозданного советского народа, дабы «пополнить число». Гекатомба. Это СССР вышел из РСФСР, а та в свою очередь от Временного правительства СНК. Не больше и не меньше. СССР (большевики-интернационалисты) завоевали Россию на фронтах Гражданской войны, так же, как монголо-татары завоевали когда-то землю русскую. Разницу объяснил Владимир Солоухин — «эти люди тотчас

ввели в стране жесточайший оккупационный режим, какого ни в какие века не знала история человечества». Право и возможность господствовать, распоряжаться, повелевать получили силою оружия и обманом, ложью («землю — крестьянам»; «заводы — рабочим»; моря — матросам...) носители пришлого менталитета. Чужие. Только они постановили, что все вокруг посторонние и с ними можно по-всякому. Часть этого действия охарактеризую словами Екклесиаста: «Не скоро совершается суд над худыми делами; от этого и не страшится сердце сынов человеческих делать зло».

Можно ли поставить знак равенства между *красным*, безбожно-интернациональным движением и *белым*, носителем религиозно-национальной идеи?

Большевики разрушили и утопили в крови Россию, а, сделав из неё первоначальную ступень к Мировой Революции, раздувая мировой пожар, потом уже из краденого и присвоенного пытались создать доселе невиданную и неслыханную страну. С ликвидацией всех и вся — и «чужих», и «своих».

Мудрость веков была списана ими в ветошь [18]. *И так во всём, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки (Матф. гл. 7: 12).*

И последнее. 12-го июня — развал СССР, день независимости от СССР, или государственный суверенитет Российской Федерации в составе СССР, или простейшее — День России? — т.е. День принятия Декларации о государственном суверенитете Российской Федерации. С простой датой запутались и каждый маломальский *голова* полагает по-своему. Метко сказано: «перо в суде — что топор в лесу: что захотел, то и вырубил!»

Приложение

01.01.2011, Москва. 00:07:04. Президент РФ Дмитрий Медведев поздравил россиян с Новым годом. В своём обращении глава государства сказал: «Уважаемые граждане России! Дорогие друзья! Под бой курантов ушел в историю 2010 год и вместе с ним первое десятилетие нынешнего века. Провожая старый год, мы вспоминаем его радостные и грустные моменты и надеемся, что следующий будет хорошим и удачным для каждого из нас и для всей страны. Мы будем вместе строить современную Россию, сильную, открытую, дружелюбную.

У нас богатая и древняя история, и мы по праву ею гордимся. И в то же время Россия — молодая страна. **Напомню, что в наступающем году ей исполнится только двадцать лет.** Для государства это не возраст, но дети, родившиеся в новой России, уже стали взрослыми. Теперь и от них зависит, каким будет второе десятилетие этого века.

И всё, что мы делаем, мы делаем для наших детей — для того, чтобы они были здоровы, чтобы у них в жизни все получалось, чтобы они жили в безопасной, благополучной и счастливой стране — стране, где уважают старших, сохраняют традиции нашего много-

национального народа, где стремятся к достижению новых целей. Уверен, так и будет.

Дорогие друзья! У новогоднего праздника есть своя неповторимая атмосфера. Этот праздник наполнен особой теплотой и искренностью. Давайте поздравим друг друга, пожелаем любви и счастья! И пусть сбудутся все наши мечты! С новым, 2011 годом!»

1. Повторное воплощение.
2. Театр абсурда. Крупные стадионы строили перед войной прямо на кладбищах. Затем, по тому же проверенному методу, стали ставить на костях людей большие кинотеатры. Сомневающимся — прошу в Интернет. Ключевые слова: «кладбище», «стадион» [«Динамо»]...
3. Денонсация, денонсирование (от фр. «расторгать») — прекращение международного договора. Денонсация производится, как правило, в соответствии с самим договором либо с другими нормами международного права. Она не является нарушением договора, а, наоборот, является его правомерным прекращением.
4. Учредителями СНГ являются 11 государств, а дат основания Содружества две (8 и 21 декабря 1991 г.). Учредительными актами являются три документа — Соглашение о создании Содружества Независимых Государств от 8 декабря 1991 года, Протокол к Соглашению и Декларация (Алма-Атинская) от 21 декабря того же года.

5. Пример «Красный флаг». Международный свод сигнальных флагов определяет: «Я несу опасный груз» или «Опасная зона», «Карантин» (буква В). И вот, что интересно — в советских и нынешних изданиях по теме, например «Сигнальные флаги Российского флота XVIII века», красный флаг (рисунок) есть, а что он означает — не указывают. Красный флаг на Флоте всего мира означает «Заражённая зона». Если он реет над портом — «Опасно! Вход в заражённую зону запрещён». А на земле красными флажками огораживают что?.. В психологии: «Для большинства людей красный цвет ассоциируется, прежде всего, с кровью и огнем».
6. Указом Президента Российской Федерации от 23 августа 1991 г. остановлена деятельность КП РСФСР; Указом от 6 ноября 1991 г. деятельность КПСС и КП РСФСР прекращена на территории Российской Федерации (России).
7. 12 марта 1922 г. в Тбилиси был утверждён договор о создании Федеративного Союза Социалистических Советских Республик Закавказья (ФСССРЗ), преобразованного 13 дек. 1922 г. в ЗСФСР. По конституции СССР 1936 г. Азербайджан, Грузия и Армения вошли в состав СССР как самостоятельные республики.
8. См., в частности: «Великая Октябрьская Социалистическая Революция», энциклопедия. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1977 г. и др. Газета «Рабочая Москва» (Экстренный выпуск о смерти В. И. Ленина. 22 января 1924) на первой полосе (внизу справа) публикует лозунг МГК РКП (б) «Могила Ленина — колыбель свободы всего человечества»!!! Но это так, к слову.
9. Союз Коммунов включал в себя губернии — Петроградская, Псковская, Новгородская, Вологодская, Олонецкая, Архангельская, Череповецкая и Северо-Двинская.
10. «Революция» буквально значит по-латыни **обратное развитие**, *revolutio*.
11. См.; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 августа 1951 года «Об объявлении 22 января рабочим днём».
12. Абсурдность ещё состоит в том, что «Владимира Ильича Ленина» при его жизни было трудно найти! «Вечно живой» глава Совнаркома подписывал декреты, официальные докумен-
ты так: «Вл. [или В.] Ульянов (Ленин)». «Книга» «Империализм как новейший этап капитализма» (1917) подписана *Н. Ленинъ (Вл. Ильинъ)*. Книга «Очередные задачи Советской власти» (1918), подписана *Н. Ленин*. «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (окт. 1918) подписана (и подчеркнута!) *Н. Ленинъ (Вл. Ульяновъ)*. Книга «Детская болезнь "левизны" в коммунизме» (1920) подписана *Н. Ленин*. Книга «Государство и революция» (1918) подписана *В. Ильинъ (Н. Ленинъ)*. И т.д. и т.п. Источник: «По залам Центрального музея В. И. Ленина. Краткий путеводитель», М.: Политиздат, 1968 г. (составлен сотрудниками музея). Фотографии обложек книг Ленина.
13. Впрочем, один краткий период времени РФ имела герб РСФСР. Ровно 2 года, день в день. Отменён был Указом Президента РФ «О Государственном гербе Российской Федерации» (В целях восстановления исторической символики Российского государства...) от 30 ноября 1993 г. № 2050, с приложениями 1 и 2. О Государственном флаге России см. Указ Президента РФ от 11 декабря 1993 г. № 2126; Положение, от того же номера Указа. Указ Президента РФ «О дне Государственного флага Российской Федерации» (В связи с восстановлением 22 августа 1991 г. исторического российского трёхцветного государственного флага, овеянного славой многих поколений россиян...) от 20 авг. 1994 г. № 1714.
14. Пример. «Декрет о памятниках Республики». «В ознаменование **великого переворота**, преобразовавшего Россию, СНК 12 апр. 1918 постановил...» и т.п.
15. Кстати, по статье 18-б, от 1 февраля 1944 года — Украина и Белоруссия имели право на собственные войсковые формирования.
16. Лат. *constitutio* — установление.
17. В одной из битв гражданской войны против Цинны некий солдат Помпея убил своего брата, не узнав его между врагами, и тут же от стыда и отчаяния наложил на себя руки; а спустя несколько веков, во время другой гражданской войны, которую вёл российский народ, другой боец, убив брата, потребовал или ждал от своих начальников награду за это.
18. «Удостоить в тряпье» — старинный термин на списание.

МОСТЫ ИЗ ПРОШЛОГО

Владимир Чичерюкин-Мейнгардт

Памятники Гражданской войны в РФ

Весной–летом 2011 г. мне удалось посетить несколько городов, расположенных буквально в трёх часах езды к югу от Москвы. В Зарайске и в Рязани я побывал впервые в жизни. Калугу, Венёв, Плавск посещал и раньше, равно как и Тулу.

Ещё со школьной поры мне хорошо запомнилась, как аксиома, фраза о триумфальном шествии советской власти с ноября 1917 по февраль 1918 г. Во всех вышеперечисленных городах советская власть тогда установилась мирным путём. В годы Гражданской войны эти города не переходили из рук в руки красным и белым. Но, тем не менее, памятники жертвам Гражданской войны, разумеется, с красной, или советской, стороны в этих городах есть.

Свой рассказ я начну с Калуги. Для большинства читающей публики Калуга ассоциируется с двумя-тремя именами. Это учёный К. Циолковский, имам Шамиль, композитор и музыкальный педагог Н. Раков. Можно ещё вспомнить знаменитый Полотняный Завод — усадьбу дворян Гончаровых.

Первый раз я приехал в Калугу школьником с экскурсией в октябре 1976 г., и город тогда показался под стать унылой, дождливой и пасмурной осенней погоде. И лишь спустя много лет состоялось знакомство с Калугой по-настоящему, в первых числах сентября 2008 г.

Это произошло благодаря калужанину литератору Д. В. Кузнецову.

Я приехал в Калугу по-летнему ярким, солнечным и очень тёплым утром экспрессом из Москвы.

Во время экскурсии по центру города Д. В. Кузнецов показал мне камень рядом с бывшим губернаторским дворцом, на котором были увековечены имена четырёх местных большевиков, погибших от рук контрреволюционеров. Эта достопримечательность меня заинтересовала и, вернувшись в Москву, я перечитал воспоминания белого офицера ротмистра А. А. Столыпина «Записки драгунского офицера», опубликованные в начале 1990-х гг. на страницах петербургского альманаха «Русское прошлое». Их автор — дальний

родственник П. А. Столыпина и М. Ю. Лермонтова, проходил службу в 17-м Нижегородском драгунском полку и стал свидетелем и участником драматических событий, разыгравшихся в октябре 1917 г. в Калуге.

После победы Февральской революции солдаты Калужского гарнизона, вдохновлённые Приказом №1, принятым Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов, рьяно принялись претворять в жизнь революционные и демократические новшества. Солдаты митинговали, игнорировали воинскую дисциплину, вызываясь вели себя по отношению к мирным обывателям, а если вид у них был, с точки зрения солдат, чересчур «буржуйский», оскорбляли и избивали. Избивали офицеров и врачей. Последних — за то, что доктора не столь охотно, как хотелось солдатам, выдавали документы на внеочередной отпуск или увольняли от военной службы вчистую по состоянию здоровья. Из защитников Отечества под воздействием большевицкой агитации они превращались в разбойничьи шайки, и калужанам самим требовалась защита от таких защитников.

Ещё более вольготно почувствовали себя солдаты на фронте и в тылу после провала выступления генерала Л. Г. Корнилова.

В годы Второй Отечественной войны 1914–1918 гг. Калуга и её гарнизон входили в состав Минского военного округа. А посему именно из штаба округа был отдан приказ о наведении, как сейчас сказали бы, конституционного порядка в городе и о роспуске незаконных вооружённых формирований. Причём их вполне уместно было бы назвать бандформированиями.

Навести порядок в Калуге было приказано командиру 17-го Нижегородского драгунского полка полковнику А. Ф. Брандту. Был сформирован отряд, куда вошли подразделения нижегородских драгун, кубанских и сибирских казаков, которые прибыли в Калугу по железной дороге. На месте к ним присоединился автобронедивизион под командованием поручика Дударова.

Для начала им пришлось вступить в переговоры с местными советами. А их в губернской Калуге оказалось целых три — Солдатский, Рабочий, Крестьянский. По вполне понятным причинам переговоры зашли в тупик. Революционные солдаты отказались сдать оружие, и уж тем более ни под каким предлогом не желали отправиться из тихой тыловой Калуги, в которой они чувствовали себя полными хозяевами, в действующую армию.

Прибывших военных они обвинили в том, что они «контрреволюционеры» и «корниловцы».

Поскольку переговоры зашли в тупик, то полковник Брандт принял единственно верное решение — применить силу против совдепов.

В ночь с 18 на 19 октября (ст. ст.) жителям Калуги пришлось стать свидетелями вооружённых столкновений на улицах своего родного города, с применением ружей, пулемётов и броневикулов.

Отряд полковника Брандта повёл наступление под прикрытием броневикулов по всем правилам военной науки, от площади, на которой стоят Торговые ряды.

Часть солдат и казаков двигалась по улице, другая направилась через городской парк. Так они вышли к бывшему губернаторскому дворцу — каменному двухэтажному зданию, которое явочным порядком захватили местные большевики, разместив в нём совдеп. Это был главный оплот советчиков в Калуге.

Обстреляв здание из ружей и карабинов, солдаты и казаки ворвались внутрь. Нанося удары прикладами и шашками плашмя, они заставили революционных солдат и прочую публику, находившуюся в здании, сложить оружие. По словам А. А. Столыпина, был ранен один драгун и ранен один солдат, защитник советов.

Вроде бы спустя несколько дней где-то за городом произошло боестолкновение между войсками, верными Всероссийскому Временному правительству, и каким-то красногвардейским отрядом.

Так или иначе, но на мемориальном камне рядом с бывшим губернаторским дворцом на камне увековечены имена четырёх борцов, погибших за советскую власть. Когда и при каких обстоятельствах они погибли, никто толком не знает.

Надпись привожу дословно:

«Светлой памяти калужских большевиков

Александрова С. А.

Вильперт Н. Н.

Мицит-Матвеевой Ю. Ф.

Савельева П. Х.»

Раньше камень стоял на более основательном постаменте, украшенном не то изображением Орлёнка, не то Мальчиша-Кибальчиша. Орлёнка-Кибальчиша в своё время утащили неизвестные злоумышленники. Но сделали они своё черное дело не по политическим мотивам, а из корыстных побуждений. Сдали трофей в пункт приёмки цветных металлов.

По сей день у памятника собираются калужские коммунисты на сходки. И один раз в год проводят субботник.

Что же касается отряда полковника Брандта, то в Калуге он простоял свыше месяца. Уже захватили власть большевицкие ВРК в Петрограде и в Москве, а здесь продолжали функционировать органы власти как при Временном правительстве. Только в 20-х числах ноября 1917 г. отряд полковника Брандта покинул Калугу.

Московский ВРК направил туда специальную экспедицию, которую возглавил комиссар Пётр Витолин. На сей раз настроения депутатов городской думы переменились, и они отказались от идеи организовать вооружённое сопротивление московским красногвардейцам. 2 декабря 1917 г. комиссар Витолин вступил в исполнение должности губернского комиссара. Так в Калуге установилась советская власть.

Фасад бывшего губернаторского дворца украшают мемориальные доски с именами большевиков — участников революционного подполья и активных борцов за установление советской власти в Калужской губернии. В списке около 60 фамилий. Но даты жизни не указаны ни у одного.

Мирным путём установилась советская власть в Туле и уездных городах Тульской губернии. В Исто-

рической библиотеке в Москве, я нашёл книгу П. Богданова «За разгром Колчака и Деникина. Из истории Тульской партийной организации в годы гражданской войны» (Тула, 1961 г.). В ней приводится хронология установления советской власти в Тульской губернии.

1917 год. Советская власть установилась в Венёвском уезде 10 декабря, Епифанский уезд — 12 декабря, Богородицкий уезд — 19 декабря, Крапивенский уезд — 28 декабря.

1918 год. Одоев — 8 января, Новосиль — 11 января, Чернь — 14 января, Ефремов — 16 января, Алексин — 18 января, Кашира — 23 января, Белёв — 29 января, Тульский уезд — 18 февраля. Все даты даны по новому стилю.

Правда, в других советских изданиях дата установления советской власти в Венёве и в уезде давалась как 27 октября, без уточнения стиля.

Ориентируясь по высокой колокольне, оставшейся от бывшего кафедрального Свято-Николаевского собора, я вышел на Красную площадь. На ней сосредоточена большая часть городских достопримечательностей — собственно сама колокольня, две полуразрушенные церкви из красного кирпича и краеведческий музей. Он располагался в крепком двухэтажном каменном здании постройки XVIII в.

Памятник из чёрного камня, на котором были начертаны имена двух местных большевиков — чекиста и военкома, погибших при подавлении антисоветского восстания осенью 1918 г.

В 2009 г. никаких экспонатов, связанных с восстанием крестьян осенью 1918 г. в Венёвском уезде, в музее не было. Сотрудницы музея подтвердили сам факт — восстание имело место, и было оно вызвано в первую очередь продрозвёрсткой.

В Интернете удалось найти тексты из советских краеведческих изданий, со всем набором штампов советской исторической науки и агитпропа.

В самом городе Венёве первая попытка свергнуть советскую власть была предпринята в январе 1918 г. Она была вялой и обошлась практически без жертв. По всей видимости, это было откликом на разгон большевиками Учредительного собрания.

В Исторической библиотеке мне попала в руки книга П. Богданова «За разгром Колчака и Деникина. Из истории Тульской партийной организации в годы гражданской войны» (Тула, 1961). В ней упоминается о том, что обстановка обострилась в Венёвском уезде и в Тульской губернии в целом летом 1918 г. «Волна кулацких мятежей весной–летом 1918 г. прокатилась по уездам Тульской губернии.

В апреле 1918 г. в губернию были направлены сводные социалистические отряды ВЦИК под руководством В. Панюшкина в составе трёх отрядов пехоты, эскадрона кавалерии, артиллерийского дивизиона, бронепоезда, бронепоезда и других специальных частей».

В 1918 г. местные советские власти в Туле во главе с будущим наркомом здравоохранения СССР Г.Н. Каминским начали кампанию красного террора, что вызвало нареkania даже среди части советских руководителей.

Об этом также упоминается в книге П. Богданова: «Летом 1918 г. имел место конфликт между руководством партийной фракции губисполкома и председателем губкома партии Н. Копыловым. Последний необоснованно обвинял коммунистов, работавших в губисполкоме, в злоупотреблениях властью, а в августе осудил решение губисполкома о расстреле некоторых врагов революции... Г. Каминский и другие партийные работники приняли экстренные меры для реорганизации партийных органов. 16 августа 1918 г. объединённое заседание губернского и городского комитетов партии с участием партийного актива и представителей ЦК и МОБ РКП (б) выделило новый состав губкома партии, одобрило общее направление деятельности губисполкома, его политику массового террора против буржуазии и её агентов. Председатель губкома Н. Копылов был освобождён от работы в Туле и откомандирован на Восточный фронт».

Интересно отметить, что в 1918 г. туляков — мобилизованных и добровольцев — отправляли на Восточный фронт, т. е. на Волгу, а не на Юг России.

На страницах книги П. Богданова упоминается Д. Соломенцев — председатель губревтрибунала, в дальнейшем он был военным комиссаром Венёва. А также называются имена первых тульских чекистов — Д. Прокудин, Д. Коптельцев, В. Ульянов, И. Белопищев, Д. Фомин, А. Чиненов.

Сопrotивление советской власти не прекращалось.

«В ноябре 1918 г. кулацкая банда захватила власть в Кобелевской волости Крапивенского уезда, хотела поднять крестьян на борьбу против Советской власти и в других волостях. Кулацкие мятежи имели место в это время в некоторых волостях Белёвского, Богородицкого, Епифанского, Каширского, Венёвского и Тульского уездов. Но все они были быстро подавлены коммунистическими отрядами, направленными из уездных центров и Тулы, при активной поддержке трудящихся крестьян».

Хочется верить, что со временем будут названы имена тульских крестьян — повстанцев и их командиров, и материалы о них займут своё место в краеведческих музеях.

Осенью 1918 г. венёвским чекистам стало известно о том, что в ряде сёл уезда «зреет антисоветский заговор, который готовят кулаки, эсеры и белогвардейские агенты». Весной–летом 1917 г. партия эсеров была едва ли не самой массовой, потому что позиционировала себя как политическую силу, выражающую чаяния крестьян. Для страны, в которой до 77% составляли крестьяне, ей был гарантирован успех. В 1917 г. какое-то время в эсерах состоял будущий маршал Советского Союза А.И. Егоров и один из руководителей восстания левых эсеров в Москве 6 июля 1918 г. Ю. А. Саблин станет комкором Красной армии (звание комкора соответствует званию генерал-лейтенанта).

Очагом зреющего восстания стали села Урусово и Гремяче.

8 ноября 1918 г. венёвцы напали и избили уездного военкома Д.С. Соломенцева. Подоспевшие красноармейцы отбили его, применив оружие. В тот же день

в ряде волостей Венёвского уезда начались антисоветские выступления крестьян. В Венёве был сформирован отряд из красноармейцев, милиционеров, чекистов и советских работников. Советские издания писали о том, что мятеж был подавлен в зародыше. При этом погибли председатель Венёвской ЧК Рогожин, военком Бизюков, председатель Клинского волисполкома Голованов и секретарь Кормовского волисполкома. Не говорилось о том, сколько погибло крестьян при подавлении этого восстания и сколько было репрессировано после подавления.

Убитых чекиста и военкома торжественно похоронили на Красной площади Венёва, а памятник с их именами украсили надписью «Погибли во время кулацкого мятежа при установлении Советской власти в Венёвском уезде в 1918 году». Правильнее было написать «при восстановлении», ведь советская власть установилась ещё год тому назад.

Что же касается военкома Соломенцева, то он пять дней находился в бессознательном состоянии и выжил. В 1957 г. он предоставил свои воспоминания для сборника мемуаров тульских ветеранов КПСС, посвящённого сорокалетию «Октябрьской революции».

А антисоветские выступления крестьян, заговор в самой Туле имели место и в следующем, 1919 г.

В сборнике статей «Сельское хозяйство — основное занятие чернян» (Чернь, 2004) скупо обронена фраза: «Но первые годы советской власти были омрачены продрозвёрткой и крестьянскими волнениями. Так в Чернском уезде в 1919 году было подавлено “кулацкое восстание”, отобрано оружие и хлеб».

Упомянувшийся П. Богданов в сборнике «За разгром Колчака и Деникина» писал: «В уездах губернии кулацкие и другие контрреволюционные элементы осенью 1919 г. оживили свою подрывную деятельность. В Чернском уезде при приближении Деникина они пытались разрушить телефонную и телеграфную связь Южного фронта с Тулой и Москвой».

Далее автор пишет о том, что Чернский ревком взял заложников из буржуазии и кулачества, но умалчивает об их дальнейшей судьбе. В Черни ещё в середине XIX в. был построен тюремный замок, и заложников было где разместить.

Однако эта страница истории Чернского уезда в экспозиции краеведческого музея никак не отражена.

«Осенью 1919 г., — продолжает Богданов, — органы ЧК в Туле ликвидировали несколько контрреволюционных заговоров. Были разоблачены контрреволюционные группы среди военных работников в системе всеобуча и шпионский центр в Тульском отделении военконтроля».

Назывались имена арестованных военспецов — «бывшего» генерала В. Мезеуса, «бывшего» полковника Степова, «бывшего» офицера Доссе.

Однако были у тульских чекистов «проколы». Здесь можно вспомнить «стрекопытовщину» — восстание красноармейцев двух пехотных полков — Тульской бригады, отправленных из Тулы в Белоруссию. Выступление возглавил прапорщик Стрекопытов.

Ещё более драматические события разыгрались в годы Гражданской войны в соседней Рязанской губернии. Причём акты сопротивления имели место и в начале 1930-х гг.

Рязань. Высокий обелиск четырёхгранной формы, увенчанный пятиконечной звездой. Обычно такие памятники стоят на местах бывших сражений 1941–1945 гг., на братских могилах бойцов и командиров Красной армии. Но этот обелиск оказался памятником другой войны — Гражданской. (И даже не одной, многие отечественные историки и публицисты считают сопротивление крестьян преступной сталинской коллективизации 1929–1933 гг. Второй Гражданской войной в истории России XX в.)

Как гласят советские издания, советская власть установилась в Рязани и её уездах мирным путём. Правда, признавался очевидный факт — Гражданская война докатилась до Рязанщины. Первый раз в конце лета 1919 г., когда во время знаменитого Мамонтовского рейда (Н.Н. Рутченко (Рутыч) в справочнике по офицерскому составу Вооружённых Сил Юга России сообщает, что фамилия Мамонтов встречается и в варианте Мамантов, однако предпочитает вариант через «о» — *Ред.*) донские казаки на короткое время взяли уездный город Рязань. Второй раз это было в 1920/21 гг. когда крестьянские повстанческие отряды, действовавшие в лесах Рязанщины, установили связь с Повстанческой армией Антонова в соседней Тамбовской губернии. Именно эти страницы истории вспомнились мне, когда я осматривал и фотографировал памятник в Рязани.

Он оказался памятником на братской могиле борцов за власть советов, причём многих из них смерть наступила спустя многие годы после окончания Гражданской войны.

На четырёхгранном основании обелиска были установлены две мемориальные доски с фамилиями — «Красногвардейцы Ершов А.И., Корчагин В., Зубков и другие, павшие в борьбе с контрреволюцией 1918 года».

«Красногвардейцы Таманский И.П., Коньшев И., Рябинов А. и другие, павшие в борьбе с контрреволюцией 1918 года».

Сам же обелиск был украшен мемориальной доской с надписью «Вечная память героям Гражданской войны 1917–1918 гг.»

Вокруг самого обелиска были уложены плиты с именами местных партийцев и советских активистов, сыгравших, надо полагать, яркую роль в установлении, защите и упрочении советской власти в Рязани и в Рязанской губернии. Фамилии были увековечены в алфавитном порядке. В ряде случаев создателям этого своеобразного пантеона не был известен год рождения того или иного борца за власть советов. На последней в алфавитном порядке мемориальной плите несколько последних строчек были пустыми и за прошедшие десятилетия, т.е. с середины 1930-х гг., новые захоронения, или подхоронения, не осуществлялись.

Ниже приводится список борцов за советскую власть. Даты рождения с 1861 по 1903, но в основном — 80–90-е гг. XIX века. Даты кончины с 1919 по 1935.

Даты смерти всех этих товарищей наводят на размышления. У тех, кто ушёл из жизни в 1919 г., с большой долей уверенности можно поставить «диагноз», или «эпикриз» — Мамонтовский рейд. Тем, у кого годы смерти с 1920-го по 1922-й, с такой же долей уверенности можно поставить «диагноз» «антоновщина». С 1928 по 1933-й — «диагноз» коллективизация. У тех борцов за власть советов, кто ушёл из жизни между 1922 и 1928 гг., причиной мог быть пресловутый «кулацкий бандитизм».

В книге Э. Щербакова «На земле нашей Плавской раздольной...» (Тула, 2009) (города Плавска, Тульской губернии) упоминалось убийство советского активиста Н. А. Орлова (1894–1924) в селе Сергиевском, из которого и вырос современный Плавск. Он был убит выстрелом в спину на середине моста через речку Плаву, возвращаясь с митинга по случаю открытия памятника Ленину. О судьбе убийц ничего не говорится, и поэтому можно предположить, что они так и не были схвачены. Погибший Орлов в годы Гражданской войны одно время служил в ЧК.

Конечно, немало участников Гражданской войны ушли из жизни в 30–40 лет, как красных, так и белых. Можно вспомнить о том, что в 1920-х гг., в относительно либеральные годы НЭПа, увидел свет целый ряд литературных произведений советских писателей, главным героем которых является чекист, которого преследуют воспоминания о расстрелах времён красного террора. Итог закономерен: чекист либо попадает в психушку, либо пускает себе пулю в лоб. Учитывая с очень большой долей вероятности, что многие красные, похороненные под обелиском, могли быть причастны к акциям красного террора, вполне возможно, что кто-то из них закончил свои дни в лечебнице для душевнобольных или покончил жизнь самоубийством.

В Исторической библиотеке я нашёл несколько книг, посвящённых истории Рязани, но ни в одной из них я не нашёл упоминания об этом обелиске и братской могиле. У меня же создалось впечатление, что сюда в разные годы переносили останки погибших красногвардейцев, чекистов, советских и партийных работников, участников коллективизации и прочих, погибших в разные годы в разных уездах и волостях Рязанской губернии. После 1935 г. новых захоронений в эту братскую могилу не делали.

В 1961 г. в Рязани были изданы воспоминания старых большевиков, которые рассказывали о своём участии в установлении советской власти на Рязанщине и борьбе с «врагами революции» в годы Гражданской войны.

Теперь известно, как записывались подобные воспоминания, — роль журналистов сводилась в первую очередь к тому, чтобы тщательно цензурировать и редактировать воспоминания своих «подопечных».

Первое, на что я обратил внимание, так это на биографические справки авторов воспоминаний. Боль-

шинство из них вступило в большевицкую партию в 1918 г. Осенью 1918 г., т. е. когда Российская республика ещё находилась в состоянии войны с блоком центральных держав, двое из авторов дезертировали и читателям поведали о своём дезертирстве как о чём-то нормальном и само собой разумеющемся.

«Шёл декабрь 1917 г. Я возвращался из армии, к себе домой на родину».

«Шёл солдат с фронта».

А далее, читая воспоминания старых большевиков, остаётся только загибать пальцы, подсчитывая в каких уездных городах Рязанской губернии в 1918–1919 гг. произошли антисоветские восстания и выступления.

Вот что вспоминал ветеран ВЛКСМ: «В некоторых уездах (Сапожковский, Михайловский, Рязский, Спас-Клепиковский) возникали кулацкие восстания, в лесах появлялись банды кулацко-зажиточной части деревни и дезертиров, которые терроризировали бедноту, грабили сельскохозяйственные коммуны и совхозы, сжигали помещения сельских клубов, истязали и убивали сельских коммунистов, представителей комитетов бедноты и Советской власти на местах. Комсомольцы с оружием в руках участвовали в карательных экспедициях против банд, содействовали их уничтожению».

В этой трудной и тяжёлой борьбе много активных комсомольцев сложило свои головы от пуль кулаков и бандитов. Они умерли за нашу прекрасную, счастливую жизнь». (Страницы былого (воспоминания старых коммунистов). Литературная запись. Рязанское книжное издание, 1960. Партархив Рязанского обкома КПСС.)

Что же, ветеран ВЛКСМ и КПСС действительно мог считать себя счастливым в начале 1960-х гг. Ему удалось, по всей видимости, благополучно пережить сталинские чистки, в ходе которых погибнуть было, наверное, больше шансов, чем в годы Гражданской войны и во время коллективизации. Наверняка ему выплачивалась персональная пенсия и полагались прочие материальные блага.

Но меня заинтересовали слова о составе т. н. банд. Не вызывает сомнения, что Великая война 1914–1918 гг. расшатала нравственные устои русского народа и россиян, и поэтому у некоторых нижних чинов не было желания возвращаться домой, к мирной жизни. Таким было всё равно, у кого служить, у красных, или у белых. Типичным персонажем времён Русской Смуты можно считать солдата Сенушкина в романе С. Залыгина «После бури». Безусловно, такие солдаты, вернувшиеся в родные края, отбившиеся от дома, от семьи, от нелёгкого крестьянского труда, да и, по большому счёту, от нормальной мирной жизни, могли податься в леса.

А вот что касается участия кулаков в подобных «бандах», то здесь возникает вопрос: а что их на это толкнуло? Кулак, или, как тогда говорили, «справный хозяин», дорожил своим хозяйством, и тут невольно задаёшься вопросом, что же это была за новая власть, которая оказалась способной заставить крестьянина бросить семью, хозяйство и, прихватив карабин,

охотничье ружьё или обрез, податься в лес?! К слову сказать, мой дед Кузьма Ефремович Чичерюкин (1898–1943), согласно семейным преданиям, был призван на военную службу в 1916 г. и, предположительно в 1917 г., отправлен с маршевой ротой в действующую армию, где принял участие в последних летних боях на Юго-Западном фронте. В конце того же года вернулся в родное село в Михайловском уезде Рязанской губернии. На протяжении Гражданской войны его неоднократно мобилизовывали в Красную армию, и каждый раз он дезертировал и возвращался обратно, к своим родителям, к хозяйству, в своё родное село Николаевку.

Здесь также имеет смысл вспомнить характеристики, которые давал продармейцам и крестьянам-повстанцам в своей монографии «Бунт бессмысленный и беспощадный» московский историк В. Л. Телицын. Продармейцы были молодыми горожанами, в возрасте от 18 до 20 с небольшим лет. Прежде, как правило, на военной службе не состоявшие. Противостоявшие им крестьяне-повстанцы, как правило, были старше бойцов продотрядов и зачастую имели военный опыт.

Обратимся к хронике «кулацкого бандитизма», или крестьянского антисоветского сопротивления в Рязанской губернии 1918–1921 гг.

В январе 1918 г. в уездном городе Данкове произошло контрреволюционное восстание, и советская власть была свергнута. С помощью отряда Красной гвардии, прибывшего из Москвы, местные советчики разгромили восставших. При этом, как отмечал автор воспоминаний, ветеран-партиец: «Бешеное сопротивление оказали контрреволюционеры». Тем не менее, осенью 1918 г. по ряду волостей Данковского уезда прокатилась волна контрреволюционных выступлений («Страницы былого...»).

Ветеран ВКП (б) — КПСС соработник С. И. Алёшин работавший в рязанской губернии в 1918–1922 гг. и в 1930 г., вспоминал, что в марте 1918 г. в лесах в окрестностях Рязьска появились «банды» Огольцова и Никулина. В последующие месяцы в самом Рязьске произошло антисоветское восстание. На главной площади города произошла перестрелка между вооружёнными крестьянами и горожанами с одной стороны и красными с другой. Мятёжников красным удалось рассеять («Страницы былого...»).

Рассказ Алёшина, по всей вероятности, брата Алёшина А. И., похороненного в братской могиле под обелиском со звездой, дополняют воспоминания другого ветерана КПСС и ВЧК, И. В. Агоева, который, по его собственным словам, осенью 1917 г. покинул действующую армию и ушёл с фронта в родной Зарайск — уездный город Рязанской губернии. Уже в 1918 г. Агоев вошёл в состав уездной ЧК, а в 1919 г. был переведён в губернскую ЧК в Рязань. Ему также пришлось столкнуться с крестьянскими повстанческими отрядами Огольцова и Никулина. Вот что он рассказал рязанским журналистам для цитируемого сборника:

«В Рязьском уезде действовали кулацко-эсеровские банды Огольцова, Никулина, Бакаева. Они связались со штабом повстанческой армии Антонова в соседней

Тамбовской губернии. Наши отряды настигли банду Огольцова у деревне Шурово. Надо сказать, что эти враги не были такими беспомощными, как повстанцы в Зарайском уезде. Схватка была жестокой. Нам пришлось понести потери, но и значительная часть бандитов была перебита. Был убит и сам Огольцов» («Страницы былого...»). Произошло это, по словам ветерана-чекиста, в конце 1919 — начале 1920 г.

Далее, как он поведал, в самом начале 1920 г. был разгромлен отряд Никулина, а сам он при роковом стечении обстоятельств попал живым в руки чекистов. Чуть позднее был захвачен и Бакаев. Их расстреляли.

Позднее, в 1920 г. в Рязьском уезде появился отряд повстанцев-антоновцев Григория Лобана. Отряд милиционеров и местных коммунистов дал им бой и взял верх. Как вспоминал Агоев, «Банда рассеялась в лесах, её остатки потом были выловлены» («Страницы былого...»).

Антисоветские выступления имели место в 1918 г. и в других уездных городах Рязанской губернии.

Ветеран КПСС Е. С. Голубев вспоминал о контрреволюционном мятеже в 1918 г. в Касимове, в ходе которого был убит военный комиссар Илюшкин. Организаторами восстания были отец и сын Мансуровы и священник Рязцев. Отец был депутатом Государственной думы, а его сын был офицером.

По времени это совпало с «разгулом кулацко-эсеровских банд в округе. Контрреволюционная группа, возглавляемая отцом и сыном Мансуровыми, была связана с Российским белогвардейским центром. Своими целями они ставили свержение власти Советов, восстановление самодержавия и т. д. Начальником частей по подавлению восстания в Касимове был назначен Е. С. Голубев» («Страницы былого...»).

Хотелось бы проконсультироваться у коллег-историков, известно ли что-нибудь о существовании подпольной белогвардейской организации под названием Российский белогвардейский центр?

Организаторы заговора отец и сын Мансуровы и другие активные заговорщики были расстреляны. «Всюду в уезде, в самых дальних сёлах и деревнях прочно установилась Советская власть» («Страницы былого...»).

Осенью 1918 г. «кулацкие восстания» произошли в Раненбургском уезде, в Дубовской и Алтыновской волостях.

Зарайск — уездный город Рязанской губернии. «В сентябре 1918 г. ЧК раскрыла в городе заговор, во главе которого стоял помещик Герингер, в заговоре участвовали графиня Обуховская, граф Келлер, граф Гончаров, помещик Мамонтов (младший брат генерала Мамонтова), помещики Абреков и Пудалов.

В ноябре 1918 г. в трёх волостях уезда вспыхнуло «кулацко-эсеровское» восстание. Командовали им бывшие царские офицеры — штабс-капитан Алексеев и подпоручик Смагин. В своё время они были приглашены военными в качестве военных инструкторов всеобуча» («Страницы былого...»).

Ветеран-чекист Агоев отмечал, что по их инициативе в тех волостях, где была свергнута советская

власть, объявили мобилизацию военнообязанных. Поэтому «банда» быстро росла численно. Но в дальнейшем повстанцы были разгромлены красными. Что случилось с их командирами, чекист не говорит. Из этого можно сделать предположение о том, что они так и не попали в руки чекистов.

Интересно также свидетельство Агоева о концлагерном лагере для пленных белых офицеров под Рязком. Причем концлагерь назван именно концлагерем, а не как-то иначе, например, ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь.

Итак, слово опять ветерану КПСС–КГБ Агоеву: «Большая кропотливая работа была проведена по расследованию дел военнопленных офицеров и чиновников, находившихся в концентрационном лагере под Рязком. В этом лагере содержалось около тысячи офицеров разгромленных дивизий Мамонтова, Деникина, Шкуро. При расследовании выявили большую группу офицеров, мобилизованных Деникиным. Они были уже безвредны, их решили отпустить по домам. Выявилась также значительная группа добровольцев, сознательно боровшихся против Советской власти. С этими решено было пока повременить. И, наконец, обнаружили в лагере тоже немалое количество самых ярых врагов Советской власти — видных военных из контрразведки. В числе этих белогвардейских душителей оказался начальник карательного отряда и корпуса генерала Шкуро капитан Хлебников, лично расстреливавший пленных коммунистов и красноармейцев. Были здесь начальник контрразведки одной из частей армии Деникина капитан Шмонин, председатель военно-полевого суда при штабе Деникина подполковник Литвинов, офицер по особо важным поручениям генерала Деникина капитан Емельянов и другие.

Дела мы их направили для дальнейшего расследования в рязанскую губернскую ЧК». («Страницы былого...»).

Письмо участника рейда Мамонтова

Публикуя с любезного разрешения ныне покойного Андрея Альфредовича Руперти его письмо к родителям, написанное им сразу после выхода из рейда корпуса генерала Мамонтова, в котором он участвовал, пройдя весь путь на броневике, мы, прежде всего, хотели бы отметить, что это письмо — уникальный документ. Ибо, насколько нам известно, ни один из участников этого рейда не опубликовал своих воспоминаний.

Свежесть впечатлений и непосредственность в передаче событий не позволили нам вносить какие-либо поправки или сокращать это письмо, у автора которого, как он пишет сам в сентябре 1919 года, не было «времени и терпения переписывать написанное». Письмо написано от руки на двадцати пяти разли-

Нетрудно догадаться, что ждало этих белых офицеров. В лучшем случае отправка на Соловки или в Холмогоры. И даже те, кого выпустили из концлагеря, были обречены. Их шансы дожить даже до сталинской «большой чистки» 1936–1938 гг. были невелики.

В этой книге упоминается также и о рейде корпуса генерал-лейтенанта К. К. Мамонтова в 1919 г. В конце лета 1919 г. части генерала Мамонтова на короткий срок освободили Раненбург. Однако в силу численного превосходства красных были вынуждены оставить город.

Казаки генерала А. Г. Шкуро примерно тогда же дошли до Рязского уезда.

Читая советские издания о первых годах советской власти на местах, невольно вспоминается советский пропагандистский штамп — «Земля горела под ногами немецко-фашистских захватчиков», только «немецко-фашистских (захватчиков) оккупантов» следует заменить на сторонников Совдепии.

Что же касается коллективизации в Рязанской губернии, то в цитируемом удалось найти лишь одно упоминание.

В начале 30-х гг. волна репрессий была связана с уничтожением кулачества как класса. В Рязком районе в начале 1933 г. была вскрыта и ликвидирована «контрреволюционная организация кадетов, руководимая местными агроспециалистами». Всего было осуждено и выслано 49 человек. Этот печальный перечень примеров можно ещё долго продолжать. Хотя наверняка органы ОГПУ стряпали фиктивные «белогвардейско-кулацкие белоповстанческие организации», которые они умело «вскрывали».

Только 8 мая 1933 г. партийным и советским организациям на местах была разослана инструкция, предписывающая ограничить масштабы репрессий в деревне. (Из прошлого и настоящего Рязанского края (К 900-летию города Рязани). Сборник научных трудов. Рязань 1995.)

нованных страницах, и к нему приложены многочисленные вырезки из газет того времени о рейде Мамонтова. Посылая его нам незадолго до своей смерти, А. А. Руперти писал:

«Рейд Мамонтова только эпизод нашей тогдашней борьбы, правда, особенно яркий. Я до самых последних боёв в Крыму принимал участие в его обороне, будучи пулемётчиком на славном броневике «Генерал Слащёв»...

За границей А. А. Руперти, став инженером, занимал видное место в одном из химических концернов в Базеле, где он и скончался 5 августа 1987 года в возрасте 90 лет.

Все, знавшие А. А. Руперти, вспоминают о нём как о добром, отзывчивом и исключительно скромном человеке. Перечитывая это письмо, написанное представителем молодой части интеллигенции, ушедшей служить в белые армии, становится, в частности, оче-

Этот и следующий за ним материалы впервые были опубликованы в журнале «Грани», 1988, № 148. Публикация Николая Рутыча

видным, что ни корнет А. А. Руперти, ни большинство его товарищей не могли быть грабителями и насильниками, какими рисует всех без исключения мамонтовцев советская пропаганда.

Н. Рутыч

«Ростов, кв. Алеши Матвеева 25/IX ст. ст. 1919 года
Дорогие мои мама и папа,

Я знаю, как Вы обо мне беспокоитесь и волнуетесь, и поэтому, если я Вас и оставил так долго без известий о себе, то это произошло не по моей вине. Я находился в корпусе генерала Мамонтова и вместе с ним был полтора месяца в тылу у большевиков; так что не было возможности послать письмо не только за границу, но и на Дон. Но лучше всё по порядку, начиная с последнего письма, которое, как я знаю, Вы получили и где я пишу, что нахожусь у англичан. Когда я писал это письмо, я был занят переводом английских пулемётных уставов на русский язык и намеревался по окончании этого дела устроиться к Мамонтову. Окончание перевода совпало с приездом К. К. [1] в Новочеркасск, и мне удалось, не без труда, ликвидировать свои дела с англичанами и, получив за труды 6000 рублей, отправиться вместе с Ольгой Николаевной к К. К. на фронт. Он нас взял с собой в свой поезд, так что ехали мы вместе. Когда мы приехали на место, где были расположены войска, К. К. определил меня сначала офицером для поручений при инспекторе артиллерии корпуса. Так как меня сильно не устраивало занимать штабную должность, то я стал присматривать себе более подходящее место. Случайно я узнал, что один из броневых автомобилей корпуса вооружён английскими пулемётами, по которым я в последнее время сделался инструктором и большим специалистом. Заручившись согласием начальника отряда, я перевёлся офицером-пулемётчиком на бронированный автомобиль “Медведица”. Дня через три начались наши операции по прорыву красного фронта, и я участвовал в первом бою, который и намерен описать подробно [2].

Красные занимали деревню Васильевку, на которую должен был быть направлен наш главный удар. В деревне находились части известной Богучарской дивизии красных и особого коммунистического полка. Поэтому при нашем наступлении они не бежали, как полагается красным, а оказывали упорное сопротивление. Вызвали три броневых машины, бывшие при корпусе: “Медведица”, “Атаман Каледин” и “Стерегущий”. Мы вошли в деревню и были встречены пулемётным и ружейным огнём в упор. Красные сидели кругом нас в подсолнухах в ничтожном расстоянии, но их пули только неприятно щёлкали по броне, не делая нам вреда. Мы открыли по ним пулемётный огонь. Вскоре пулемёт моего коллеги отказался работать. Я продолжал стрелять. Красные сделали попытку кинуться на нас сзади в атаку с ручными гранатами, но были отбиты пулемётным огнём вовремя подошедшего “Атамана Каледина”. После этого красные не выдержали нашего

огня и рассыпались. Мы стали их преследовать. Как потом выяснилось, они частью вновь набросились на броневик “Стерегущий”, шедший сзади, и вывели его из строя, подорвав колесо ручной гранатой. Непосредственно за нами в деревню влетели калмыки, и она была занята.

После взятия деревни мы гонялись за красными, причём два раза попадали под сильный обстрел их батарей и поспешно меняли своё положение. Затем пришлось совершить переход без боя и к вечеру опять выезжать обстреливать какую-то пехоту. В общем, почти не вылезая из машины, мы провели девять часов, причем, благодаря июльской жаре (22/VII, здесь и дальше все даты даны по старому стилю — *Н. Р.*), работе мотора и стрельбе пулемётов, температура внутри машины была около пятидесяти градусов. Поэтому, несмотря на то, что мы работаем почти голые, всё время обливаешься потом, в голове стучит, и к вечеру я был почти без сознания и думал, что подобного удовольствия долго не выдержу. К счастью, оказалось, что только первый бой был таким тяжёлым. В дальнейшем ничего подобного больше не было, и я остался очень доволен службой на броневиках и теперь не думаю её менять.

После боя под Васильевкой корпус генерала Мамонтова преследовал разбитого противника по Воронежской дороге и через два дня ночевал в большом селе Чигла. Здесь на наши части под вечер напали подошедшие свежие силы красных и ворвались в одну часть деревни. Деревня запылала, а генерал Мамонтов со своим штабом поскакал лично управлять боем. На беду артиллерийский снаряд разорвался как раз посреди штаба и ранил адъютанта, убил лошадей начальника штаба, генерала Мамонтова и ещё одну, а у самого К. К. вырвал сзади клочок из его кителя. Но судьба, очевидно, не захотела нашей гибели, и генерал остался невредим. К вечеру бой затих, а на следующий день возобновился с новой силой на новом месте — у села Александровка. Большие силы красных наступали на село, занятое нами. Их чрезвычайно густые цепи шли во весь рост одна за другой, подгоняемые конными коммунистами. Мамонтов послал почти всю свою кавалерию для обхода с тыла и охвата флангов красных, а нашим двум броневым машинам дал задачу сдерживать красных перед деревней до подхода конницы. “Медведица” действовала слабо, но “Атаман Каледин” отлично. Он был окружён красными и всё же отбил, уложив громадное число их. Несмотря на крайнее упорство и стойкость красных, дело кончилось в нашу пользу и около двух дивизий их были разбиты.

После боя пленные раненые и лишние обозы были отправлены в тыл. Туда же пошла и моя “Медведица”, испортившаяся в бою. По дороге я попросил начальника отряда перевестись на единственного оставшегося при корпусе “Атамана Каледина”. Получив разрешение, я вернулся обратно, захватив свой английский пулемёт. Меня приняли с радостью, потому что на “Атамане” в бою под Александровкой один из команды был ранен и выбыл из строя.

Через день после этого началось наше продвижение по новому направлению — по дороге на Тамбов. Связь наша с тылом прекратилась. Все обозы, затруднявшие наше движение, даже кухни, были отсланы назад, и мы пошли вперёд налегке. Сзади нас ворота, пробитые в красном фронте, захлопнулись, и мы оказались отрезанными (что входило в планы Мамонтова).

К сожалению, ворота захлопнулись перед проходом нашего грузовика с бензином, и мы очутились в тылу у красных с перспективой грандиозного похода впереди и всего с двадцатью пудами бензина, а, как ты, наверное, знаешь, у красных бензина нет ни капли, и поэтому надеяться пользоваться их бензином, как мы пользовались их патронами, складами и пр., не приходилось. Пришлось изобретать что-нибудь. На помощь явились быки. Мы запрягли в машину семь пар этих зверей и поехали себе без бензина.

Первое время похода было чрезвычайно тяжёлое. Шёл непрерывный дождь, и дороги размякли настолько, что лошади с трудом вытягивали ноги, люди завязали, не преувеличивая, по колена. Бросалось всё, что только можно было бросить: брички, повозки, даже снаряды. Но броневик надо было тащить, несмотря на то, что он по башни уходил в грязь. Тащили мы его без отдыха день и ночь, ночь и день, день и ночь, напрягая все свои силы. К автомобилю припрягли то двенадцать пар артиллерийских лошадей, то десять пар волов. Сзади и с боков пихали его две сотни казаков, специально к нам прикомандированных. Колёса были обмотаны цепями и верёвками, и мотор старался развить высшую силу; грязь раскапывали, стлали соломой и пр. Таким образом, вершок за вершком, аршин за аршином мы подвигались вперёд, проходя в сутки по сорок вёрст.

При пересечении железной дороги мы захватили два поездных состава с интендантством одной из лучших красных дивизий. Не имея возможности вывезти эти составы, К.К. дал их на разграбление казакам, и они здесь впервые за этот поход попользовались и обмундированием, и сапогами, и бельём, и сахаром, и пр.

Погода стала лучше, и мы беспрепятственно продолжали продвигаться на Тамбов. Около самого Тамбова мы натолкнулись на проволочные заграждения и окопы. Мамонтов заставил нас немного пострелять, но не стал стараться лбом прошибить стену и повёл нас кругом города к северной его стороне. Корпус стал на ночлег в деревне в верстах двенадцати от Тамбова. Интересно, что в это самое время, когда весь корпус генерала Мамонтова ночевал в двенадцати верстах от Тамбова, большевистские газеты, с целью скрыть от населения правду, писали: «Слухи о продвижении казаков преувеличены; разведка, посланная кругом города по радиусу в шестьдесят вёрст, нигде противника не обнаружила». Вот уж действительно, «слонато не приметил!» Однако в то же время большевики спешно эвакуировали город, и, когда на следующий день «Атаману Каледину» было приказано их оттуда

выбить и способствовать занятию города, нам пришлось только немного пострелять по вокзалу, где было засели оставшиеся коммунисты, и затем мы свободно вошли в Тамбов.

Обгнав, благодаря своему ходу, конные полки, мы (то есть «Атаман») первые вошли в город и стали ездить по улицам. Там произошёл целый ряд забавных случаев. Как-то отставшие красноармейцы приняли нас за свой броневик, и мы их подозвали и затем, к великому их ужасу, они узнали свою ошибку и платились за неё кто револьвером, кто винтовкой (мы у них только отбирали оружие); наши же, наоборот, приняли нас за советский броневик, потому что мы, проехав по всему городу, пошли им навстречу, и открыли по нам огонь из двух пулемётов, конечно, не причинивший нам никакого вреда.

В Тамбове была захвачена богатейшая военная добыча: артиллерийский склад с орудиями, 500 вагонов со снарядами, массой зарядных ящиков, кухонь, повозок и пр.: пороховой завод, спиртной завод с тысячами ведер спирту, громадные склады обмундирования, снаряжения с невероятным количеством штанов, гимнастёрки, шинелей, белья, сапог, седел и пр., большие запасы чая, сахара, кожи, мыла, соли, табаку, спичек, в общем, что только душе угодно, в количестве, рассчитанном на многие десятки тысяч красноармейцев. Пушки, снаряды и спирт были взорваны и сожжены, причём взрывы непрерывно продолжались почти сутки, а всё имущество интендантских складов поступило в распоряжение толпы. Попользовались и казаки, которые все наново переобмундировались, и жители. Всем хватило с излишком.

Население относилось к нам как нельзя лучше, и происходило множество трогательных сцен. В Тамбове и недалеко от него было взято множество пленных. Красноармейцы сдавались целыми частями. Пленным, после отобрания у них оружия, было предложено идти на все четыре стороны, но три красных полка, состоявших главным образом из тульских солдат, не пожелали расходиться, а захотели бок о бок с нами с оружием в руках отвоевывать свою Тулу. Моментально нацепили они себе погоны и белогвардейские белые ленты на фуражки, получили от нас офицеров и образовали 1-ю Тульскую дивизию, которая, пополняясь всё время добровольцами, до конца рейда сражалась вместе с нами и успела заслужить себе своею стойкостью хорошую славу.

Я думаю, не стоит больше задерживаться в Тамбове, потому что Мамонтов спешит уже на Козлов, и мы погоняем своих быков и стараемся от него не отстать. Перед Козловым большевики оказали сопротивление и задержали нас на один день. Из-за неисправности мостов «Атаман» первый день не смог принять участие в бою. Мы собственными силами построили два порядочных моста и на следующий день принимали участие в боевых действиях под самым Козловом и снова первыми вошли в город. Здесь нам оказали самый тёплый прием. Всё населе-

ние высыпало на улицы, рабочие стояли громадными толпами перед своими заводами и все кричали "ура", махали руками и бежали за нами. Мы прямо поехали к тюрьме, где сидели арестованные Чрезвычайкой, и когда их выпустили, то радости и восторгам собравшейся толпы не было предела. Стояло несмолкаемое "ура", офицеров и, в частности, моего командира, подхватывали на руки и качали, в церквах радостно звонили колокола. Меня даже слеза прошибла.

В Козлове так же, как и в Тамбове, были захвачены громадные склады со всевозможным военным имуществом и, конечно, уничтожены. Пробыв в городе один день, мы пошли дальше, оставив для поддержания порядка и формирования добровольческих частей один полк в Козлове.

Вышли из города мы по направлению на Ряжск, то есть на Москву, но затем круто изменили свой маршрут и пошли на Лебедянь-Елец. Я забыл упомянуть, что в Козлове был захвачен готовый к отправлению отдельный вагон со всеми кассами города. В нём оказалось около шестидесяти миллионов — шесть казённых парных подвод пошли под эти деньги. Кроме того, захвачен поезд Троцкого и его собака. Главная же собака — сам Троцкий — конечно, удрал. Там же мне пришлось видеть интересную картину при разрушении железнодорожных путей и мостов: один мост был взорван, и на пустое место, для большего загромождения и большей трудности исправления пути, был пущен товарный состав, состоявший из паровоза с шестью вагонами.

Конечно, всё это полетело в пролёт моста, поднялся дым, пар, пыль, и на месте осталась бесформенная груда обломков. Так-то мы, русские, воюя друг с другом, уничтожаем наше собственное добро!

Но надо двигаться дальше. До Лебедяни мы дошли без особых происшествий и пошли на Елец. Во взятии города "Атаман" не участвовал. В городе захвачено большое количество оружейных составов, которые не были вывезены, потому что мы испортили кругом города пути, громадные интендантские склады и, например, двадцать тысяч пар сапог, тридцать тысяч пар заготовок, тысячи пудов сахара. Но самое важное для нас было то, что мы захватили почти исправный броневой автомобиль той же марки (Ostin), как и наш, благодаря чему мы получили возможность заменить потрёпанные части нашей машины, например, колёса, новыми. Этот красный броневик мы на быках благополучно дотащили до соединения со своими войсками, и сейчас он, так же, как и "Атаман", благополучно чинится в Ростове. Кроме того, в Ельце был захвачен бронепоезд красных.

В Ельце наши силы разъединились. Пехота (из перешедших красных добровольцев) была погружена в поездные составы и вместе с бронепоездом и дивизией конницы двинута на Воронеж по железной дороге. Остальная же часть конницы вместе с "Атаманом" пошла на Грязи и здесь вновь разделилась: одна

дивизия пошла на Лиски, но не взяла города, а другая — на Давыдовку. Мы были в Лискинской группе, и с нами случилось неприятное происшествие, а именно: вследствие грязи броневик соскользнул с одного моста (полторы сажени высоты) и полетел вверх колёсами вниз. Лишь с невероятным трудом и после упорной работы удалось его снова поставить на колёса и вытащить из болота. При падении была испорчена моя башня, но мне удалось её заменить, сняв башню с "Андрея" (машина, отбитая у красных в Ельце).

От Лисок наша группа пошла опять на север и, соединившись с остальными группами (первая взяла Воронеж, а вторая — Давыдовку), пошли все вместе на соединение со своими войсками фронта. После нескольких боёв мы и соединились со Шкуро, а затем и с Гусельщиковым в районе г. Коротояка.

В общем, рейд начался 22 июля и кончился 7 сентября, то есть продолжался около полутора месяцев, в течение которых мы находились в тылу у большевиков. За всё это время только один раз прилетел аэроплан для связи с нами, причём, отыскивая нас, он три раза опускался в районе красных. За этот рейд взято и распущено по домам тысячи красноармейцев, приведена с собой целая дивизия пехоты, уничтожены три большевистских базы — две армейские и одна фронтовая, освобождено около тысячи своих пленных и 150 воронежских заложников, испорчены все железнодорожные пути в тылу красных, где мы проходили, и проч.

Под Лисками под Мамоновым упала лошадь и повредила ему ногу (что-то со связками); так что с тех пор он ездит в коляске и ходит на костылях, но, тем не менее, даже когда мы соединились со своими войсками, он не пожелал эвакуироваться, правильно считая, что без него всё развалится, и вместо этого вновь предпринял какую-то штуку в тылу у красных.

После соединения со своим фронтом Мамонов отправил в тыл приведённую с собой пехоту, колоссальные накопившиеся за последнее время обозы с ранеными, военной добычей и военным имуществом, наши оба требующие ремонта броневика, а корпус, облегчившись, вновь пошел действовать по тылам красных.

Меня К.К. задержал на один день и отправил с бумагами в штаб войска в Миллерово на прилетевшем к нам аэроплане. Мне пришлось лететь триста верст, и это тоже было весьма интересное путешествие. Выполнив поручения, передав бумаги и, между прочим, представление корнета Руперти к Владимиру с мечами и бантом в штаб, я по железной дороге прибыл в Ростов, куда через несколько дней прибыли и наши машины и где сейчас мы все и находимся. Сюда же приехала и Ольга Николаевна, которая весь рейд была сестрой милосердия в 3-й сотне 46-го полка. Командиром этой сотни является Николай Николаевич Коковцев. Сейчас он тоже здесь. Для Ольги Николаевны это путешествие было, конечно, не под силу; она сейчас Бог знает на кого

похожа, когда идет по улицам, то её ветром шатает, и доктор велел ей немедленно лечь в больницу. Но она беспокоится о судьбе своей дочери Вари и думает ехать в Крым. Я её пристроил в Хоба-Туби [3], куда я сам отправляюсь сегодня или завтра, так как получил отпуск в Крым на три недели до окончания ремонта машин.

Здесь очень большой квартирный кризис. Ростов набит как сельдяная бочка. Меня и Ольгу Николаевну, к счастью, приютил Пётр Эрнстович Киверау — милейший человек. Сейчас же я ещё лучше устроился у Алёши Матвеева. Между прочим, он просил передать, что если мама захочет ему написать, то его настоящий адрес: Ростов, Пушкинская, 75, кв. 5.

Я получил только два письма за последние два или даже три месяца, которые ждали меня по возвращении из рейда в конторе Алексеевых. Одно из Парижа, а другое из Швейцарии с письмом насчет Флора. Кроме того, я узнал, что у англичан были какие-то письма, которые они отправили на адрес генерала Мамонтова и которые я поэтому, конечно, не получил, потому что К.К. опять в тылу у красных и вся корреспонденция корпуса где-нибудь лежит и дожидается.

Мне передали, что папа через майора Паско переслал мне вещи и 50 фунтов. Очень и очень благодарен. Пока я их не получил, но думаю сегодня или завтра ехать в Крым через Харьков, где теперь служит майор Паско, и у него получить вещи.

Я очень благодарен за заботу обо мне, но Вы, пожалуйста, не думайте, что, оставшись один, я попал в бедственное положение. Наоборот, как я уже писал, я заработал порядочно денег переводами, кроме того, получил большие наградные за действия броневика во время рейда и привез себе из Совдепии отличное обмундирование. Кроме того, я здесь достал английское офицерское обмундирование и превратился из крымского оборванца в такого шикарного молодого человека, что даже самому страшно. Это я пишу не к тому, что мне, дескать, ваших вещей не нужно. Наоборот, я страшно рад и признателен, но хочу, чтобы Вы не думали, что я не могу и самостоятельно устроиться. В доказательство я пришлю в следующем письме свою фотографию. Деньги майор Паско хотел мне достать английскими банкнотами, и в этом случае я их пока что не буду трогать.

Здесь из знакомых находятся: Семён и Николай Константиновичи Аверино [4], брат Зайчика, Алексей Сергеевич, Сергей Михайлович, Надежда Евгеньевна и их племянник Владимир Николаевич, Ольга Карловна Гарденина с дочерью, дядя Эдгар и Будкевич (только что приехали по делам из Крыма), мадемуазель Второва, ужасный Лисицын — вот, кажется, все.

Я получил от Хохлова подробный доклад о происшедшем в Хоба-Туби во время большевиков. Его я посылаю вместе с некоторыми вырезками о рейде генерала Мамонтова в отдельном конверте, чтобы, если там окажется что-нибудь незаконное с точки зрения цензуры, пропали бы только вырезки, а не мое письмо. В общем, в Ябловке, кажется, увезли

все вещи, кроме мебели, то есть всё платье и бельё. Вино уцелело.

В Харьков я поеду прямо с Алексеевым. Там живут они и Конюховы. Между прочим, во время рейда мы захватили с собой сестру Алексеева Любовь Сергеевну, которая была замужем за каким-то врачом, вместе с лазаретом попавшим к нам. От неё я узнал, что Серёжа Руперти служил в башкирском красном полку, вёл очень широкую жизнь с шампанским и прочим, и в результате попал под суд из-за каких-то денежных дел. Некрасивая история! О Мане не имею никаких известий.

Вчера прочёл в газете список расстрелянных в Москве в связи с последним раскрытым кадетским заговором в Москве. На одном из первых мест стоят Алфёров Александр с женой [5], содержавшие конспиративную квартиру. Бедные хорошие люди! Жалко их.

Ну, пора кончать это бесконечное письмо, иначе я сегодня ничего не успею сделать, что нужно. Следующее письмо я пришлю уже из Хоба-Туби.

Ещё я не написал об общем настроении здесь. Что же, настроение хорошее, ждут занятия Москвы, в городе большое оживление и масса сплетен. Например, о Мамонтове приходится слышать массу всякой ерунды, а именно: по поводу сообщения в газетах — "везём подарки, иконы..." — стали говорить, брызжа ядовитой слюной: "Значит, они церкви грабят", — тогда как иконы отобраны от коммунистов, среди вещей которых найдено было два сундука со старинными золотыми иконами; и много ещё подобных разговоров, вызванных недоброжелательством, завистью или просто ничегонеделанием. Мой единственный адрес, по которому следует адресовать письма, это: "Ростов, Бр. Алексеевых, П.Э. Каверау".

Кончаю наконец своё письмо. Крепко целую и благодарю за письма и заботы папу, маму и Верочку. Очень огорчён, что причинил Вам столько напрасных беспокойств.

Ещё раз крепко, крепко всех Вас, дорогих, целую.

Ваш Адя.

P.S.: Нет времени и терпения переписать написанное. Поэтому извините меня за ошибки и пропуски.

Ваш Адя».

1. Речь идёт о начальнике штаба 4-го Донского корпуса, генерал-майоре Константине Тимофеевиче Калиновском. — Здесь и далее прим. Н. Рутыча.
2. 40-я Богучарская с. д. входила в состав 8-й Армии, на стыке которой Мамонтов прорвал фронт красных. До июля 1919 г. именовалась 1-й Особой дивизией. Была сформирована для подавления Верхнедонского, Вешенского восстания на Дону в апреле 1919 года.
3. Дача в Крыму.
4. Семён Николаевич Аверино служил во время войны старшим адъютантом в штабе Московского военного округа, а затем старшим юрисконсультантом в одном из управлений Особого Сообщения при ген. Деникине. Николай Константинович — директор консерватории в городе Ростове. Любезно сообщил нам Владимир Семёнович Аверино.
5. А. А. Алфёров был видным членом подпольного Национального Центра в Москве. Супруги Алфёровы были арестованы лично чекистом В. А. Аванесовым, вместе с лидером Национального Центра Н. Н. Щепкиным, в ночь на 29 августа 1919 года, и вскоре расстреляны.

Николай Рутыч

Заметки к истории мамонтовского рейда

Несмотря на то, что рейд генерала Мамонтова летом 1919 года в тылу красных армий Южного фронта отмечен почти всеми занимавшимися событиями гражданской войны, история этого рейда 4-го Донского корпуса до сих пор мало исследована.

В Советском Союзе касаться этого «белого пятна» или, вернее, «запретной темы» было в течение многих десятилетий не только опасно, но и просто невозможно. Ведь все без исключения члены Реввоенсовета Южного фронта, непосредственно участвовавшие в «ликвидации Мамонтова» — М. М. Лашевич, Л. П. Серебряков, Г. Ю. Сокольников, равно как и член Военного Совета XIII армии, входившей в состав Южного фронта Г. И. Пятаков — были исключены из партии на XV съезде, в 1927 году, как активные сторонники Троцкого. Все они, за исключением умершего в 1928 году М. М. Лашевича, были посажены Сталиным (ставшим их коллегой по Военному Совету Южного фронта, с 3 октября 1919 года) на скамью подсудимых так называемого второго московского процесса в январе 1937 года, где они и выступили «в роли падали и бандитов» в этой «кошмарной мистерии», как называет теперь эти процессы «Литературная газета» (№ 4 от 27 января 1988 г.).

В те же страшные годы были расстреляны без суда командовавшие летом 1919 г. XIII и XIV армиями И. П. Уборевич, А. И. Егоров (ставший с 8 октября 1919 г. во главе Южного фронта) и многие другие, чьи имена связаны с рейдом Мамонтова, в том числе создатель и первый начальник Особого отдела ЧК Г. К. Кедров, посетивший штаб Южного фронта незадолго до бегства его из Козлова перед частями 4-го Донского корпуса. Имя Кедрова упомянуто Хрущевым на XX съезде, в связи с его предсмертным письмом Сталину, однако тогда, в 1956 году, отнюдь не было покончено с фальсификацией исторических событий, особенно тех, к которым Сталин имел хотя бы косвенное отношение.

Если даже теперь, 30 с лишним лет спустя, «посмертная реабилитация» дойдёт до всех бывших членов Реввоенсовета Южного фронта, то остаётся неизвестной судьба многих архивных дел, благодаря которым могла бы быть восстановлена правдивая история их деятельности. Ведь нельзя забывать, что сталинской фальсификации истории были принесены в жертву не только люди, но и документы.

Все это объясняет, почему единственная полноценная работа, посвящённая Мамонтовскому рейду, вышла ещё в 1926 году, во втором выпуске Военно-исторической библиотеки. Автор её, М. Рымшан, жалуется на «скудость архивных материалов» (хотя он и имел доступ к делам Южного фронта и полевого штаба РВРС за 1919 г.) и вместе с написавшим предисловие к его труду С. М. Белицким (б. начальник 26 с. д.) обратился ... «с просьбой ко всем личным участникам (так

в тексте. — *Н. Р.*) пополнить этот труд теми личными воспоминаниями и документами, которые помогут нам ещё более вдумчиво оценить этот исключительный по своему выполнению и значению рейд генерала Мамонтова» [1].

М. Рымшан поместил своё предисловие 1925-м годом. С тех пор в Советском Союзе этот призыв к участникам так и повис в воздухе. 35 лет спустя в Париже Е. Ковалев, опубликовавший серию статей о рейде генерала Мамонтова в казачьем журнале «Родимый Край» (№№ 24–28, окт. 1959 — июнь 1960), обратился со страниц этого журнала к участникам рейда с просьбой прислать ему свои воспоминания. Но 40 лет эмиграции, видимо, сказались: в остатках архива «Родимого Края» нам не удалось обнаружить ничего, относящегося к рейду Мамонтова.

В силу бедности материалов уже Е. Ковалев, собравший то небольшое о рейде Мамонтова, что было опубликовано в повременных казачьих изданиях за рубежом, был вынужден в своём изложении рейда пользоваться всё той же работой Рымшана, заимствуя приказы по Донской армии из очерка «Трагедия казачества», напечатанного в самостоятельном журнале «Вольное казачество» и вышедшего отдельным изданием в 1936 году в Париже. Как М. Рымшан, так и Е. Ковалев, отдавая должное искусному оперативному руководству штаба 4-го Донского корпуса, не располагали ни документами этого штаба, ни материалами для характеристики командного состава. Как Е. Ковалев, так и Рымшан высказывают лишь свои предположения относительно тех решений штаба 4-го Донского корпуса, которые принимались вопреки директивам генерала Деникина.

Поэтому, учитывая, что ряд решений генерала Мамонтова и его штаба сыграли если не судьбоносную, то во всяком случае весьма существенную роль в ходе решающих операций на юге России летом 1919 года, остановимся кратко на главнейших действиях 4-го Донского корпуса.

В начале августа 1919 года, выполняя директиву генерала Деникина, командование Донской армии сосредоточило в станице Урюпинской сильную группировку из трёх казачьих дивизий (7000 согласно данным Деникина, 9000 согласно данным Рымшана, для удара в тыл красным армиям, объединив их в 4-й Донской корпус под командованием генерала Мамонтова.

Генерал Константин Константинович Мамонтов, будучи полковником в старой армии, присоединился в начале 1918 года с отрядом добровольцев из Нижне-Чирской станицы к походному атаману ген. Попову и ушел с ним в степной поход в период господства большевиков на Дону. Вернувшись в Нижне-Чирскую станицу с небольшим отрядом во время общедонского восстания в марте 1918 года, он был избран окруж-

ным атаманом, хотя и не был казаком по происхождению. Популярный, лично храбрый и лихой кавалерийский начальник, Мамонтов становится одним из видных генералов Донской армии в период её развёртывания. Не отличаясь дисциплинированностью сам, генерал Мамонтов не был и слишком требовательным в этом отношении начальником, а в оперативных вопросах после выхода из партизанской стадии борьбы

сильно зависел от своего начальника штаба.

Им был совсем молодой офицер генерального штаба, произведённый в генерал-майоры уже на Дону, — Константин Тимофеевич Калиновский. Подъесаул 24-го Донского полка, он успел закончить два класса Академии Генерального штаба в 1914 году и был отправлен на фронт, будучи причислен к генеральному штабу. В марте 1915 года К.Т. Калиновский, как и все офицеры, не успевшие закончить Академию, был переведён в генеральный штаб и получил чин капитана. Накануне революции он занимал должность старшего адъютанта штаба 27-го армейского корпуса (см. «Список Генерального штаба» за 1916 и 1917 год, Петроград, изд. Главного штаба, сс. 158 и 149).

По штабной линии ген. Калиновский подчинялся своему бывшему преподавателю в Академии Генерального штаба, генералу Анатолию Киприяновичу Келчевскому, ставшему в 1919 году начальником штаба Донской армии. Генералу Келчевскому в 1919 году было 50 лет и у него был опыт высоких штабных должностей в 9-й армии на австрийском фронте, а потом в штабе румынского фронта во время мировой войны. Этого знающего, но не приспособленного к условиям гражданской войны штабного генерала ген. Деникин иронически именовал «профессор»...

Генерал Келчевский не обеспечил 4-й Донской корпус ни радиостанцией (а захваченной во время рейда в Козлове нельзя было пользоваться с оперативными целями за отсутствием шифра), ни другими средствами связи. Бывший начальник авиации в добровольческой армии ген. Ткачёв вспоминает, что «в период Мамонтовского рейда... некоторые из лётчиков героически сложили свои головы, попав в руки красных» [2]. Наконец, корпусу не было выделено хотя бы нескольких офицеров для «кадра», формируемого на хо-

ду из пленных частей, как это практиковалось в дивизиях Добровольческих армий.

2 августа 1919 года командующий Донской армией ген. Сидовин отдал приказ, в котором согласно директиве генерала Деникина 4-му Донскому корпусу ставилась задача после прорыва красного фронта у станции Таловой выйти в тыл 8-й красной армии в районе Лискинского железнодорожного узла и совместно с частями 3-го Донского корпуса разгромить главные силы этой армии.

10 августа 1919 года 4-й Донской корпус перешёл в наступление. Прорвав фронт после довольно упорного боя на стыке 8-й и 9-й армий у Васильевки, генерал Мамонтов продвинулся в направлении Лиски — Воронеж только до Александровского поселка («Александровка» в письме Андрея Руперти), откуда повернул резко на северо-восток, сославшись на дожди и размытые дороги. Разрушив железнодорожные пути на линии Тамбов — Балашёв и Грязи — Поворная, 4-й Донской корпус 18 августа взял с боем город Тамбов, выйдя почти на 200 км в глубокий тыл красных.

Таким образом, генерал Мамонтов не только не выполнил директивы от 2 августа, но и, оказавшись в Тамбове, отказался тем самым от оперативного взаимодействия с 3-м Донским корпусом и Добровольческой армией.

Следует подчеркнуть, что директива генерала Деникина с ясным указанием на выход корпуса Мамонтова в район Лиски основывалась на вполне надёжных данных о предстоящем переходе в наступление ударной группы бывшего генерала Селивачёва в составе шести дивизий 8-й красной армии и трёх 13-й, из района Лиски — Новый Оскол на Харьков и Купянск. Генерал Деникин и его ближайшие сотрудники, хорошо знавшие генерала Селивачёва по совместной службе в старой армии, были убеждены, что он сочувствует

белым и на его содействие можно надеяться. Напомним, что и Ленин в те же дни посылал истерические телеграммы в Реввоенсовет Южного фронта, опасаясь, что «...Селивачёв сбежит или его начдивы изменят» [3]. Когда корпус генерала Мамонтова был на пути к Тамбову, ударная группа Селивачева перешла 15 августа в наступление и быстро приблизилась на 40 км к Харькову. Штабу Вооруженных Сил Юга России под личным руководством генерала Деникина удалось подготовить фланговые удары по прорвавшейся ударной группе 8-й и 13-й армий. С запада наступали части корпусов Кутепова и Шкуро, а с востока — 3-й Донской корпус. Ударная группа Селивачёва начала быстрый отход. «Окончательное её окружение, — как пишет генерал Деникин, — не состоялось только из-за пассивности левого крыла (3-й корпус) Донской армии». В итоге этой операции Добровольческой армии не удалось открыть ворота на главном Московском направлении в сентябре, а отошедшие назад дивизии 8-й и 13-й красных армий прикрыли до подхода резервов Курск и Воронеж.

Невыполнение приказа генералом Мамонтовым (возможно, с молчаливого согласия штаба Донской армии) имело, таким образом, далеко идущие последствия, а генералу Мамонтову и его штабу после взятия Тамбова ничего не оставалось делать, как продолжать рейд в глубоком тылу, рассчитывая на то, что, как пишет маршал А. И. Егоров, «победителей не судят» [4].

Со взятием Тамбова сказались неподготовленность штаба 4-го Донского корпуса в организационном и политическом плане. Ещё на пути к Тамбову, как сообщает на основе архивных дел М. Рымшан, «казаки... разоружая встречавшиеся красные части и распуская красноармейцев под расписку, что они больше воевать не будут», отправляли всех «по домам». В донесении самого генерала Мамонтова штабу Донской армии говорилось, что «в районе Тамбова распушены по домам около 15 000 мобилизованных». Однако Мамонтовский лозунг «с Богом по домам» не всегда встречал положительный отклик; так, например, под самым городом Тамбовом на сторону белых перешла 3-я полковая Тульская дивизия. Значительная часть её состава настойчиво заявила о своем желании сражаться против красных. Как мы уже говорили выше, офицерского «кадра» при 4-м Донском корпусе не было. Штаб Мамонтова смог выделить для Тульской дивизии в качестве её нового командира лишь одного полковника Дьякова и рекомендовать присоединиться к ней нескольким офицерам, перешедшим на сторону белых в самом городе Тамбове. Тульская дивизия, вернее, бригада, доблестно сражалась в составе 4-го Донского корпуса в течение всего рейда. Офицеры из её состава попали в эмиграцию, а среди рядовых за рубежом прославился создатель известного донского хора Сергей Жаров...

Командование 4-го Донского корпуса как в лице самого генерала Мамонтова, так и начальников его дивизии, привыкло к самоорганизации казачьего населения, как это имело место весной 1918 года во всей Донской области и зимой 1919 во время верхнедон-

ского восстания, и не принимала никаких мер для мобилизации и организации добровольческих частей из крестьян Тамбовской губернии. А ведь не следует забывать, что именно в этом районе центральной России немногим больше года спустя вспыхнуло Антоновское восстание. Как свидетельствует маршал Г. К. Жуков, принимавший участие в подавлении Антоновского восстания, «...это была довольно тяжёлая война. В разгар её против нас действовало около семидесяти тысяч штыков и сабель... Серьёзность борьбы объяснялась и тем, что среди антоновцев было очень много бывших фронтовиков и в их числе унтер-офицеров» [5].

Нет сомнения, что штаб генерала Мамонтова не сумел воспользоваться политическим сочувствием населения, и прежде всего крестьян Тамбовской и Орловской губерний, на что неоднократно указывает советский историк М. Рымшан. Не было использовано для формирования добровольческих частей и доставшееся в изобилии оружие и снаряжение со складов Тамбова, Козлова, Ельца...

22 августа, в то время, когда последние казаки сотни покидали улицы Тамбова, провожаемые взглядами растерянного населения, авангард Мамонтова занял без боя Козлов (Мичуринск), откуда в панике бежал штаб и Военный Совет красного Южного фронта. О пребывании Мамонтовских частей в Козлове Рымшан сообщает: «охрана города была организована из сочувствовавшего белым населению и бывших офицеров... Находившиеся в этом районе небольшие красноармейские части сдавались в плен и после разоружения частью вербовались, а остальные распускались по домам» [6].

К этому приходится добавить, что большинство завербованных после взятия Козлова было использовано в качестве повозочных и охраны при начавшем быстро расти огромном обозе с захваченным в Козлове, а затем в Ельце военным снаряжением и имуществом.

Взятие Козлова Мамонтовым и бегство реввоенсовета Южного фронта в Орёл вызвало панику, докатившуюся до Москвы. Об этом говорит секретная записка, посланная Лениным заместителю реввоенсовета Склянскому: «Должно быть, нет ни одной боеспособной части против Мамонтова: это прямо позор и полное нерадение реввоенсовета».

23 августа по требованию Ленина командующим всеми силами, направляемыми против Мамонтова, назначается член реввоенсовета Южного фронта М. Лашевич. В то же время по настоянию Ленина, опасавшегося крестьянского восстания, военное положение было объявлено в Тульской, Орловской, Тамбовской, Рязанской, Воронежской и Пензенской губерниях.

Составляя «Проект решения Политбюро ЦК о мерах борьбы с Мамонтовым», Ленин писал, в частности: «Поручить тов. Троцкому... принять участие вместе с тов. Лашевичем (при сохранении командования за Лашевичем единолично) во всех операциях по ликвидации Мамонтова...» Получив сообщение, «что наши части против Мамонтова боятся вылезть из вагонов», Ленин требовал: «расстреливать тотчас за не-

выход из вагонов; ввести ещё ряд мер драконовских по подтягиванию дисциплины. Дать право эти меры вводить решением Лашевича + Троцкого» [7].

Тем временем корпус генерала Мамонтова продолжал двигаться на запад от Козлова, не встречая серьёзного сопротивления. Лишь небольшой фланговый отряд в 300 сабель натолкнулся на части Фабрициуса в Ранненбурге. 28 августа была без боя взята Лебедянь, а вечером 31 августа части 4-го Донского корпуса ворвались во главе с самим генералом Мамонтовым в Елец, не встретив и здесь сколько-нибудь серьёзного сопротивления.

На четырёхдневном пребывании корпуса Мамонтова в Ельце следует остановиться, так как впервые со времени выхода книги Рымшана в «Военно-историческом журнале» №10 за 1979 год была опубликована короткая заметка сотрудника Центрального музея Вооружённых Сил СССР Г. Горбачёвой о гибели после боя в Ельце комиссара 42-го запасного батальона А. А. Вермишева. Описывая бой на станции Ельца, Г. Горбачёва, видимо, не могла воспользоваться находящейся в спецхране книгой М. Рымшана. А в то же время Рымшан, ссылаясь на документы архива Красной армии, пишет: «Мамонтов занял г. Елец без всякого сопротивления. Руководивший обороной бывший полковник сдал город с музыкой». А относительно батальона, где Вермишев был комиссаром, Рымшан сообщает: «из красноармейцев организованы 3 отряда для охраны обозов с награбленным» [8].

Комиссару Вермишеву посвятила также свою повесть в «историческом жанре» Наталия Давыдова. Она уже читала Рымшана и вслед за ним пишет по поводу взятия Ельца: «...возглавлявший оборону командир с пехотных курсов, в прошлом полковник, выстроил для мамонтовцев духовой оркестр» [9]. Но и Н. Давыдовой приходилось проявлять осторожность. Так, например, описывая поездку комиссара Вермишева в штаб 13-й армии в Ливны, она предпочитает не упоминать члена Военного Совета этой армии Пятакова, а «выбирает» для встречи Иосифа Косиора. Несмотря на очевидные поиски, Н. Давыдовой не удалось в 1984 году найти воспоминаний или свидетельств непосредственных участников борьбы с Мамонтовым. Видимо, ничего не сохранилось. Не пользуется она и теми делами архива Красной армии, на которые ссылается Рымшан. Единственный опубликованный в её книге документ, очевидно, происходит из другого архива. Это начало списка расстрелянных Фабрициусом, после ухода Мамонтова из Ельца:

«Ревтрибунал 18 сентября рассмотрел дела:

Воронов-Вронский, бывший штабс-капитан, командант и начальник обороны г. Ельца — расстрел — 24 часа, с конфискацией имущества» [10].

Больше ничего нового в исторической повести Н. Давыдовой почерпнуть нельзя, хотя она избежала описания боя за Елец, которого не было.

Мамонтов оставался в Ельце до 4 сентября. Накануне выхода из города в штабе 4-го Донского корпуса было принято решение прекратить движение на запад и, повернув на юг, закончить рейд выходом на со-

единение с основными силами белых. Решение это было принято, по всей вероятности, самостоятельно, ибо штаб Мамонтова давно утратил связь со штабом Донской армии, а повторный приказ о выходе в тыл красным в районе Лиски был явно запоздалым.

В то же время перед корпусом Мамонтова был открыт путь дальше на запад. До Орла оставалось всего 150 км, а до железной дороги Орёл — Курск и того меньше. В штабе 4-го Донского корпуса не могли не понимать, что после разрушения железных дорог вокруг узлов — Тамбов, Козлов, Ранненбург, Елец, Грязи — у красного Южного фронта оставалась лишь одна дорога — Тула, Орёл, Курск. На это важное обстоятельство указывал и маршал Егоров: «Стоило нарушить функционирование ещё одной только дороги Тула — Курск, и положение фронта было бы катастрофическим. Из сводок командования Вооружённых Сил Юга России, передаваемых по радио, штаб Мамонтова не мог не знать, что добровольческий корпус Кутепова угрожает Курску, да и взгляд на карту подсказывал, что выход на железную дорогу Курск — Орёл означает гибель основной группировки красных на Южном фронте. Напомним, что Мамонтов закончил рейд, выйдя в районе Старого Оскола на соединение с корпусом генерала Шкуро 19 сентября, а в ночь на 20-е бронепоезда корпуса Кутепова ворвались в Курск.

Как в начале рейда, когда Мамонтов не выполнил приказа о выходе в тыл группы Селивачёва в районе Лиски, так и в конце рейда штаб Мамонтова не проявил воли к оперативному взаимодействию с Добровольческой армией.

И Рымшан, и Деникин, и другие авторы считают, что поворот Мамонтовского корпуса на юг от Ельца был вызван стремлением провести через фронт огромные обозы с набранным на складах Козлова, Ельца и других городов имуществом и снаряжением. Деникин пишет о «многовёрстных» обозах. Рымшан на основании данных воздушной разведки говорит, что только при одной из колонн корпуса находилось 2000 повозок. Конечно, нельзя не согласиться с Е. Ковалёвым в том, что значительная часть военной добычи, вывезенная Мамонтовым, была передана Донской армии, многие части которой были раздеты и разуты. Но нельзя забывать, что 4-й Донской корпус начал свой рейд без обозов и с минимальным количеством боеприпасов и артиллерии.

В заключение отметим, что и генерал Деникин, и маршал Егоров очень близки в стратегической и политической оценке рейда Мамонтова. Заканчивая свои «Очерки русской смуты», генерал Деникин писал в 1926 году: «Будем справедливы: Мамонтов сделал большое дело, и недаром набег его вызвал целую большевистскую приказную литературу, отмеченную неприкрытым страхом... Но Мамонтов мог сделать несравненно больше: использовав исключительно благоприятную обстановку нахождения в тылу большевиков конной массы и сохранив от развала свой корпус, искать не добычи, а разгрома живой силы противника, что несомненно вызвало бы крупный перелом в ходе операций» [11].

Со своей стороны маршал А.И. Егоров (с июля 1919 года командарм 14-й армии Южного фронта, а с 8 октября — главнокомандующий фронтом), писал в 1930 году: «Мамонтов коренным образом нарушил управление на Южном фронте... и, заставляя штаб фронта метаться между Козловом и Орлом, в ещё более значительной степени осложнил управление фронтом». Указав на «тяжёлые удары всему снабжению армий, нанесённые Мамонтовым», маршал А.И. Егоров заключает: «...для нас является неоспоримым следующее положение: если бы этот рейд был лучше подготовлен в политическом отношении и если бы Мамонтов избрал целью своих усилий не грабёж и насилие, а организацию восстания, более систематическое разрушение тыла и разгром живой силы красных в ближайшем тылу, то результаты его деятельности были бы более значительны. Но и при том положении, которое имело место в действительности при наличии всех отрицательных (с точки зрения белого командования, конечно) сторон

рейда — значение его было очень велико для всей операции Южного фронта этого периода» [12].

1. Рымшан М. Рейд Мамонтова//Военно-Историческая Библиотека. Выпуск 2-й, Штаб РККА. — М.: Военное Издательство, 1926. С. 6.
2. Ткачёв М. Вопросы тактического применения авиации в маневренной войне//Военный Сборник. Кн. 1. — Белград, 1921. С. 123.
3. Ленин В. Военная переписка. 1917–1922 гг. — М.: Воениздат, 1987. С. 203.
4. Егоров А. Разгром Деникина, 1919. — М.: Воениздат, 1931. С. 119
5. См.: Симонов К. Заметки к биографии Г.К. Жукова//Военно-исторический журнал. 1987. № 12..С. 41.
6. Рымшан М. Указ. соч. С. 29.
7. Ленин В. Военная переписка. 1917–1922 гг. — М.: Воениздат, 1987. С. 198–200.
8. Рымшан М. Указ. соч. С. 35.
9. Давыдова Н. Выбор оружия. Повесть об Александре Вермишеве. — М.: Политлит. С. 239.
10. Там же. С. 264.
11. Деникин А. Очерки русской смуты. Т. V. — Берлин: Медный Всадник, 1926. С. 122.
12. Егоров А. Указ. соч. С. 120–121.

Юрий Цурганов

К двадцатилетию распада СССР

Современная полемика по данному вопросу ведётся фактически вокруг трёх утверждений:

№1. К середине 1980-х у СССР не было сколько-нибудь серьёзных проблем, не было необходимости его реформировать. Курс на перестройку был ошибкой Горбачёва. Либерализация системы дала возможность скрытым антисоветским силам («пятой колонне Запада»), существовавшим в стране, открыто заявить о себе, завладеть сознанием части населения, дискредитировать политическую систему СССР. Объективно союзником «пятой колонны» в деле «развала Союза» стала переродившаяся часть номенклатуры КПСС, «заболевшая сепаратизмом». В основе поведения перерожденцев — честолюбие и жажда власти. Появление таковых не было обусловлено никакими историческими предпосылками. Это случайность, вызванная просчётами в кадровой политике. Позиция Ельцина была специфической формой сепаратизма — СССР теоретически мог существовать без любой из республик, кроме РСФСР. «Суверенизация» РСФСР означала уничтожение СССР.

№2. У СССР были серьёзные проблемы, но государство можно было спасти посредством перестройки. Либерализация системы не была ошибкой, она была необходимостью. Перестройка не привела к спасению системы из-за той части номенклатуры (от Лигачева до членов ГКЧП), которая противилась реформам, дискредитируя тем самым политическую систему СССР в глазах граждан. Объективно союзником антиреформаторов стала часть номенклатуры КПСС, «заболевшая сепаратизмом».

№3. СССР был обречён, он умер бы вне зависимости от курса на перестройку. Его смерть — вопрос времени и обстоятельств, поскольку система бы-

ла изначально порочна. «Сепаратистская болезнь», а точнее, честолюбие и жажда власти у номенклатуры КПСС — не досадная случайность, а родовая черта. Закономерными и оправданными были и антисоветские настроения граждан. В отличие от контрреформаторов типа Лигачёва, Горбачёв понимал, что СССР находится в состоянии кризиса. Начиная перестройку, он стремился спасти именно систему, но это было невозможно. Путь Лигачёва и путь Горбачёва — это две разных дороги к одному обрыву. Ельцин в Беловежье смягчил падение в этот обрыв, предотвратив развитие событий по «югославскому сценарию».

Товарищи, будьте последовательны!

В 1920-е в правых кругах русской эмиграции культивировалась мысль о том, что гибель Российской Империи есть результат «заговора тёмных сил», прежде всего масонов, прокрававшихся в правительство, Государственную Думу, редакции периодических изданий. Историки-марксисты над этой теорией дружно смеялись (и правильно делали), доказывая, что гибель Российской Империи — результат системного кризиса, а не заговора кучки пусть даже очень высокопоставленных людей. Но вот пришло время исчезнуть с политической карты мира Советскому Союзу. И те же историки-марксисты дают комментарий: СССР «развалили» либералы, диссиденты, переродившиеся партаппаратчики, агенты ЦРУ (при этом совершенно игнорируется тот факт, что США и другие страны Запада не считали для себя желательным растаскивание советского ядерного потенциала по национальным государствам, могущим возникнуть при распаде СССР, поскольку последствия этого представ-

лялись малопредсказуемыми и опасными). Хочется возразить: товарищи, будьте последовательны.

Достаточно назвать хотя бы одну причину, по которой СССР не мог сколь угодно долго сохранять себя в том виде, в каком он существовал в период правления Брежнева. Наступила «компьютерная эра». К концу XX в. уже ни одна страна мира не могла претендовать на статус «сверхдержавы», не проведя тотальную компьютеризацию всей хозяйственной, научной, военной и др. сфер. Вместе с тем, сама идея компьютеризации абсолютно не совместима с идеей контроля за информацией — основы основ любого тоталитарного государства. Сегодня как анахронизм выглядит диссидентская схема распространения Самиздата («Эрика» берёт четыре копии — вот и всё, а этого достаточно»).

Не компьютеризировать страну, оставить советское общество закрытым значит похоронить всякую надежду на сохранение научно-технического паритета с США; начать компьютеризацию значит допустить широкомасштабный доступ интеллектуальной части советского общества к нелицеприятной для КПСС информации. А это неизбежно ведёт к существенному сужению социальной базы режима. В этих условиях провозглашение политики гласности выглядит как превентивная мера: КПСС сама разрешает публиковать в СССР ранее запрещённые тексты. «Добровольный» шаг КПСС навстречу обществу мог смягчить психологический эффект от чтения населением крамольных произведений. Но не смягчил. На смену латентному неприятию системы ценностей советского общества пришёл ярко выраженный антикоммунизм. Это относится преимущественно к людям молодого и среднего возраста, живущим в крупных городах и занятым в интеллектуальной сфере. От политической воли именно этой части общества во многом зависело развитие событий в кульминационные моменты истории, прежде всего в августовские дни 1991 г.

Суммируем претензии граждан СССР к КПСС и, перефразируя общественного деятеля начала XX в. В. В. Шульгина, определим:

Что нам в ней не нравилось?

Ответ будет таким: ханжество, культ аскетизма, убожество внешних форм существования общества, полная зависимость человека от государства, тотальная регламентация жизни граждан, насаждение коллективизма. Это шло от КПСС, и фиаско этой партии как руководящей и направляющей силы было предрешиено. Другой вопрос: насколько распад СССР как единого государства (название может быть разным) был неизбежным последствием краха КПСС? Т.е. какая из версий — № 2 или № 3 — ближе к истине? На рубеже 1980–1990-х были нередки рассуждения о том, что партийный жёрнов страна должна сбросить, чтобы он не утащил её за собой в бездну. В НТС считали, что освобождённая Россия будет существовать на всём постсоветском пространстве, лишь за исключением Прибалтики. Сегодня актуальность вопроса о взаимозависимости распада КПСС и СССР определяется

тем, что тоскующих по единому союзному государству довольно много, но тоскующий по КПСС — явление редкое.

Как на первопричину распада СССР обычно указывают на его административно-территориальное устройство в виде национальных республик. Упоминают также и право на свободный выход из состава Союза, отмеченное в конституции. Таковое право было, конечно, чистой формальностью, но лишь пока государство имело силы сдерживать сепаратистские устремления. Но это то, что лежит на поверхности. А вот откуда эти устремления в принципе возникли? Номенклатура разрасталась, и многим уже не светило завершение карьеры в столице. Появилась новая мечта — узаконить статус региональных хозяев. Но неужели одного желания номенклатуры национальных республик, не подкреплённого общественными настроениями, было достаточно для «развода по-советски»? Дело в том, что СССР как государство имело врождённые пороки, причём куда более серьёзные, чем административно-территориальное устройство.

Врождённые пороки

Исходная причина возникновения в СССР сепаратистских устремлений та же, что и в Российской Империи, где национальных республик не было. Если основной этнос составляет весомый процент населения, то меньшинства, как правило, интегрируются с ним. При уменьшении доли основного этноса возникают иные центры этнокультурной консолидации. В Российской Империи великороссы не смогли стать центром консолидации восточноевропейских народов. И это произошло вследствие присоединения Средней Азии и Кавказа. Оно даже стало стимулом для распада восточнославянского триединства. Присоединение новых территорий было следствием политики экспансии российской короны, которая всегда считала, что ей не хватает территории. Ситуация повторилась в СССР.

Ещё более важная причина появления сепаратистских устремлений — травма от массовых политических репрессий, проводившихся в период становления большевизма и, прежде всего, от уничтожения дореволюционных национальных элит. Со времени оккупации Красной армией новообразованных национальных государств и к моменту их включения в состав СССР (30.12.1922) они были подвергнуты насильственной советизации по образцу советизации России, осуществлявшейся коммунистами с 1917 г. К репрессиям следует прибавить навязывание из Москвы чуждого образа жизни. Так, например, значение имела не только ликвидация кулачества как класса, что сопровождало коллективизацию, но и коллективизация как таковая.

Истребляя национальные элиты, политбюро стремилось уничтожить национально-мыслящий слой людей, поскольку именно этот слой — потенциальные сепаратисты. Но сепаратизм усиливается по мере усиления нажима на народы. Получается замкнутый круг. Кроме того, для индустриализации многонациональной стра-

ны требовались национальные кадры на национальных окраинах. Т.е., вырезав дореволюционную элиту, большевики оказались вынуждены создать новую элиту. Она, конечно, была несравненно скромнее развита в гуманитарном плане, не могла генерировать общественные идеи, в том числе и сепаратистские, в том объёме, что и предшественники. Но в каком-то объёме могла. Тем более что народы, из которых эта элита вышла, уже пережили шок. Образовался второй замкнутый круг. Советские национальные элиты чистили все сталинские годы. Но накал страстей от этого мог только усиливаться. Конечно, протест в то время проявлялся в основном подспудно, но в условиях общего ослабления государства вырывался на поверхность, например, в условиях Второй мировой войны. Реакция правящей партии — на этот раз высылка целых народов.

После смерти Сталина режим стал заметно мягче, но появились новые проблемы. Юг СССР был получателем экономической помощи из Центра. Но она на деле редко доходила до тех, кому предназначалась. В результате обозлились все. Русские считали, что за их счёт обогащаются национальные меньшинства. Что касается местного начальства из числа представителей меньшинств, то это была правда. А «простые люди» в республиках делали вывод, что под властью русских они влачат нищенское существование.

Главная причина распада СССР — нищета. Социализм нёс её повсюду. В 1970–80-е страна проедала «нефтедоллары», а многим этот период до сих пор представляется «золотым веком». Для республик стало ясно: единство значит нищета. От богатых не отделяются.

Из перечисленных врождённых пороков только первый, причём самый безобидный, достался советскому государству «по наследству». Все остальное — результат «наработок» компартии. Так что наиболее справедливой представляется версия №3, по которой гибель СССР была лишь вопросом времени и обстоятельств. Каковы же они?

Время и обстоятельства

Решающий вклад в распад СССР внесли те, кто стремились отстранить Горбачёва от власти. Это сделали Иван Полозков и Геннадий Зюганов, создав республиканскую партийную организацию — КП РСФСР. На сентябрь 1991 г. готовилось проведение съезда КПСС и Съезда народных депутатов СССР, чтобы сместить Горбачёва с постов генсека и президента. В качестве контрмеры Горбачёв был вынужден обратиться к главам союзных республик с обещанием радикально расширить их полномочия. Реакцией на это стал ГКЧП — последняя капля, перевесившая чашу весов в пользу распада СССР.

Сам Горбачёв, стремясь ослабить Ельцина, предложил «План автономизации» — поднять статус автономий в составе РСФСР до статуса союзных республик. В случае реализации плана РСФСР теряла 51% территории с большим количеством стратегических ресурсов и почти 20 млн. населения. Именно в противовес этому плану российский Съезд

народных депутатов принял Декларацию о государственном суверенитете России. Наконец, президент СССР, избранный лишь Съездом народных депутатов, а не прямым голосованием населения, выглядел менее легитимным, чем любой из президентов союзных республик. Горбачёв, конечно, ничего не разваливал сознательно, он стремился спасти, но что? Он до последнего стремился спасти социализм, говорил о недопустимости введения частной собственности. А если бы с самого начала перестройки начать спасать страну, а не систему? Удалось бы? С учётом перечисленного выше — едва ли. Вспомним и лукавую формулировку «референдума» 17 марта 1991 г.: «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновлённой федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности». Варианты ответа: «да» и «нет».

И Российская Империя, и Советский Союз погибли по объективным причинам. Другое дело, как мы к этому относимся. Диапазон эмоций по поводу каждого из этих двух событий может быть очень широким — от скорби до злорадства. Но учтём, что за восстановление жизненного уклада, рухнувшего в 1917 г., пять лет шла гражданская война. Да, она закончилась поражением тех сил, которые стремились к восстановлению обвалившейся государственности, но во всех регионах страны нашлись люди, которые исчислялись сотнями тысяч и выражали готовность выступить с оружием в руках. В 1991-м этого не произошло.

Желю Желев

«Нужно помнить об ответственности за будущее»

Окончание интервью с Президентом Болгарии (1990–1997) Желю Желевым (начало в № 8, 2011). Интервью состоялось благодаря помощи и содействию Чрезвычайного и Полномочного Посла Болгарии в Российской Федерации г-на Пламена Грозданова и переводчика и ассистента Президента г-жи Ларисы Димитровой

— 65 лет назад, 1 октября 1946 года, закончился Нюрнбергский процесс, а в 1956 году, 25 февраля, прозвучал обличительный документ XX съезда КПСС. Казалось, тоталитаризму вынесен окончательный приговор. Однако рецидивы этой болезни всё отчётливей проявляются в разных странах. Более того, под старыми, знакомыми лозунгами сверхнации и сверхчеловека политики побеждают на выборах. Что происходит?

— Причины разные. Во-первых, огромные перемещения людей из одних стран в другие, как это происходит в Европе. Желаящих жить в Европейском Союзе всё больше. К примеру, во Франции. Там уже несколько поколений выходцев из разных стран Северной Африки, бывших французских колоний обосновались и продолжали привлекать в Европу всё больше и больше своих родственников, которые, переезжая, не могут полностью отказаться от своих старых привычек. На это требуется время и желание, а если ни того, ни другого нет, возникают проблемы. Во-вторых, человеческая память очень хрупка и ненадёжна. Люди быстро забывают прошлое. История учит, что народы не усваивают её уроки. Мне, например, казалось диким то, что, в Югославии, зная о трагедии Второй мировой войны, о трагедии ГУЛАГа, помня о бесславной кончине фашизма и коммунизма, в конце XX века начали повторять те же преступления. Милошевич со своими приспешниками в самом центре Европы начал проводить человеконенавистническую политику нации сверхчеловеков. А мировое сообщество пыталось его увещевать, уговаривать, долго вело с ним переговоры, в то время как лилась кровь невинных людей, не совпавших с господином Милошевичем национальностью или верой. Более того, до сих пор есть те, кто это оправдывает. Разумеется, дело не только в одном Милошевиче, но в целой плеяде сербских шовинистов, которые хотели решать свои проблемы за счёт других.

При этом необходимо помнить, что практически все народы Югославии братья, но воспринявшие в силу исторических обстоятельств разную религию и письменность. Боснийцы стали мусульманами во время турецкого рабства, сербы сохранили православие, хорваты стали католиками, но эти народы остаются братьями по крови. Миллионы вынуждены были покинуть свою родину и искать спасения в других странах. Я никак не мог такое предвидеть после опыта середины XX века, но это случилось. Если вернуться в историю, то кто мог допустить, что Германия,

которая столетиями была оплотом цивилизации и гуманизма, воспримет Гитлера с его человеконенавистничеством. Даже сегодня трудно понять и объяснить, как с немцами можно было проделать такое. Мы здесь затрагиваем очень интересную проблему: как цивилизация может деградировать и обратиться к варварству. Конечно, на любом этапе своего развития, даже варварском, человечество имело культуру. Культуру в широком смысле слова. Культуру производства, орудий труда и так далее. Становление цивилизации является результатом прогресса. Для этого нужно время, и далеко не каждая культура превратилась в цивилизацию, это всё ещё продолжающийся процесс. Это происходит только тогда, когда высшей ценностью общества становится человек, человеческая личность. Когда среди всех ценностей самой главной станет человек, только тогда мы сможем говорить об истинно культурном, цивилизованном, демократическом обществе. Все институты государства, общества должны быть созданы так, связаны между собой так, чтобы максимально служить и помогать развитию человеческого гения. Именно потому христианство победило могучую Римскую Империю, что оно шло по дороге прогресса и совершенства.

— Значит ли это, что в современном обществе в начале XXI века происходит смещение тя-

ги к тоталитаризму от западных к восточным странам и что, учитывая технический прогресс, нас ждут ещё более страшные времена и уроки истории?

— Надеюсь, в планетарном масштабе этого не случится. Однако приходится констатировать, что люди плохо учатся на уроках истории. Полагаю, что двуполярная система окончательно скомпрометирована в XX веке. Так было в период Первой мировой войны, когда столкнулись два блока — Антанта и Тройственный союз. Даже не входившие в эти блоки страны испытали на себе все прелести войны. Вторая мировая противопоставляла страны Оси и Антигитлеровской коалиции. Она охватила своим пожаром ещё больше стран. Погибли десятки миллионов. Война всей своей тяжестью свалилась на плечи мирных жителей. Жертвы среди мирного населения во много раз превысили военные потери. Были разрушены сотни прекрасных городов, а уж количество деревень и сёл вообще не поддаётся подсчёту. От бомб негде было укрыться, это продемонстрировали бомбардировки Герники, Варшавы, Сталинграда или Дрездена. Ещё страшнее опыт Хиросимы и Нагасаки, где впервые было применено ядерное оружие, наступающее людей даже через много лет лучевой болезнью. Третья мировая война — «холодная» — также была противостоянием двух систем. На первый взгляд, она обошлась без больших жертв, но мы должны помнить и Карибский, и Берлинский кризисы, Венгрию и Чехословакию, Вьетнам, Афганистан и многие другие страны, где сталкивались интересы противоборствующих систем. Только паритет в наличии ядерного оружия останавливал горячие головы от более решительных шагов. Варшавский договор и НАТО противостояли друг другу.

Что получилось после распада СССР и Варшавского договора? Мир превратился в однополярный. США практически стали единоличным властителем мира. Но это время прошло. На сцене появляются новые игроки: Китай, Индия, её тоже не стоит сбрасывать со счетов. Наконец, наследник СССР, Россия, имеющая колоссальный запас природных ресурсов, военный потенциал, огромную армию и, главное, сохранившую с советских времен претензию на ведущую роль. Европейский Союз тоже является игроком на этой сцене. Для этого он должен действовать как единый механизм, но это сложно, так как Союз состоит из совершенно разных независимых государств, часто совсем не похожих друг на друга, прошедших различный исторический путь. Привести всех к одним правилам, к одной системе, к одним законам очень трудно. Тем более, что необходимо сохранить все те исторические завоевания культуры, которые имеют даже самые малые европейские народы. *Ничего подобного в истории ещё не было.* Были империи, которые создавались насилием, кровью. Здесь всё не так. Каждой стране, становящейся членом Союза, необходимо добиться выполнения множества важных правил. Установить демократические законы, построить рыночную

экономику, это основы членства в Европейском Союзе. Мы знаем, как трудно заслужить право быть принятым в этот клуб богатых. Болгарии для этого потребовалось почти 20 лет, поскольку наша страна одна из самых бедных в Европе. Тем не менее, надеемся, что нам помогут, ведь мы не нужны ЕС как бедняки, стоящие с протянутой рукой. В то же время, если провести параллель между созданием США и Европейского Союза, то увидим, что Америка — США уже стали нацией. При всём различии религий и наций, США единая страна. Почему? США созданы эмигрантами из Европы, Африки, Азии, из местных индейских племён, практически из всех народов и наций, и оказалось, что между ними можно создать механизм сцепления, объединив общей идеей и едиными законами. Люди ехали за новой жизнью и сами образовывали свою страну, сами создали законы, учитывая то лучшее, что было наработано опытом их бывших стран. Когда речь идёт об интеграции государств Европы, уже ставших полноправными членами Европейского Союза, то это значительно сложнее. Каждая страна имеет за спиной многовековые традиции в культуре, в военной области, в экономике. Поэтому объединение проходит так непросто и не всегда вселяет оптимизм. По многим вопросам у разных стран совершенно различные позиции. Например, в Югославии НАТО вмешалось только тогда, когда погибли уже более двухсот тысяч человек, а всё потому, что разные страны имели разные позиции. Но пока мир устроен так — и вот в Ливии мировое сообщество ждёт. Сколько должен пролить крови своего народа Каддафи, чтобы мир убедился в его тоталитаризме? Сколько должен уничтожить людей этот или другой бандит, прежде чем мировое сообщество назовёт его не лидером страны, а диктатором и преступником? Увы, мир спорит, утрясает, ждёт. Мы должны прекратить позволять уничтожение людей сумасшедшим и наследникам Гитлера, Сталина и других носителей человеконенавистнических идей.

— В мире популярен спор о том, что над чем должно иметь приоритет: право народа на самоопределение или нерушимость границ? Ведь распад СССР и Югославии, Чечня, Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье, Косово, Карабах ставят перед миром такие вопросы. Приоритеты не выбраны, и это ставит мир перед угрозой войны. Как это преодолеть? Как должны действовать международные институты?

— Вышло так, что уже давно назрела необходимость изменения мировых институций, которым делегировано право управлять мировой политикой. Я говорю прежде всего об ООН и Совете Безопасности, а также ЮНЕСКО и прочих организациях. Что не отвечает в них сегодняшнему положению в мире? Давайте заглянем в историю вопроса. Кто получил право управления в этих организациях после Второй мировой войны? Страны-победители. Постоянными членами Совета Безопасности с правом вето стали СССР, США, Франция, Великобритания

и позже Китай. Эти страны внесли большой вклад в победу над фашизмом. Такая ситуация остаётся неизменной до сих пор. Но Вторая мировая окончилась 65 лет назад. На мировую авансцену вышли другие игроки, и это нужно учитывать. 65 лет Германия и Япония не имеют своего места в ряде институтов, но мы знаем, что обе эти страны в авангарде как в экономике, науке, технике, так и в преодолении своего тоталитарного прошлого. Именно Германия и Япония многим могут служить примером, но достойное место в мировых институтах остаётся для них закрытым. Необходимо как можно быстрее реорганизовать эти институты с учётом современных тенденций. Южная Америка, Африка, Азия развиваются быстрыми темпами, их успехи поражают, и нам уже есть, чему у них учиться. Пора избавиться от фантомов 1945 года. Нужно жить сегодняшним днём.

— *Вернёмся к материалам книги. Как должно общество воспринимать силовые органы, спецслужбы своих стран, и как гражданское общество должно противостоять диктату этих служб с учётом опыта XX века?*

— У нас в Болгарии после крушения коммунистической системы пришлось разбираться со спецслужбами и даже с таким институтом, как дипломатия. В нём было полно спецслужбистов.

Добиваясь права постоянного членства в европейских институтах, мы должны были прекратить шпионить в этих странах, чем активно занимались наши посольства в коммунистическое время. Сегодня открыто в каждом посольстве есть официальный представитель спецслужб, и все его знают. Он там нужен для координации соответствующей деятельности. Но мы постарались, чтобы под «крышами» авиакомпаний, культурных и экономических институтов, в консульствах, в дипломатической службе Болгарии никого из них не осталось. Надеюсь, что нам удалось многое на этом пути, и сегодня мы пользуемся заслуженным доверием у наших союзников. Спецслужбы должны заниматься своей деятельностью под обязательным контролем общества и ни в коем случае не должны возглавлять или регулировать это общество.

— *В истории немало свидетельств того, как возомнившие себя сверхнацией или сверхгосударством страны жестоко расплачивались за своё высокомерие, и всё-таки соблазн объявить себя сверхстраной, сверхнацией всё время преследует человечество, выбирая себе то одну, то другую жертву. Что делать, чтобы избежать этого?*

— Те, кто говорят, что они Богом избранный народ или, тем более, Богом избранное государство, действительно в истории не раз страдали, оказываясь у разбитого корыта. Возьмём хотя бы евреев — они, заявляя о своей богоизбранности, реально оказывались в рабстве. Начиная со времён древнего Египта, они потеряли свою государственность и даже стояли перед угрозой полного уничтожения. Конечно, в истории есть и другие примеры. История не раз

опровергала самые громкие заявления сверхчеловеков, разрушая их мир. Думаю, умные народы и страны эти уроки усвоили, ну а остальным можно только посочувствовать...

— *Первый российский Президент Б. Н. Ельцин запомнился многим в том числе и тем, что практически не реагировал на критику в СМИ, особенно на критику своих личных качеств. Пожалуй, он единственный пример в истории нашей страны с таким отношением к критике. А как Вы относитесь к критике, и как с Вашей точки зрения, с учетом Президентского опыта, нужно относиться к критике своих личных качеств и своей политики?*

— Думаю, прежде всего, не нужно давать поводов для критики. Разумеется, каждый крупный политик всё равно становится её объектом. Например, генерал де Голль. Он даже опубликовал сборник с карикатурами на себя. Это свидетельствовало о том, что он был сильным Президентом. Политик, который себя реализовал, не боится критики. Когда после войны парламентская демократия в ряде стран не работала и шла постоянная смена правительств и депутатов, остро встала проблема профессионализма и умения трудиться с полной отдачей. Похожая ситуация сложилась в некоторых странах после падения коммунистической тирании. Нужно работать. Только дела подтверждают, что ты прав. Если жизнь граждан, страны становится лучше, то и критика не страшна. Приведу пример из своей практики. Когда я был президентом, у меня был один постоянный критик, карикатурист, и я даже собирался подать на него в суд. Но мои советники сказали, что этого делать не надо: «Он так ничтожен, что от суда с Вами только выиграет. Просто не замечайте его». Я так и поступил. В тоталитарных странах критика политиков была строго запрещена. За этим пристально следила цензура, критиков уничтожали, но ни вождям, ни их политике это не помогло.

— *Тоталитарный режим всегда ассоциируется с личностью, пускай часто и с отрицательным зарядом, — Ленин, Сталин, Гитлер, Муссолини, Мао. Можно дальше продолжать перечислять диктаторов, как в Европе, так и на других континентах, создававших культ своей личности, но остановимся. Так есть ли взаимосвязь личности и тоталитаризма?*

— Есть два варианта. Первый, когда лидер страны действительно представляет из себя «личность», с большой буквы. В зависимости от заряда на плюс или на минус такой вождь либо приносит славу своей стране и своему народу, либо горе и разрушения. Второй, когда лидер из себя ничего не представляет и является абсолютной серостью. История даёт нам и те, и другие примеры. Часто «не личность» сама или с помощью своего окружения раздувает всячески свою значимость. Ещё хуже, когда таких не совсем личностей оказывается у вершины власти несколько. У такой власти не может быть реального авторитета. Так было

во многих странах соцсистемы, так, увы, бывает и сегодня.

— Как должны быть устроены СМИ, чтобы противостоять возникновению тоталитаризма?

— Роль СМИ, особенно электронных, в современном обществе чрезвычайно велика. Недаром их называют четвёртой властью. Иногда они становятся даже почти что первой властью. Очень плохо, развращающе действуют СМИ, когда они продажны и служат той или иной олигархической группировке или партии, пытающейся или захватившей власть. Нельзя из-за корпоративных интересов какой-либо группы предавать общенациональные интересы. В таком случае роль СМИ в современном обществе отрицательна. Также нельзя романтизировать бандитизм, мафию, преступления, максимально заполняя ими информационное пространство. Это дурно влияет на следующие поколения, так как романтизирует преступность. Нельзя пропагандировать только силовое решение всех проблем. Пропаганда оружия и силы обернётся для народов горем. Вместо того, чтобы думать и говорить, общество привыкает к стрельбе и насилию. Дети видят в войне героину, им кажется, что она быстрее сделает их взрослыми, и они пытаются подражать правилам войны в повседневной жизни. Об этом должны помнить журналисты, телевизионщики, деятели культуры и искусства. Героизация преступления является преступлением. Нужно помнить об ответственности за будущее.

— Тоталитарные государства всегда уделяли большое внимание воспитанию молодёжи. Гитлерюгенд в Рейхе, октябрята, пионеры, комсомол в СССР, сентябрята в Болгарии, наконец хунвейбины в Китае вписали немало позорных страниц в историю XX века и привели огромные массы молодёжи к самопожертвованию. Должно ли государство заниматься молодёжной политикой, тем более с самого раннего возраста? Нужно ли государству воспитывать патриотизм, или молодёжь должна развиваться естественно и свободно, самостоятельно приходить к осознанию себя и своей роли в государстве?

— Категорически не должно! Когда молодёжь вырастет, она сама сможет стать на ту или иную позицию. Если с самого детства вдалбливаются те или иные представления о мире, о добре и зле, то это неминуемо приводит к страшным трагедиям, в том числе и для самой молодёжи.

Генерал де Голль писал: патриотизм — это любовь к своей стране, знание её истории, культуры, а национализм — это ненависть к истории соседей, к их культуре. Я думаю, что это самое точное определение патриотизма и национализма. Увы, часто встречаются псевдопатриоты, которые легко надевают на себя националистическо-патриотические одежды. Давайте не забывать, что в национал-социалистические времена такие «патриоты» Рейха говорили: «Германия превыше всего». К чему это привело? Уверен, этот урок не стоит забывать. Германия

стала действительно великой и привлекательной, избавившись от нацистской формулы патриотизма и даже запретив её. Есть партии, деятели культуры, писатели, политики которые выдают себя за патриотов и ратуют за патриотизм, превращая национальный флаг в свой партийный, идейный символ. С моей точки зрения, такие партии должны быть запрещены. Никто не должен приписывать себе право на патриотизм только потому, что ему кажется, что он больший патриот, чем другие граждане страны. Партия, которая так поступает, тем более не имеет на это права. Это должно быть запрещено законом. Все мы дети своей Родины, и испытывать к ней патриотические чувства, знать её историю — это нормально.

— Какова роль деятелей искусства в политике? Должны ли деятели искусства идти в политику, и должна ли политика их «опекать»?

— Думаю, что, как и в случае с молодёжью, нет. Если деятель культуры, искусства сам считает необходимым сделать своё искусство партийным — это его право. Но от партийной принадлежности никакое искусство не становится лучше или хуже. У каждого, тем более культурного, человека есть свои идеалы. Думаю, он должен их оберегать в интересах общества, а общество — оберегать их в интересах каждой личности. Искусство может отображать жизнь, но оно ни в коем случае не должно превращаться в политику и политиканство. Так как тоталитаризм всегда ограничивает общество, то он противопоказан искусству. Нужно помнить, что искусство должно находить путь к зрителю, читателю, а при цензуре тоталитарного государства этот путь как минимум затруднён или ограничен искусственными рамками разрешённых тем и стилей. Безусловно, мастер индивидуального творчества, поэт, писатель или живописец, не очень зависим от политической системы. Другое дело кино или театр — они более зависимы.

Пастернак и Солженицын смогли себя реализовать в тоталитарном советском обществе. Хотя, полагаю, повторить их судьбы желающих не так и много. То, что только по прошествии большого промежутка времени мы открываем для себя всё новые и новые имена и произведения, скрытые от читателя и зрителя цензурой, показывает, как негативно тоталитарное государство влияло на культуру.

— Господин Президент, Вы живёте сегодня без охраны. Насколько охрана должна ограничивать доступ к Президенту и должен ли вообще Президент знать, как реально живёт простой народ?

— Политик, Президент, глава государства не должны огораживать себя какими-либо барьерами. Необходимо знать жизнь и реальные проблемы граждан, но не нужно играть роль простого человека из народа. Есть такие вопросы и проблемы, решение которых составляет профессиональную деятельность политика. Они должны решаться на самом высоком профессиональном уровне, и тут игра в протаска не подходит. Плохо, когда политик или, тем более, Президент яв-

ляется популистом. Президента не должны называть народным человеком, он не обязательно должен быть человеком из народа. Но я уверен, он должен оставаться со своим народом.

— *Должна ли власть жить в «баине из слоновой кости»?*

— Если такое происходит, то это пагубно, прежде всего, для самой власти. Она теряет представление о том, что происходит в обществе, и становится заложницей своих клеветов. Последние часто в своих интересах извращают реальную картину происходящих в стране процессов. Я всегда был за то, чтобы отвечать за свои поступки, и поэтому живу среди людей и горжусь этим. В том числе и тем, что имею возможность простым людям ответить на их вопросы или упрёки и объяснить те или иные свои поступки не только в мемуарах, которые не все прочтут, но и в повседневной жизни. Думаю, что открытость нашего общества или, точнее, моей жизни даёт мне преимущества перед теми, кто скрывается от людей за высоченными заборами или в бронированных автомобилях. Мне жаль, что Хрущёв и Ельцин были вынуждены после ухода с президентского поста жить практически в изоляции. Мне думается, что они от этого что-то теряли, но очень много теряли и общество, и страна. Думаю, пока эта традиция у вас не изменится, вам трудно будет построить настоящее гражданское общество, а, следовательно, и избавиться от наследия тоталитаризма.

— *Последний, но, возможно, самый важный вопрос, господин Президент. Что мы должны делать, чтобы то, что Вы так подробно описали в своей книге «Фашизм. Тоталитарное государство», не повторилось? Есть ли у человечества шанс не повторить ошибки прошлого? Ведь не все читали Вашу книгу и не все хотят помнить о десятках миллионов, заплативших своей жизнью за ту реальность, которую вы облекли в науку.*

— Нужно решать эти проблемы глобально. Например, то, что происходит в Ливии: необходимо реагировать быстро, а не ждать, что получится, как будут развиваться события, — ведь гибли и гибнут люди. Совету Безопасности или НАТО по поручению Совета Безопасности нужно отстранить от власти этого сумасшедшего, потому что если долго рассуждать, то будет только хуже. Особенно следует проявлять поспешность в борьбе с любым видом терроризма, который на данный момент является главной угрозой для человечества. Я другого пути просто не вижу. Нужно действовать принципиально, не допуская никаких двойных стандартов, как это долго было между СССР и Западом. Именно эта практика привела ко Второй мировой войне. Некоторые и сейчас готовы применять старый опыт, используя дипломатическое прикрытие для шпионской деятельности. Мы регулярно сталкиваемся с рецидивами подобной политики, в том числе и со стороны России. Ещё хуже обстоит дело с постимперским поведением облечённых властью людей. Необходимо обо всём происходящем судить на основе одного, и только одного критерия,

раз и навсегда выработать такие принципы, которые чётко будут объяснять, что выгодно, а что нет всему человечеству, а не какой-то группе. Нужно устранить двойные стандарты навсегда. Только тогда наступит справедливость.

Тоталитарные режимы были двух типов: коммунистические и фашистские. Если мы, забыв те ценности, которые выработаны человечеством тысячелетиями, будем продолжать считать, что коммунистический режим лучше, так как он многое обещал и декларировал, и не будем подводить правдивые итоги этих обещаний, забудем, что коммунисты хотели создать новую религию, заменив собой христианство и другие, рождённые за многовековую историю, религии, то нам придётся опять расплачиваться за эту свою ошибку. Ведь и фашизм делал и декларировал всё это же. Нужно быть против обоих тоталитарных режимов. Одинаково и категорически. Нельзя быть коммунистом и считать себя демократом. Сталин был самым известным антифашистом, Гитлер был самым последовательным антикоммунистом, но оба они были человеконенавистниками. Ни в коем случае, ни с какой точки зрения они не могут считаться демократами. Демократом может считаться только тот, кто одинаково отрицает и коммунизм, и фашизм. Люди должны понять, что коммунизм пора осудить так же, как фашизм. Только мировое сообщество, как и в 1945 году может создать «Нюрнбергском процесс». Только тогда тех, кто отрицает преступления коммунизма, можно будет судить, так же, как это возможно делать по законам многих стран с теми, кто отрицает преступления фашизма. Тех, кто отрицает ГУЛАГ, Катынь, Голодомор, уничтожение людей по конфессиональному, национальному или имущественному принципу необходимо судить! Как минимум, запрещать им работать в институтах власти, в педагогике, в пропаганде. В преступлениях преуспели оба тоталитарных режима. Должен быть юридический механизм, документ, ставящий точку в этой кровавой истории. Без этого процесса, без такого документа будет оставаться соблазн, иллюзия правильности уничтожения человека человеком во имя «великих» идей.

— *Спасибо, господин Президент, за эту беседу, и от имени журнала «Посев» и его читателей пожелаю здоровья, долголетия и благоденствия Вам и Ваши родным и близким.*

*Беседовал Григорий Амнуэль
София, март 2011 года*

P.S. автора интервью:

В Швейцарии есть библиотека, в которой в книге регистрации читального зала за один из дней начала XX века сохранились записи о выдаче книг. Под одной записью подпись Муссолини, под другой — Ленина. Два прародителя двух человеконенавистнических режимов и идеологий, следовательно, одновременно сидели, фигурально выражаясь, на одной скамье. Человечество должно сделать всё, чтобы посадить и коммунизм, и фашизм на одну скамью — скамью подсудимого.

Н. Н. Лобачевский

«Тюрьма народов»

Россия — страна, которую западный мир узнал или, вернее, начал узнавать слишком поздно. Государственное образование «СССР», находящееся на месте, именуемом когда-то Россией, общего с ней не имеет. «Оплот мирового пролетариата», очаг коминтерна, хозяевам которого, по словам Ленина, на Россию наплевать

И, действительно, плюют на неё много лет, сначала нагло и в открытую, а теперь исподтишка, используя для своих целей ненавистное им имя «Россия».

А люди верят. Верят всем наветам на старое время, когда, по их словам, всех преследовали, иногда вешали за какие-то акты покушения или убийства, оправдываемые теперь только их «подвигами». Да, ссылали и в Сибирь, где заставляли служить в правительственных учреждениях. Ссылали без права возвращения в европейскую часть страны в течение срока ссылки, но с правом переписки и даже с возможностями издавать воззвания, брошюры и книги, вплоть до антиправительственных. И это продолжалось десятки лет.

Много плохого было написано о России нашими писателями и политиками, писания которых и теперь ещё советское руководство печатает большими тиражами в назидание потомству, как, мол, ужасно было! Многие художники писали картины антирелигиозного содержания, поэты находили соответствующие рифмы для помоев на свою же родину, и поэтому нечего удивляться иностранцам и их «знатокам России», так как они ознакомлены были, в первую очередь, с такого рода художествами от наших, к сожалению, известных людей. В результате пошла и крепко, по сей день, укоренилась славушка о «тюрьме народов».

Только одного не разглядели: тогда действительно была Россия, и не было тюрьмы, а сейчас тюрьма налицо, но нет России!

Передо мной небольшая, но толстенная книжка в коленкором переплёте. «Путеводитель по С.-Петербургу. 3-е издание, цена 1 рубль. 1907-й год». Книжечка, как обычно такого рода книги, описывает столицу нашей страны, но описывает с исключительными подробностями. Таких подробностей в современных путеводителях вы не найдёте. Составители этой книжечки были, действительно, образованными людьми. Это экономисты, статисты, историки, учёные, деятели искусств, общественные и пр., но, главное, это честные люди. Сведения даются правдивые и авторы не щадят непорядков и изъянов в описании величественности столицы.

В путеводителе нет обычных теперь, кричащих реклам с рисунками не по существу, и рассчитан-

ных на ошеломление читателя, но есть деловые торговые объявления, точные и очень подробные описания всего: вокзалов, улиц, музеев, храмов, учреждений, городских правил и т. п., вплоть до ресторанов, гостиниц с описанием цен и даже практических советов, как дешевле проехать извозчиком. Торговых объявлений много — всего, чего хотите — и очень обширно представлен книжный рынок, многочисленны рекламы издательств. Книжечка даёт исчерпывающие сведения о жизни города и предоставляет возможность убедиться, какие только небылицы рассказывают и пишут теперь о России.

Не только в Советском Союзе, но и всюду пишут и говорят, что в России всё было зажато, запрещено, не дозволено, словом, нельзя было рта открыть для критики в особенности чего-нибудь антиправительственного. Но посмотрим, что можно было получить на книжном рынке и что издавалось в отношении политической и общественной литературы.

В 1907-м году в столице выходило до 400 изданий на русском, немецком, французском, финском, польском, еврейском языках и было около 300 типографий.

Для примера возьмём только несколько издательств, рекламируемых в этом путеводителе: Издательство «Образование». Открыта подписка на 1907-й год. 16-й год издания. Общественно-политический журнал. Произведения и статьи: «Социализм и земледелие», «Полицейский социализм в России», «Теория прибавочной стоимости», «Исторический материализм и критическая философия», «Новое учение о нравственности с приложением критического очерка К. Каутского». Печатались такие лица, как Коллонтай, Вандервельде (член II-го социалистического интернационала. — Прим. А. В.), Маркс, Каутский, Плеханов...

Издательство и журнал «Былое». Анонс: «Журнал непартийный и посвящённый истории освободительного движения (!!! — Прим. А. В.). Очерки, рассказы и повести, помещённые в нём: «Побег князя Кропоткина», «Декабрист в монастырской тюрьме», «Волнения в лейб-гвардии Семёновском полку», «Страница из истории идейных течений в “Народной воле”», «Свод указаний, данных некоторыми из арестованных по делу Веры Засулич».

Издательство «Зерно»: «Либкнехт — “Никаких компромиссов”», с предисловием Ульянова-Ленина, Каутский — «Движущие силы и перспективы русской революции», Лядо — «История РСДРП».

Книгоиздательство Парамонова «Донская Речь». Отдел исторической беллетристики и публицистики предлагает: «Катехизис рабочего», «Почему крестьяне требуют земли и воли», «Последний день

Каляева», «Для чего требуют свободы сходок», «Религия и социализм», Кропоткин «К молодёжи», Либкнехт — «От обороны к нападению», К. Каутский — «Аграрный вопрос в России», «Экономическое положение еврейского пролетариата в России», «Социальная реформа», «Всеобщая стачка» (его же), Мартов «Пролетарские праздники», и т. д., и т. д. ...

Из этого небольшого перечня видно поле и возможности деятельности противников существовавшего строя. Вот это зажим! Вот это тюрьма! Сравниваешь с положением в Советском Союзе, где совершенно немислимо легально не только издавать и публиковать что-либо подобное по отношению к существующему режиму, но даже выступить в защиту инакомыслящего очень рискованно.

Существование в Санкт-Петербурге эстонско-русского клуба, финско-русского клуба, национальных спортивных обществ, гастроли малороссийского театра на украинском языке, польская гимназия и еврейские учебные заведения в достаточной степени иллюстрируют положение народов, входивших в состав Российской Империи. В столице проживало постоянно довольно большое количество евреев, в т. ч. адвокатов, художников, писателей, журналистов, купцов. Еврей, окончивший среднее и потом высшее учебное заведение, не был ограничен законом в черте оседлости и мог ехать в любой университет, а по его окончании проживать на территории России, где ему заблагорассудится. Надо иметь в виду, что никто не загонял в России евреев в черту оседлости, а происходило это автоматически, т. к. еврейское население, проживавшее в отошедшей к России части Польши и так называемого Юго-Западного края, было оставлено на той территории, где проживало и раньше, с запретом селиться в остальной части страны без соблюдения известных условий, как, например, звание купца первой гильдии, свободная профессия или научная степень, и связанный с этим образовательный ценз. Эти меры разрешали предполагать возможность известной гражданской русификации, а также этим охранялась до известной степени русская экономическая и торговая жизнь.

Одним из самых больших наветов на дореволюционную Россию был «еврейский вопрос», раздутый и искажённый врагами донельзя.

В Нью-Йорке выпущена книга «О русском еврействе», рецензент — инженер Абрам Зисман, родившийся в России. Он окончил среднее учебное заведение, затем — Политехнический институт. Служил в армии вольноопределяющимся во время Великой войны 14-го года. После революции работал на заводах, был отправлен на 25 лет в концлагерь «за контрреволюцию», во время Второй мировой войны досрочно освобождён и зачислен в штрафной батальон для очистки минных полей. Попал в немецкий плен и там, не выданный как еврей, уцелел и перебрался сначала в Чехию, а затем в США.

В своей брошюре Зисман, между прочим, говорит, что в России, по статистике 1911-го года, проживало в черте оседлости 4899327 человек и вне её — 1320000. В 1815 году евреев в России было всего 1200000, и за сто лет еврейское население увеличилось в 5 раз. В черте оседлости, которая по размерам была в 1,5 раза больше территории Франции и в которую входило 25 губерний, еврейское население имело 5000 хедеров (начальных школ), в которых обучалось 863000 учеников, в средних учебных заведениях обучалось 52572 ученика и в высших учебных заведениях — 5477 студентов. В черте оседлости и вне её, например, в Петербурге, существовало 137 еврейских учебных заведений, реальных и коммерческих училищ.

«И все эти школы имел наш пятимиллионный еврейский народ! — пишет Зисман. — Какой другой из 163 народов, входящих в состав Российского Государства, имел столько учащихся и столько школ?»

В 1915-м году Указом Императора Николая II черта оседлости была временно отменена, чтобы дать возможность еврейскому населению страны беспрепятственно эвакуироваться перед наступающим врагом. При этом Зисман замечает, что, как служащий эвакуационной комиссии, к стыду своему должен констатировать тот ничтожный процент еврейского населения, который воспользовался этим распоряжением.

Все ограничения были внесены в законы, были явными и общеизвестными, и никакой представитель власти не мог себе позволить непредусмотренное законами. Зисман тут же задаёт вопрос: «А разве в Израиле нет ограничительных законов для иностранцев?» (Добавим, что до последнего времени гражданином Израиля мог быть только человек иудейского вероисповедания.)

Как всё это далеко от преследования! Никаких гетто наподобие существовавших почти в каждом европейском государстве в России никогда не было. Если бы в России было злостное отношение к лицам иудейского вероисповедания, то, например, караимы, которые наиболее близки по вере к евреям, не пользовались бы полными правами российских граждан без всяких ограничений.

Затем Зисман считает, что закон о снятии черты оседлости несомненно был бы Сенатом утверждён и была бы аннулирована статья в Своде Законов о лицах иудейского вероисповедания. и Россия не позволила бы никакому Гитлеру распоясаться и зверски уничтожить миллионы евреев.

«А так кто вступился за зверски убиваемых гитлеровскими сатрапами евреев? Кто? Вступить могла только Россия, так как в основе её государственности лежало человеколюбие», — пишет инженер Зисман.

...Вот такая маленькая книжечка может, благодаря честности изложения, вызвать целый ряд мыслей, выходящих за пределы, ей предназначенные...

Австралия

Ирина Роднянская

О западной и русской литературных традициях

В СВЯЗИ С АНАЛИЗОМ ПРОЗЫ СОЛЖЕНИЦЫНА

Литература о мысли и творчестве Солженицына на всех языках мира уже огромна. Но такого комpendиума конструктивной (в первую очередь) западной рецепции его мысли и его творений ещё не было, и, казалось, сама подобная задача неисполнима в представленном охвате — от первых ошеломлённых откликов и почти до наших дней. Однако она исполнена, адресована русскому читателю не в калькированных, а в творчески осуществлённых переводах, обеспечена разветвлённым справочным аппаратом, набрана без опечаток (которые я как читатель-редактор так натаस्कана замечать) — и вообще осуществлена так, как любил видеть результат всякого серьёзного труда сам Александр Исаевич. Создатели книги вправе окинуть её тем же взглядом, каким — Иван Денисович свою кирпичную кладку (кстати, вот эпизод, спорам вокруг которого в книге посвящены яркие страницы, особенно в статье Алексея Евг. Климова).

Освоить всё содержание семисотстраничного тома сразу невозможно. Но можно составить представление о всестороннем контексте, внутри которого рассматривается грандиозное явление Солженицына.

Прежде всего, Солженицын без колебаний и с явным позитивным акцентом воспринят как явление христианской культуры, всё ещё объединяющей нашу, общую с авторами тома, ойкумену вопреки пандемии анти- и постхристианских идеологий XX и XXI века. «Практически все сочинения Солженицына пронизывает тема поражения, превращающегося в победу, — тема, которая не может не пробуждать в памяти главное событие христианской истории» (с. 71), — эта примечательная формула составителя тома проф. Эдварда Эриксона сразу свидетельствует о том, что верховное послание Солженицына услышано. Затем весьма точно фиксировано место Солженицына на карте русской политической философии: он — либерально настроенный консерватор, имеющий своими интеллектуальными предшественниками таких христианских либеральных мыслителей, как Вл. Соловьев и С.Н. Булгаков, — пишет американец Дэниел Махони, автор книги «Александр Солженицын: От идеологии вверх». Немало важных страниц у разных авторов посвящено полемическим отношениям философии истории Солженицына с таковой у Льва Толстого, и здесь тоже речь идёт о христианском персонализме, ведущем к признанию личной ответственности человека за ход «больших» событий. (Что касается политической философии Запада, то тут круг сопоставлений мне показался скудным: едва ли не исчерпанным закономерно поминаемыми Токвилем и Эдмундом Бёрком.) Замечательно рассмотрена контрверза Солженицын/Са-

харов, но от такого автора, как Раймон Арон, другого уровня мысли и нельзя было ожидать.

Однако это не моя тема, так как будучи, худо-бедно, исследователем литературы, я хотела бы сосредоточиться на освещении художественной философии Солженицына. Поначалу удостоверюсь, что два главнейших солженицынских произведения выраженного межжанрового характера — «Архипелаг ГУЛАГ» и «Красное Колесо» — размещены исследователями в границах не просто «большого» (по Бахтину), а предельно большого культурного времени: звучат имена Гомера и Данте. В своей замечательной статье «“Война на два фронта”: Солженицын и “Архипелаг ГУЛАГ”», к которой я ещё буду обращаться, американский специалист по русской истории Мартин Малиа пишет, что «в его основу заложен великий план, успешно осуществлённый от начала до конца» (с. 396); и это замечание сразу заставляет вспомнить слова Пушкина о величии плана «Божественной комедии». Внутри же русской литературы, конечно, с особой частотой звучат имена Толстого и Достоевского, притом один из лучших западных интерпретаторов последнего, Роберт Джексон, с успехом прилагает выработанный им на этом поле понятийный аппарат («обезображивание» и «восстановление образа», «морально-эстетической формы»), который хорошо запомнился по одной из его первых книг — «Dostoevsky’s Quest for Form», — прилагает эти свои «достоевские» универсалии к анализу «Матрёнина двора». Мне, правда, в соответствующих разделах тома остро не хватает — именно в художественном, а не философском или политическом отношении, хотя и последнее было бы небесмысленно, — обращения к имени Герцена, ибо при всей жанровой уникальности «Архипелага...» как «опыта художественного исследования» как раз «Былое и думы», несмотря на преобладание в них мемуарных задач, являются отдалённым и одиноким предшественником вот такого типа «исследования»; и даже патетическая риторика судебной речи, так новаторски обнаруженная профессором славистики Рональдом Врооном в качестве одной из несущих конструкций этого солженицынского «Нюрнбергского процесса» против коммунизма, имеет свой прототип в речевом стиле Герцена. Но это частность, хотя и существенная.

Гораздо больше смутило меня контрастное сопоставление западной и русской литературных традиций, привлекаемое как бы с целью рассеять возможные недоумения зарубежного читателя. Цитирую одного из центральных авторов книги, пристального аналитика Нобелевской речи писателя, Дэниела Махони, который в свою очередь приводит слова нью-йоркского профессора русской литературы Алексея Климова, ниже представленные на страницах этого же издания: «... Современному западному читателю литературное

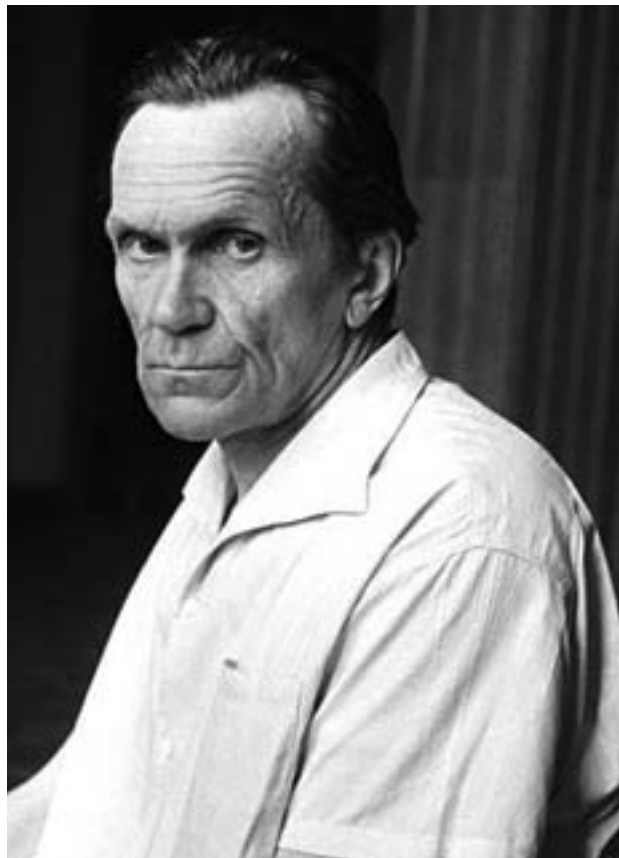
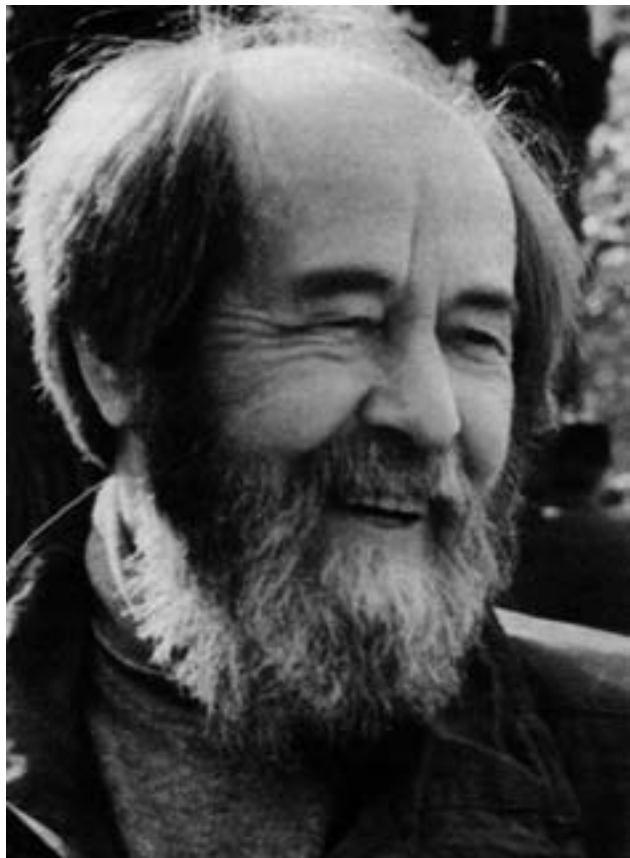
творчество Солженицына — совмещение и взаимодополнение литературных, исторических и нравственно-философских элементов — кажется непонятным. Он осознанно следует русской литературной традиции, которая не признаёт существенного различия между требованиями искусства, морали и политики. «В противоположность западной традиции проведения резкого разграничения между вымыслом и действительностью (это уже вводятся слова Климова. — И.Р.) великие русские прозаики гордились тем, что их произведения отражают исторические, социальные и моральные проблемы и реалии их родины. В России литература оценивалась не мерой способности писателя создавать при помощи своего мощного воображения живой и красочный мир *ex nihilo*, а скорее его таланта к отбору, переименованию и упорядочиванию элементов действительности, приводящим к пересозданию её в художественно совершенной форме». Как и его великие предшественники в предыдущем веке, — дополняет Махони эти слова коллеги, — Солженицын не стремится выдумывать новые миры, а воссоздаёт Действительность во всем её величии и убожестве» (с. 30–31).

Ну, во-первых, печально, видимо, положение этого современного западного читателя, который в лучшем случае не читал ничего более отдалённого во времени, нежели, скажем, Борхес и Умберто Эко, а с собственной национальной классикой давно раззнакомился. Во-вторых, отказывать русской литературе (к примеру, Гоголю или Достоевскому, или мировым русским именам XX века) в создании силой воображения живого и красочного мира — комплимент весьма сомнительный, вероятно, долженствующий подчеркнуть аскетическую святость и готовность к служению этой загадочной литературы, свободной «от сознательных усилий, направленных на достижение художественного совершенства» (как сказано у А.Е. Климова в другом месте — с. 520), но комплимент, превращающий её, нашу литературу, во внеевропейский, экзотический культурный продукт, далёкий от волшебных достижений искусства как такового (кстати, замечу, что «из ничего» творит только Господь Бог, а не какие бы то ни было выдумщики).

Между тем русская литература — не скажу ничего нового — является сравнительно поздней по времени особо цветущей ветвью литературы всеевропейской. Училась она у Стендаля (Толстой), у Бальзака и «великого христианина» Диккенса (Достоевский), да и у Вальтера Скотта (Пушкин) — училась «отражать исторические, моральные и социальные проблемы и реалии», и если сама стала со временем учительствовать в западном мире, то этих своих учителей никогда не забывала и от них не отрекалась. И разве классическая литература Европы была, в смысле проблематики и служения, столь «стерильна», как представлено от имени тамошнего «современного читателя»? Разве романы Диккенса не привлекли внимание общества к состоянию рабочих домов и публичных школ? Разве Бальзак не раскрыл в «Человеческой комедии» новобуржуазную мистику денег? Разве «Дамское счастье» или «Чрево Парижа» натуралиста Золя не стро-

ятся на «переименовании и упорядочивании элементов действительности» с целью придать им символический аспект? Да разве ещё вчера или позавчера Генрих Бёлль не повлиял на становление антинацистского климата в Западной Германии, а Грэм Грин не привлек внимание к репрессивным ужасам Гаити? Ну а о Фолкнере и расовой проблеме говорить не приходится... Всё это я веду к вопросу о большом контексте, выходящем за рамки сегодняшнего куце-кризисного состояния художественной продукции, которую вольно называть пост- или даже постпостмодернизмом. Солженицын, хочу сказать я, при всей русской самобытности его тем, приёмов и склада мысли, принадлежит к светочам великой многовековой культуры, европейской по корню, и напоминает не только о русских, но и о более общих её традициях — напоминает Западу, подчас забывающему нынче самоё себя. И в этом ещё одна особая его заслуга в числе других заслуг.

Другое моё замечание касается места Солженицына в кругу значительных отечественных художников-современников. В связи с этим — о характеристике «Архипелага ГУЛАГ» у Мартина Малиа: «*érorée noire, commedia satanica*, то есть, по сути дела, антиэпос. Это и есть главная художественная формула «Архипелага ГУЛАГ»» (с. 393). «Перед нами эпическая поэма — хотя в отличие от пути Улисса домой или паломничества Данте в высшие сферы благодати, солженицынская одиссея ведёт только к вечно обновляющейся деградации» (с. 397). Всё это можно было утверждать, в это можно было поверить, пока с «чёрной эпопеей» соседствовали «проваренные в чистках как соль» «лагерные» сочинения Б.А. Дьякова или Г.И. Шелеста. Но вот стали широко известны писавшиеся несколько ранее «Архипелага...» «Колымские рассказы» Варлама Шаламова — проза высочайшей пробы, недооценённая Александром Исаевичем ввиду глубокой метафизической чуждости ему этой прозы, — и стало как день ясно, где эпос, а где антиэпос. Конечно же, «Архипелаг...» — торжествующий над «дьявольской комедией» национальный эпос: и ввиду его принципиальной, а не только фактически заданной, многонаселённости («... время и внимание всегда отдавал людям...» — слова писателя), и ввиду сарказма и «юмора висельника», отмеченных Малиа, которые вовсе не мрачат «абсолютный авторский голос» (термин американского слависта Э. Вахтеля), а придают ему победную наступательность и ввиду постоянной стилевой обращённости к слушателям, как это свойственно аэду в кровно-сродном ему кругу, и ввиду ощущения «устойчивой гармонии мира» (см. Нобелевскую речь) — гармонии, рушащейся в прах и тут же чудом восстанавливаемой. Достаточно прочесть хотя бы первую главу эпопеи — «Арест», где читателю дано сполна пережить внезапную катастрофу и всю меру беспомощного отвращения к насильникам, но тут же встретиться с «распрямяющимся и очищающимся» комбригом Травкиным; где читателю дано почувствовать, что трепещущее в железных клещах человеческое Я не может не мнить себя центром вселенной — и тут же усомниться в непробива-

емости этого эгоцентризма при встрече рассказчика с сокамерниками — «родом людей, к которым я привязался за годы войны, будучи сам сложнее и хуже». И это — христианский эпос.

Рассказы Шаламова сознательно написаны методом антиэпическим, не сюжетно движимым, а статически-«серийным», как многие опыты современной живописи: где герой всякий раз встречается только с самим собой в разных лицах и положениях и где выход за пределы абсолютного бедствия в сторону собрата по несчастью или высшего начала изобличается как прекраснотушная иллюзия, которой до поры тешат себя ещё не подошедшие к краю существования особи. Шаламов — ярчайший представитель безверного экзистенциализма XX века, с кем по трагизму судьбы, давшей пищу такому мироощущению, да и по силе таланта, на мой взгляд, не могут сравниться ни автор «Дорог свободы», ни автор «Чумы», как не может с опытом Колымлага соперничать «странная война» и нацистская оккупация Франции.

Имя Шаламова, разумеется, встречается, на страницах представленного тома, однако несколько наивно звучит замечание американского слависта польского происхождения Дариуша Толчика: «Солженицын оставляет крайности ГУЛАГа писателям, подобным Шаламову» (с. 581 — хотя бы потому, что «подобных» Шаламову нет).

Я называю рядом эти два имени — и сейчас назову третье, — полагая, что западные исследователи, возможно, и не должны сосредотачиваться на их со- и противопоставлении: это отечественная задача. Дело в том, что разрушительное прошлое коммунистического владычества до сих пор является главной

национальной травмой, не исцелённой, а вытесненной, как сказал бы психоаналитик, и всё ещё энергично вытесняемой из культурно-литературного поля. «Архипелаг...» (как и спустя десятилетия «Красное Колесо») весь вдохновлён задачей выведения наружу и исцеления этой травмы. Шаламов, при надрывающей сердце разоблачительности его свидетельств, загоняет её, эту травму, в сугубо метафизическую сферу — ледяного равнодушия мироздания к одинокому страданию человека. Наконец, появился и третий вариант отношения к этой травме, который, ввиду художественной значительности, никак не может быть проигнорирован: это эпопея (тоже эпопея!) Евгения Фёдорова, старого лагерника, начатая книгой «Жареный петух» и завершающаяся, видимо, книгой «Бунт». Это карнавализованный, изобильно и изощрённо раблезианский лагерный миф, написанный по всем «бахтиннианским» правилам, вплоть до игры с пресловутым «материально-телесным низом», под конец же обнаруживающий в его создателе то, что теперь принято называть «стокгольмским синдромом»: автор благословляет не только заключение, но фактически и своих истязателей, туда его ввергнувших.

В статье известного русиста Майкла Николсона «Солженицын как «социалистический реалист»» упоминается о дискуссии вокруг этих имен на страницах «Вопросов литературы» (1995, № 4). Но дело не в этих и других спорах, не в том, что Виктор Ерофеев, трикстер, ныне бесстыдно перековавшийся в телевизионного гуру, пытался сделать из прозы Шаламова антисолженицынскую дубинку. Всё обстоит серьезнее.

Дариуш Толчик, памятуя о своём польском опыте, приводит стихотворение Виславы Шимборской «Ко-

нец и начало»: «Те, кто знал,/что это было,/должны уступить место тем,/кто знал мало./Или меньше, чем мало./Или, наконец, даже меньше, чем ничего./Кому-то ведь надо лежать/на траве, укрывающей/причины и следствия,/зажав травинку в зубах,/глазая на облака». Так вот, текущая русская проза из трёх вариантов переживания национального травматического опыта (не обязательно именно гугаговского) выбрала не возвышающий солженицынский и даже не мрачный шаламовский, а тот, что представлен отчаянным экспериментом Е. Федорова: он-то,

несмотря на роскошь памятных подробностей, как раз и склоняет возлечь «на траве, укрывающей причины и следствия», с беззаботной травинкой в зубах. По этой, видимо, причине почти ни один сколько-то приметный роман последних лет не обходится без малообязывающей фантазийной посылки, маскирующей истинную травму.

Но размышлять над этим — в свете созданного Солженицыным — следует нам, на здешней почве, — не сваливая эту заботу на западных авторов с их замечательным вкладом в общее дело.

ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ

Вера Зубарева

ЕДИНСТВЕННОСТЬ

ПАМЯТИ УШЕДШЕЙ ГОД НАЗАД БЕЛЛЫ АХМАДУЛИНОЙ

*Нет, я ценю единственность предмета,
вы знаете, о чём веду я речь*

Белла Ахмадулина

29-е ноября

В то утро я проснулась с ощущением, что случилось непоправимое. Когда это чувство накатывает, то вернее его нет ничего. Кто ушёл? В доме тихо, солнце играет на стене, отражаясь от зеркала. Прислушиваюсь к струнам, по которым пришла весть. Струны оборваны. Они болтаются в пространстве, уже никого ни с кем не связывая. Минута молчания.

Затем включаю телевизор.

«Она есть и будет», — так должны были бы передать эту весть. Но не передали. И это стало подтекстом. Теперь уже навечно.

День двенадцатый

Её жизнь прошла под знаком *единственности*, которая сманила меня в свою запретную зону много лет назад, когда я была ещё студенткой первого курса Одесского государственного университета. Каждый день после занятий я отправлялась в «горьковку», как мы называли библиотеку им. Горького, чтобы вновь «услышать»: «*Нет, я ценю единственность предмета, вы знаете, о чём веду я речь*»... Это «вы знаете», столь многозначительно завершающее строфу, немедленно выстраивало весь подтекст отношений читателя, писателя, цензора и времени. Для поколения, которое втайне читало «Мы» Замятина, подобные мысли о единственности на страницах советских сборников, прямо или косвенно воспевавших коллективизм, были откровением. Невольно думалось: «А понимал ли цензор, когда пропускал такое?».

Мир философских значений, уходящих корнями в Сотворение, в идею Творца как создателя *единственности*, представал во всей его крамольной глубине по мере погружения в подтекст того, что она делала.

Тот, кто наивно полагал, что всё отличие поэзии Ахмадулиной от других в витиеватом стиле и замысловатости образов, упускал главное — крамольность её поэзии, направленной на духовное, на мир «чистой красоты», где обитала душа живая. «Влечёт меня старинный слог./Есть обаяние в древней речи./Она бывает наших слов/И современнее, и резче». О каком обаянии и какой «надмирной» современности писала она в то время, когда вся страна была охвачена ритмами «Братской ГЭС» и «Лонжюмо»? Чей образ подспудно выстраивал метафорическое пространство её поэзии?

Вчитываюсь в стихотворение «День: 12 марта 1981 года». Поначалу недоумеваю: ну, кто же так называет стихи, словно календарь составляет? Критики уверенно поясняли, что, мол, это Ахмадулина о природе пишет, в то время, как она сама утверждала в другом стихотворении: «Я никуда не выходила/Я просто написала так: Я вышла в сад...» Нет, не о природе писала она, а о сотворении по слову, и это было крамолью, которую по какому-то чудесному вмешательству пропускала цензура. И название этих стихов почти библейское: День двенадцатый... Только к этому ещё прибавляется месяц и год, словно после седьмого дня дальнейший отсчёт времени берёт на себя поэт, хранящий таинство древней речитворительницы, речи, которая именно в силу своей связи с исконным Словом «*бывает наших слов/и современнее, и резче*».

Дата в её Саду — это уникальное имя дня, *единственного* в своём роде. *Единственность* — признак Божественного Сотворения, отличного по сути от бездушного механизма, штампуемого свою продукцию. И не случайно существительное «День» пишется в стихотворении с заглавной буквы, словно подчер-

об этом родстве Дня и Творца: «И Божий День — всезнающ и всевидящ». Ясно, от кого достались Дню гены всезнания и всевидения...

День двенадцатый — символ Божьего Дня в его различных проявлениях — присутствует во всём её творчестве. Слово для неё — священо, а процесс писания — священнодействие, где «восхожденье речи» от поэта к Творцу несёт свет и воскрешение. «Я знаю, что умру, но я очнусь, раз надо. Так было всякий раз. Так будет в этот раз» («Взойти на сцену»).

*Речь так спешит в молчанье не погибнуть,
свершить звукорожденье и затем
забыть меня навеки и покинуть.
Я для неё — лишь дудка, чтоб дудеть.
Пуускай дудит и вселит окрестность.
А мне опять — заснуть, как умереть,
и пробудиться утром, как воскреснуть.
(«Воскресный день»)*

Об этом нельзя было писать в курсовой, но можно было думать, мечтая о встрече.

День тринадцатый

Жёлтый междугородний справочник услужливо открылся на той самой странице с заветным номером телефона. Словно сама собой поднялась трубка на том конце, и её голос ответил:

— Слушаю.

Вот и всё. Этого следовало ожидать. Что же теперь? Когда тебя слушают, нужно говорить. Я говорю. Получается какой-то шелест, как листья в саду. Она немедленно понимает. Оказывается, это и есть знак *единственности*, пароль, по которому можно попасть в Сад. «Я вышла в сад»... Называю своё имя. Представляюсь кое-как. Полное отсутствие знакомых. Что она подумает?

Сад шелестит в ответ какой-то звенящей листвой.

*Есть тайна у меня
От чудного цветенья...*

Я вслушиваюсь, боясь пропустить что-то важное. Нужно запомнить всё-всё, ведь это больше не повторится.

Либо её голос звучит глуше, либо волнение приглушает слух.

— Верочка, приезжайте!

Это не ко мне. Там, наверное, какая-то другая Верочка, московская знакомая или родственница, которая в это же самое время звонит по какому-то другому телефону, которого нет в справочнике.

— Приезжайте! — повторяет она, ещё не читая стихов и не зная обо мне ничего, что вне интереса Сада.

В трубке гудит, как при взлёте.

...К ней можно было только по небу. Ну что ж... Кучевые кроны остались внизу вместе с Чёрным морем. Мы летели, летели, летели... Я летела с первой минуты её приглашения, а мой муж присоединился ко мне уже в самолёте.

На следующий день я стояла на пороге мастерской Бориса Мессерера, той самой, на Поварской, двадцать...

*Был дом на Поварской
(теперь зовут иначе)...*

Это было теплей и искренней, чем я себе представляла.

...За окном — ливень, капли медленно скатываются по лбу и щекам. Почти как в её «Сказке о дожде», и на ум сразу приходит: «*Дождь, как крыло, прирос к моей спине*». Это же приходит и ей на ум — ясно без слов. Она улыбается и приглашает меня в комнату. Там — стол длинный с креслами, и все разные.

— Присаживайтесь, — указывает она на кресла с какой-то озорной улыбкой.

«Наверное, я нелепо выгляжу», — думаю, хватаясь за приглянувшееся кресло, чтобы поскорее с ним слиться. Всё в дожде. Она по-прежнему улыбается, ставит чайник на плиту, чтобы согреть дождь. У меня в руках цветы из Сада (Господи, совсем забыла!). Она берёт цветы, ставит в вазу, и мы говорим о Саде, о цветах, о Цветаевой...

— Семнадцатый год пришёл как убийца и наследил на столетие вперёд. Моя бабушка, между прочим, была революционеркой, но потом розовые очки упали и разбились вдребезги. Очки — полбеда. А вот осколки людей и культуры уже не собрать. И дело не в том или не только в том, какая политика или какая партия у власти, а в том, что есть «елабуга» — слепая старуха, я пишу её с маленькой буквы в стихах, чтобы не задеть ни в чём не повинных жителей. Она ходит и душит, душит всё лучшее, без чего земле не выжить, вот так, — она жестом перехватывает горло, волшебная флейта которого всегда выпевала стихи. От этого присутствие елабуги становится ощутимей. — Они и Бродского хотели порешить этой своей елабугой, да только ничего у них не вышло. Они весь пласт культуры хотят порешить, оторвать от корней, чтобы потом проще было вырвать с корнем тот дух, светлый разум, без которого нет ни нации, ни народа. А весь

этот генетический слом? А отсутствие грамотности души, которую непременно хотят засунуть в потёмки «советской власти плюс электрификации»?.. Вы ведь понимаете, о чём я толкую? Как же потом всё это восстанавливать? А восстанавливать придётся, настанет время! — Она выразительно смотрит на меня, чуть наклонив голову, и добавляет: — Время-то настанет, а вот как оно повернётся к нам за всё это оголтелое опустошение собственного поля?.. У Бродского был единственный выход сохранить себя — уехать. Он необыкновенно талантлив, необыкновенно. Я сразу сказала, как только его выслали из страны: «Он получит Нобелевскую, попомните моё слово!» — Она умолкает на секунду, вглядываясь куда-то вглубь то ли себя, то ли пространства. — Обязательно, обязательно почитайте его стихи. И поверьте мне, он Нобелевскую свою получит, я вижу это. — Она снова задумывается. — Мне тут на днях одна женщина позвонила, стала со мной беседовать на темы экстрасенсорности. Мол, она чувствует и то, и это. Но об этом ведь нельзя *так* говорить, это нельзя *так* обсуждать. Это вообще нельзя *обсуждать*. Только с близкими, очень близкими. Вы понимаете, о чём я говорю? Вы понимаете, конечно, понимаете... А с елабугой... Она везде, она следует за поэтом... Мы ездили с Борисом на то место... где Марина... погибла. Погибла, да! — Она вдруг вспархивает со стула и движется куда-то вверх, или мне кажется, что вверх. Я уже ничего не могу определить, нарушены все пространственно-временные координаты.

Через какое-то время или какой-то проблеск света или тени она возвращается с засушенным лепестком в руках.

— С цветаевского места, берите, это Вам...

Я беру лепесток, разглядываю. Вот он какой, Сад-Лукоморье, весь в морщинках... Потом достаю стихи из папки, те самые, которые писались в тот бесконечный, неделимый День двенадцатый, и прошу разрешения почитать их ей вслух. Она кивает с улыбкой, и я читаю «Лунный путь» и «Стихи о Саде и Садовнике», которые писала, размышляя над её *единственностью*. Она моментально догадывается, в какой части Сада они были написаны. Она догадывается обо всём, будто даже не догадывается, а знает. Когда я заканчиваю чтение, она пристально смотрит на меня и говорит:

— Как ни удивительно, но Вы ни на кого не похожи.

Потом она достаёт с полки «День Поэзии — 1984», извиняясь, что у неё нет нового сборника стихотворений, подписывает его — «Милая Верочка, примите мою любовь и дружбу!» — ставит дату, вкладывает лепесток между страницами и протягивает мне.

Дождь прекращается. Мне пора. Сегодня у неё поэтический вечер в музее Маяковского, а день был щедро отдан мне. Пора и честь знать. Я поднимаюсь с кресла.

— Верочка, а я следила за Вами, какое из кресел Вы выберете, — с той же загадочной улыбкой говорит она. Я молчу, выжидая.

— Кресло — Бориса Пастернака, — оповещает она всё с той же озорной улыбкой. — Это очень хорошая примета, я загадала...

У неё счастливое лицо. Я немею. Что тут можно сказать? Хорошо, что она оповестила меня об этом после. Читать в кресле Бориса Пастернака стихи Белле Ахмадулиной — не слишком ли много для первого дня? Нет, не первого — тринадцатого. Да, именно тринадцатого: наша встреча состоялась 13-го июля. Месяц убежал вперёд, оторвавшись от марта, а число было последовательным. Её замечание о счастливой примете касалось именно 13-го числа, которое оказалось «перекрытым» счастливой приметой пастернаковского кресла. Для меня же эта дата имела и ещё один — скрытый — смысл: 13-го ноября, накануне совершеннолетия моего отца фашисты разбомбили корабль, на котором он был практикантом, и в живых осталось только два человека. Он был одним из счастливых. Тринадцатое стало не только его вторым днём рождения, но и потенциально — моим.

— Ах, да, совсем забыла Вас попросить об одолжении! — спохватывается она. — Когда Вы вернётесь в Одессу, зайдите, пожалуйста, в библиотеку и попросите исправить опечатку в моём сборнике, вот на этой странице.

Она быстро пишет номер страницы и что следует исправить. Я, разумеется, сделаю это первым делом. Войду в надменный, с мраморными полами вестибюль, подойду к окошечку, в котором живой портрет библиотекаря-женщины строго смотрит на проходящих, и вымолвлю:

— Вот тут Белла Ахмадулина попросила исправить опечатку в её сборнике.

Протяну листок с номерами страниц, написанный её рукой, а библиотекарь только поднимет треугольник бровей, и ответит назидательным тоном:

— Не положено. Автор должен прислать нам письмо на бланке с печатью и подписью, а иначе это будет считаться порчей государственного имущества.

После этого она непоколебимо застынет в рамке окна, только очки будут посверкивать, как две большие опечатки у неё на глазах.

— Не положено, — отрапортую я со вздохом в телефонную трубку.

— Боже мой, какая нелепость! — скажет она. И добавит задумчиво: — Верочка, поцелуйте море!

— Конечно.

С морем будет гораздо проще, чем с библиотекарем. Оно подставит свои хлюпающие губы и чмокнет меня в ответ.

Но это ещё впереди. А пока я обещаю позаботиться об опечатке. Она действительно глупая — вместо «сада» напечатано «ада»...

— Так я жду Вас вечером в музее, — повторяет она уже на пороге.

— Но там же, наверное, билеты невозможно достать? — волнуясь я.

— Что-нибудь придумаем, — обнадеживает она.

— Нас двое, — робко признаюсь я.

— Двое? А где Ваш... спутник?

— Муж, — уточняю я.

— Муж? Где же он? Ведь был страшный ливень? Он, наверное, совершенно промок! Давайте его пригласим, пусть обсохнет. Ну, как же так!

Она расстроена, хочет немедленно бежать вниз, разыскивать моего промокшего мужа, который из деликатности не согласился зайти к ней со мной вместе.

— Его чаем нужно напоить, чтобы он не простудился, — приговаривает она, направляясь со мной к лифту.

Я еле отговариваю её, убеждая, что, во-первых, у него есть зонт, а, во-вторых, он просто хотел побродить по Москве, которую неплохо знает, а в-третьих...

В-третьих, мой муж сидел на ступеньках лестницы её парадного и терпеливо ждал окончания дождя и встречи. Мокрый зонт стекал в углу, наплавав уже порядочную лужицу. Хорошо, что она не видела. «И как в ней уживаются эта высота и кажущаяся оторванность от всего обыденного с таким раскрытым всем болям и невзгодам постороннего мира сердцем?», — думаю, пока мы движемся с мужем в неясном мне направлении.

Вечером мы встречаемся у музея Маяковского. Билетов, разумеется, нет, мы с Вадимом стоим у дверей, как она и велела. Она появляется, окружённая сатурновыми кольцами поклонников, и направляется сразу к нам.

— У Вас замечательный муж, — шепчет она мне на ухо. В роящемся зуде голосов её шёпот звучит как-то особенно веско. — Он редкий, — продолжает она. — Верочка, берегите его, не расставайтесь, будьте всегда вместе!

Рядом с ней — Борис Мессерер, её замечательный и редкий муж. Это уже то, что я моментально отмечаю, взглянув на него, но в отличие от неё, ничего не говорю. Да этого и не нужно. Она читает мои мысли и согласно кивает: всё, мол, так.

Мы проходим в зал. Вернее, только мы и проходим. Все остальные проталкиваются, желая быть поближе к ней. Пока мы идём по вестибюлю и лестнице, я ощущаю какую-то странность, которую поначалу не могу определить. Действительно, что-то необычное, даже как бы сюрреалистическое было в нашем шествии. Только спустя несколько секунд, до меня доходит, в чём дело: это не мы идём за ней, это она как бы сопровождает нас и при этом громогласно представляет меня налево и направо своим друзьям и организаторам вечера, которые отгородили нас от следующих за ней тесным полукружьем зрителей. От смущения не знаю, куда деваться. Здороваюсь с людьми, которые, наверное, принимают меня за кого-то, кем я не была, а она продолжает представлять меня, будто вечер не её, а мой.

Потом она торжественно усаживает нас в первом ряду, который держат «для своих», и наступают Сад...

*Вот участь совершенной красоты:
чуть брезжить, быть отсутствия на грани.
А прочего всего — грубы черты.*

Звезда взошла не как всегда, а ране.

*О День, ты — крах или канун любви
к тебе, о День? Уж видно мне и слышно,
как блещет в небе ровно пол-луны:
всё — в меру, без изъяна, без излишка.*

Её торжественность, даже какая-то ритуальность, предшествовавшая чтению, была на самом деле уже частью того, предстоящего действия, которое было «предстоящим» только для публики, но никогда не прекращалось в ней самой. Она была естественна на своей возвышенной сцене, как зритель был естественен в своём кресле. Интонации её в жизни были теми же, что на сцене и бумаге. И безбрежность в любви и дружбе, так шокировавшая и смутившая меня поначалу (чем я заслужила такое?), была тоже естественной для неё. Ей был чужд элитарный снобизм, и элиты она не признавала, в особенности, когда это касалось талантов. Она была готова служить таланту, самоотверженно, искренне, независимо от того, принадлежал он к известному ей кругу или нет. Даже наоборот. К поэтам, идущим к ней «по знакомству», она относилась особенно придирчиво и не раз высказывала колкости в адрес детей литераторов, поступивших по связям в литературный институт, а потом пытавшихся проталкиваться путём родительских связей. Она считала это одним из серьёзных нарушений творческой природы и вытравливанием творческого потенциала культуры.

— На литературных приёмах, выученных в вузе, поэзию не создашь, — говорила она мне, когда мы встретились, спустя годы, в Филадельфии, куда я эмигрировала с семьёй во время перестройки. — И природе не обманешь. Она отомстит, когда посыплется книги этих искусственно выращенных статистов, которые, как в анекдоте, будут писать прямо и между строк одно и то же: «Что говорить, когда говорить нечего!». Это порочно. За пороки отцов будет расплачиваться культура.

А вечер продолжается. Впечатление, что в зале отключили всемирное тяготение, и все парят, наслаждаясь и не до конца понимая, что происходит.

Пришла. Стоит. Ей восемнадцать лет.

— Вам сколько лет? — Ответила: — Осьмнадцать. — Многоугольник скул, локтей, колен.

Надменность, угловатость и косматость.

*Все чудно в ней: и доблесть худобы,
и рыцарский какой-то блеск во взгляде,
и смуглый лоб... Я знаю эти лбы:
ночь напролёт при лампе и тетради.*

По окончании вечера подходит к ней какой-то элегантный молодой человек, представляется, назвав кого-то из общих знакомых, и, выдав залп парадных славословий в её адрес, галантно склоняется над её запястьем. «Вот это да!» — думаю, разглядывая его из затемнённого кресла у сцены. А он так же галантно засовывает руку в портфель и вы-

таскивает букет бумаг с отпечатанными стихами. Мне издали видны длинные аккуратные строфы, рельсами бегущие по листам. «Этот — настоящий, не то, что я, самозванка», — думаю с лёгкой завистью. Она вдруг вспыхивает и говорит ему что-то быстрое с еле сдержанным негодованием в голосе. Слов я не разбираю, но поэт быстро отходит, и его сменяет Борис Мессерер, наблюдавший эту картину поодаль. Он деликатно кладёт ей руку на плечо и что-то шепчет на ухо. Она резко оборачивается в мою сторону и улыбается уже знакомой мне улыбкой.

— Верочка, Вадим, идите сюда, почему Вы там сидите? Всё уже закончено. Мы сейчас пойдём вниз, там все наши собираются. Вы не спешите никуда?

У нас как раз была назначена встреча с родными Вадима, и я ей об этом честно сказала. Кроме того, войти с ней в зал, полный её друзей, которым нужно будет снова представляться, было для меня тяжёлым испытанием после такого дня. Я должна была унести своё тринадцатое чудо таким, каким оно было мне подарено, в чистом виде, без примеси банкета. Она тут же это поняла.

— Ну, что ж, раз так, то завтра непременно приходите к нам вдвоём с Вадимом. Договорились?

— Завтра мы уезжаем. У нас билеты на дневной поезд... Мы только на три дня с дорогой...

— Вот как... А вы утром забегите ко мне попрощаться, ладно?

— Непременно забежим. Спасибо!

Мы прощаемся, благодарим за вечер.

— Видели того поэта? — лукаво спрашивает она, пока мы спускаемся по лестнице.

Я киваю.

— Борис сказал мне, чтобы я так не сердилась, а то Вы подумаете, что я какая-то бармалейка. — Смех вырывается на свободу, и мы все хохочем, снимая напряжение. — Терпеть не могу, когда ходят ко мне по знакомству, — говорит она, всё ещё храня смех в глазах. — Стихи свои суют, да ещё и на моём вечере! Небось он и отсидел с одной только мыслью, чтоб стихи мне свои всучить. Вот Вы бы так никогда не поступили.

Ну, откуда же она это знает?

— Знаю, — отвечает на мои мысли. — Я много чего знаю и вижу.

Внизу её уже ждут, жестами показывая, что пора, мол, все уже в сборе.

— Белла, ну идём же, все давно ждут! — кричит ей какая-то дама.

Мы прощаемся, тепер уже окончательно.

На следующий день, как условились, едем к ней. Поднимаемся на скрипучем лифте, прямо на олимп, а она уже встречает нас на пороге, сияющая.

— Проходите.

Мы проходим, но присаживаться нет времени.

— Вы торопитесь, я знаю. Вот, это Вам.

Она протягивает мне листок — письмо, отпечатанное на машинке.

— Что это?

— Предисловие к Вашей будущей книге стихов.

Вот это да... Об этом ведь и речи не было! Я беру, совершенно ошеломлённая, не зная, что сказать.

— Читайте, тут немного.

Беру листок из её рук, читаю... Поначалу трудно собраться с мыслями, буквы никак не складываются в слова. Наконец-то прорываюсь через их лес к первому предложению.

«Я не скучаю по своей молодости и радуюсь молодости других — мне не хотелось бы провиниться перед ними».

— Я тут всё о себе да о себе, — говорит, поглядывая на меня с усмешкой.

«Время, когда начиналась моя литературная жизнь, обнаруживало и поощряло новые имена и предавало их быстрой и шумной огласке. Кроме общих обстоятельств времени, мне сопутствовала пылкая доброжелательность старших маститых коллег. Энергия этой безукоризненной благосклонности и хранила, и опекала меня, как бы для своей надобности добывая мои первые успехи. Лишь много позже я поняла, что видимая поблажка судьбы на самом деле была важным и суровым испытанием. Меня любили липы Тверского бульвара, многие люди взяли на себя труд сочувствия и соучастия, но некая строгая неусыпная звезда следила за мною с тревогой и уже сожалением — хорошо, что я успела заметить и понять этот заботливый укоряющий взгляд».

Она испытующе смотрит на меня, пока я медленно вчитываюсь. Понимаю почти сразу — это её заповедь мне на весь мой дальнейший путь. Всё начинается с за-

поведей. Без заповедей не двинуться в правильном направлении. Она делится со мной опытом, от которого как бы предостерегает меня в самом начале.

Читаю дальше. «Тех, кто щедро и расточительно помогал мне, да и всех, кто попадался на добрые их глаза, — давно нет на свете. Сумею ли я посмотреть их любовным и охраняющим взглядом на тех, кто молод, на Веру Зубареву, например?»

Останавливаюсь на этом вопросе. Почему она сомневается в том, что несомненно? Если написала это письмо, значит, может посмотреть на молодых «любовным и охраняющим взглядом»! Наверное, этот вопрос из её собственного прошлого, когда она была такая, как я, и ей приходилось сталкиваться с вещами, которые и заставили задуматься над всем этим. В тот момент я ещё до конца не понимала, до какой степени она распротёрла надо мной свои крылья ангела-хранителя и как решительно собиралась воплотить свою мечту увидеть мои произведения опубликованными. Я совершенно не предполагала, что, спустя какое-то время, уже в Одессе, начну получать звонки с непонятными поздравлениями и на вопрос, с чем поздравляют, услышу:

— Как, разве ты не знаешь? Твои стихи вышли в «Смене» с предисловием Ахмадулиной!

Да, в то время как в Одессе будет готовиться сборник с её предисловием, она, ничего не говоря мне, очевидно, чтоб сделать сюрприз, собственноручно отнесёт мои стихи в редакцию.

Я, разумеется, немедленно звоню ей.

— Белла Ахатовна, я всё знаю, мне сказали... Публикации ещё не видела, знаю только, что это «Стихи о волке». Спасибо! Я... я ничего подобного не ожидала.

— Ну что Вы, Верочка, это пустяки. Стихи хорошие, это важно.

В этом — вся она. Достовернее, чем её поступки, о ней не сможет рассказать никто.

Но это ещё только в будущем. Пока же я продолжаю читать её письмо, всё отчётливее понимая, что адресовано оно по большому счёту мне, а не издателю.

«Сначала я увидела её стихи, воображение соотносило их с морем и побережьем, с бликами, с хрупким чередованием блеска и тени. Прихотливый, независимый и несомненно ранимый мир открылся мне, явилась мысль о возможном обидчике воздуха и моря».

Мысль об «обидчике» удивила меня поначалу, но, как я узнала уже позже, она была защитницей по природе своей и самоотверженно заступалась за всех угнетённых и обиженных, включая и животных. Азарий Мессерер, например, рассказал мне как-то, что она взяла вину их собаки на себя, чтобы собаку не наказывали за то, что та напроказничала. Она выгораживала эту провинившуюся собаку так самозабвенно и истово, что всем стало смешно, и собаку простили.

Уже будучи в гостях в Америке, в одном из наших разговоров она упомянула, что ощущала с детства, что была рождена для миссии защитницы.

— Мне в детстве всегда было жаль негров и собак, и когда я читала, как угнетают одних и издеваются над другими, то сердце моё просто разрывалось на ча-

сти, — рассказывала она мне во время прогулки в Брин Атене. — Да, так переживала за них, что однажды всё же не выдержала и написала стихи в «Пионерскую правду» об угнетённых неграх. А редактор мне ответила, что у меня доброе сердце, но кроме негров есть ещё много объектов для жалости...

Взросление не изменило, а даже, наоборот, развило это защитничество в ней. Она писала письма многим политическим деятелям, заступаясь и за Синявского, и за Солженицына, и за Сахарова, и за Параджанова... Она рассказывала мне, как продумывала стиль каждого письма-прошения в правительство, в зависимости от того, кому и что писала, чтобы не испортить дела. Она придавала стилю не меньше значения, чем сути письма, поскольку от стиля иной раз зависела судьба того, о ком составлялось прошение. Она оттачивала свой поэтический стиль, чтобы не только улаживать слушателей с подмоштов, но и искусно фехтовать им во имя спасения ближних за кулисами. Её охраняющие грамоты, которые она щедро и смело писала, даровали её «подзащитным» жизнь и свободу.

Но тогда, в мой первый визит к ней, я обо всём этом не подозревала — многое было скрыто от нас, живущих в провинциях. Я пришла к ней из полудетского неведения, за мной тянулся светлый Пушкин и город с «златоглавыми церквями», на побережье которого плескались волны. Её же Лукоморье было куда более тревожным, и девятых валов там было не счастье. Но она, как и мой отец, знала, как вести свой корабль в шторма.

«И сама милая Вера очень понравилась мне! Я верю, что она слышит голос своей звезды, предвещающей удачу, но оберегающей от суеты, вздора, поспешности. Её стихи — изъятие ясной и суверенной души, грациозно существующей в осознанном пространстве».

Голос звезды, оберегающей от суеты, вздора, поспешности... Она словно прочитала напутствие, которое отец написал мне на моей первой тетради стихов. Оно заканчивалось следующими строчками: «Услышь, чего никто не слышит». «Она слышит голос своей звезды», — будто отвечая моему отцу, пишет она. Нет, это не обо мне тогдашней, и не обо мне сегодняшней. Это о том, как я должна идти свой путь, не предавая голоса своей звезды. «*Не дай мне Бог бесстыдства пред листом/бумаги, беззащитной предо мною...*»

Напутствие заканчивалось её мечтой о выходе в свет моей первой книги.

«Я мечтаю и надеюсь, что у Веры Зубаревой выйдет книга. Чудесно, что это будет в Одессе! Само имя города кажется мне неопровержимо счастливой приметой».

Я держу драгоценный листок, в котором очерчен весь мой путь — от заповеди до благословения. Впереди — годы жизни, труда и борьбы. Годы становления.

— Теперь я должна всё это оправдать, — отвечаю на её немой вопрос о том, что я думаю по поводу предисловия.

Она обнимает меня на прощание, и я уношу с собой её свет навсегда.

Филадельфия

Леонид Бородин (1938–2011)

Умер Леонид Иванович Бородин.

Давний друг и автор издательства «Посев», русский писатель, замечательный человек.

Знакомство писателя и издательства состоялось в давние времена. В 1978 году в «Посеве» была опубликована первая книга Л. Бородина — сборник рассказов «Повесть странного времени». В те годы люди, подобные Бородину, не имели ни малейшего шанса увидеть свои книги напечатанными на родине, в советских издательствах. Ещё в 1957 году Леонид Бородин был исключен из Иркутского университета за сочиненную им антихрущёвскую басню, а в 1968 году был арестован и осужден на 6 лет за участие в деятельности Всероссийского Социал-Христианского Союза Освобождения Народа (вступил в ВСХСОН в 1965 году). Дальше Леонида Ивановича ждала судьба инакомыслящего, человека, имеющего свое мнение, не совпадающее с мнением власти, обязательным для всех жителей страны: невозможность публиковать свои книги, высказывать свои взгляды, найти работу. В 1982 году писатель, продолжавший публиковать свои произведения за рубежом, в издательстве «Посев», был вновь арестован и осужден на 10 лет заключения и 5 лет ссылки.

В 1987 году, на волне перестройки Леонид Бородин был освобождён, и с этого же года начались публикации его произведений на родине. В 1992 году писатель стал главным редактором журнала «Москва».

Был ли он счастлив в новой России? — В 1988 году Леонид Бородин опубликовал небольшую повесть «Женщина и море», в которой засвидетельствовал появление нового поколения российских людей, ставящих превыше всех возможных нравственных ценностей жажду материального обогащения. Был ли счастлив писатель, философ, публицист, вступив-

ший в борьбу с советской властью за право иметь свои убеждения, свои нравственные ценности, — в стране новой, исповедующей новые общие ценности?

— Хочется верить, что — да. У Леонида Ивановича Бородина были единомышленники, друзья, была интересная ему работа и возможность высказывать свои мнения, в том числе и в печати. Все его произведения были опубликованы на родине. Издательство «Посев» помнит своего друга, своего автора, впервые получившего возможность публиковать свои произведения на страницах наших изданий.

Вечная память.

Ростислав Евдокимов (1950–2011)

13 декабря 2011 в Коста-Рике трагически погиб потомственный энтэсовец, многолетний автор «Посева», солидарист Ростислав Борисович Евдокимов. Он родился 29 октября 1950 в Ленинграде. Его отец, Борис Дмитриевич Евдокимов, установил связь с НТС в 1960-е. С юных лет Ростислав Борисович помогал отцу. Поле ареста Бориса Дмитриевича в 1970, Ростислав Борисович вступил в ряды Союза, активно сотрудничал с Франкфуртом, печатался в «Посеве» и «Гранях». В 1982 за это сотрудничество он был арестован. Поле освобождения в 1987 Евдокимов возглавил первую открытую группу НТС в Санкт-Петербурге. Он избирался в Совет НТС, входил в редколлегия журнала «Посев». После раскола в Союзе в 1996 Евдокимов вышел из основной организации НТС, но продолжал поддерживать дружеские отношения с союзниками.

Содержание номеров журнала за 2011 год

Азаренков А. ...Россия от России произошла (Общество, политика, власть 12, 6)

Александров К. «Домодедово» (Общество, политика, власть 2, 3); Не смешивать! (Общество, политика, власть 3, 16); В поисках ответа: за что сражались белые? (Мосты из прошлого 7, 29); Конец тандема (События, комментарии, интервью 10, 3)

Алексеев Д. От Августа 1991 г. к декабрю 2011 г.: НТС и выборы в Госдуму (Общество, политика, власть 11, 3)

Алымов А. Зловещая тень Розенберга (Архив 2, 35)

Амнуэль Г. О любви, дружбе и «крышевании» (Общество, политика, власть 2, 12); О личности, «элите», государстве — или куда мы катимся (Общество, политика, власть 3, 24); Десоветизация против десталинизации (Общество, политика, власть 4, 14); Был месяц май (Общество, политика, власть 6, 18); Будановщина, или проблемы в армии (Общество, политика, власть 7, 10); Политический театр (События, комментарии, интервью 8, 9)

Амусья М. Я. Кто на очереди? (Общество, политика, власть 1, 17); Ближневосточный конфликт в эпоху распыла и отката (События и комментарии 6, 10); Об одной церемонии к семидесятой годовщине 22 июня (Письма и встречи 7, 45); Угнетённые угнетают? (Общество, политика, власть 9, 10); Нападение на Всемирный Торговый Центр (1991–2011 10, 18)

Анненков Ю. Дневник моих встреч (Мосты из прошлого 11, 36)

Антипин К. «Сталинобус» (Письма и встречи 4, 47)

Артёмова Т. Память о Великом Исходе (Мосты из прошлого 1, 23); Волна (События, комментарии, интервью 4, 7); Юбилеи (Общество, политика, власть 6, 13); Охота к перемене мест (События, комментарии, интервью 10, 10); Эхо летних гроз (Интервью, события и комментарии 11, 17)

Бар Е. Непростое решение Президента Качиньского (Общество, политика, власть 1, 5)

Баранова М. Новосёлам повезло как утопленникам (Общество, политика, власть 2, 18)

Бедросьян Б. Об Авторе и Мастере (Революция, личность, власть 5, 18)

Богачёв М. Венгерские военнопленные в СССР (Мосты из прошлого 1, 36)

В. С. Споры о Николае Павловиче (Архив 5, 25); Время Федотова (Философия и мировоззрение 9, 13)

Ваганин В. «Посев» на тему летних лагерей (Письма и встречи 2, 43)

Васильев А. Солидаристическая Республика Германия (Общество, политика, власть 1, 13); «Империалистическая»? Или (Мосты из прошлого 2, 23); О прислужниках иностранных разведок (Мосты из прошлого 3, 41); Это всё придумал Черчилль в 18-м году

(Мосты из прошлого 4, 21); Первый фронт (Семьдесят лет начала войны 6, 32)

Васюточкин Г. Сбываются ли предсказания А. И. Солженицына? (Общество, политика, власть 7, 12)

Владимиров Л. Двенадцатое апреля (Мосты из прошлого 4, 28)

Волконский О. Как Жуков попал в Тьмутараканское княжество (Мосты из прошлого 10, 34); Большевики и Россия (Мосты из прошлого 11, 30)

Волошин М. Взятие Тюильри (Общество, политика, власть 1, 2)

Воробьевский Д. Дезертиры (Мосты из прошлого 8, 38)

Г. А. О талантливых партнёрах и суде редакторов (Пространство культуры 7, 34)

Габриелян Г. Причины межэтнических конфликтов последнего времени (Общество, политика, власть 1, 9); Бин Ладен и «арабская весна» — противофаза (События и комментарии 6, 6); Право на правду (Общество, политика, власть 11, 14)

Гинда В. ...Как высшая стадия колониализма (Книги и люди 9, 39)

Гогун А. В преддверии «Барбароссы» (Мосты из прошлого 2, 33); Гоп-стоп с кавказско-русским размахом, 1944–1953 (Книги и люди 3, 44); 1941: СССР как агрессор (Семьдесят лет начала войны 6, 30); Бойня шла не ради славы (Книги и люди 7, 42); Карьера по обе стороны фронта (Мосты из прошлого 8, 39); ...Как высшая стадия колониализма (Книги и люди 9, 39)

Губайловский В. Третья сила (Книги и люди 8, 41)

Дьячков М. О проблемах самооценности малочисленных языков России и необходимости их сохранения (Общество, политика, власть 1, 7)

Ельцин Б. Из книги «Исповедь на заданную тему» (К 80-летию Первого Президента России 2, 22)

Ефимов М. «В тюрьме я не рассчитывал выжить» (Письма и встречи 7, 47)

Желев Ж. «Если цели снова будут оправдывать средства, всё опять погибнет» (События, комментарии, интервью 8, 4; 12, 29)

Замбрицкий В. Фельдмаршал (Семьдесят лет начала войны 6, 35)

Злободневный В. С. Освальд Шпенглер (Философия и мировоззрение 7, 18)

Зубарева В. Единственность. Памяти ушедшей год назад Беллы Ахмадулиной (Памяти друзей 12, 39)

Иванов И. «Десталинизация» — 2011 (Общество, политика, власть 4, 12); Парад табуреток (Семьдесят лет начала войны 6, 37)

Иванов С. Довоенный мир в настольном календаре советского учителя на 1941 год (Мосты из прошлого 8, 32); Генезис идеи (Мосты из прошлого 9, 24); Нас уложили на дно, как кувшины (1991–2011 10, 11); Россия придёт в Европу через Германию (Общество, политика, власть 11, 8)

Ивков А. «Прямота и честность» (Письма и встречи 3, 46); Парад табуреток (Семьдесят лет начала войны 6, 37);

Каграманов Ю. Длинная тень ГУЛАГа (1991–2011 9, 4)

Казаков Г. Исследовательская поездка в Сербию и Хорватию в честь 120-летия проф. М.В. Агапова-Татанского (Письма и встречи 2, 43)

Кизеветтер А. Император Николай I как конституционный монарх (Архив 5, 26)

Кирюшин М. Предсказал ли А.И. Солженицын мировой экономической кризис? (Общество, политика, власть 1, 10)

Костева В. Диалекты и языки национальных меньшинств в тоталитарных государствах XX века (Общество, политика, власть 2, 4)

Кривошеина К., Кривошеин Н. Выковать или выпестовать? (Общество, политика, власть 6, 22)

Кривошеин Н. Сурдокамера (Мосты из прошлого 8, 26)

Лобачевский Н.Н. «Тюрьма народов» (Архив 12,)

Маркедонов С. Итоги 2010 года на Южном Кавказе (Общество, политика, власть 1, 3); Кабардино-Балкария — 2011 (События и комментарии 3, 11); Новый Ближний Восток: кавказское эхо. (События, комментарии, интервью 4, 4); Кавказский интерес Израиля (Общество, политика, власть 5,10); Вашингтон против «Эмирата» (События и комментарии 6, 3); Уроки Казани (Общество, политика, власть 7, 11); Опыт соседей (События, комментарии, интервью 10, 4); Россия и Грузия: компромисс по ВТО (События, комментарии, интервью 12, 3)

Мартынов А. На службе России: граф Бенкендорф (Книги и люди 5, 39); Хозяин моря (Мосты из прошлого 6, 39);

Молчанов Л. «Великий Тартюф» (Мосты из прошлого 11, 31)

Науменко М. Катюнь — Смоленск (Мосты из прошлого 4, 33)

Никонова Т. «... Не дай бог дожить до таких лет, до такого упадка...» (Пространство культуры 7, 30)

Ожгибесова О. Генерал мужицкой рати (Мосты из прошлого 1, 32); Тобольская эпопея (Мосты из прошлого 2, 29)

Окулов А. Зачем каждой нации свой барак? (События и комментарии 3, 10)

Орехов В.В. НТС и «Посев» в 1953 году (Архив 5, 36); В гостях у «Посева» (Архив 7, 41)

Павлов И. О русском уме (Философия и мировоззрение 9, 17)

Поздняков В. Увековечивание памяти русских воинов (Мосты из прошлого 1, 21)

Полчанинов Р. 90-летие Русской Православной Церкви за границей (Религия и церковь 2, 21)

Попов Г. Спасла ли Россия Францию в 1914 году? (Мосты из прошлого 3, 38)

Порохин С. Крах армейских центров культуры (Письма и встречи 9, 45); Генерального Штаба генерал-лейтенант, профессор Головин Николай Николаевич (Письма и встречи 10, 41)

Пуговкин А. Четыре дороги на ПАРНАС (Общество, политика, власть 3, 19)

Пушкарёв Б. Новая книга С.Г. Пушкарёва (Книги и люди 5, 37); Решающая победа (Общество, политика, власть 7, 3); О собственности и свободе в России (Книги и люди 10, 36)

Рашин А. И снова о смерти Сталина (Книги и люди 4, 42)

Редлих Р. Не те людишки (100 лет Роману Редлиху 10, 30)

Роднянская И. О западной и русской литературных традициях (Книги и люди 12, 36)

Рутченко (Рутыч) Н. В поисках «правительства доверия» (Мосты из прошлого 9, 28)

Рутыч Н. Заметки к истории мамонтовского рейда (Мосты из прошлого 12, 22)

Савельзон О. Эксперимент по инновационному развитию гражданского общества в России (Общество, политика, власть 6, 23)

Саленко О. Новый Град Китеж (Письма и встречи 10, 46); Верность Слово в защиту от клеветы на Собственный Его Императорского Величества Конвой (Мосты из прошлого 11, 24)

Санакоев П. Кавказский узел, или что бы мы могли или должны сделать (События и комментарии 6, 9)

Сапов В. О книге Питирима Сорокина «Пути и могущество любви» (Философия и мировоззрение 10, 31)

Святополк-Мирский В. Письма из России 1941 (Архив 5, 32)

Сендеров В. К генеалогии идеи (Общество, политика, власть 2, 19); Русская Церковь и «политическое православие» (События и комментарии 3, 3); Россия и Змий (Общество, политика, власть 4, 11); Отзвучавшая музыка и главконцескомовская колбаса (Революция, личность, власть 5, 13); Карабах без происшествий (События и комментарии 6, 5); Неосталинщина как духовный феномен (Общество, политика, власть 7, 5); Псевдоморфоз (Философия и мировоззрение 8, 23); На службе Революции (Общество, политика, власть 9, 7); Интернационалист Гитлер и патриот Сталин (1991–2011 10, 16); Левый марш (Общество, политика, власть 11, 4); Держава на распутье (Общество, политика, власть 12, 2)

Серёгин А. Погром в России: истоки и современность (События и комментарии 3, 5); «Бывшие люди» (Письма и встречи 8, 45); Интернационалист Гитлер и патриот Сталин (1991–2011 10, 16); Российская власть и «Померанцевое дерево» (Интервью, события и комментарии 11, 21)

Соколов Б. Те кто уцелел (Книги и люди 4, 39); Утомлённый Сталиным (1991–2011 10, 22)

Соколов Г. Мемуаристика и советчина (Книги и люди 2, 37)

Соколов Д. Каратель с врачебным дипломом (Мосты из прошлого 6, 44; 7, 24); Полпотовщина как зеркало российского большевизма (Мосты из прошлого 9, 36)

Сологуб Ф. Искали дочь (Общество, политика, власть 1, 2)

Сорокин П. Пути и могущество любви (Философия и мировоззрение 10, 33)

Станьковский А. Два визита (Общество, политика, власть 2, 14)

Степун Ф. Родина, отечество и чужбина (Архив 7, 35)

Строгецкий В. Роль гуманитарных наук в связи с переходом на двухуровневую систему образования (Общество, политика, власть 4, 16);

Суворов В. Тезис о том, что СССР готовил агрессию, прочно вошёл в науку (Семьдесят лет начала войны 6, 28)

Сысин Ф. Богатство украинской диаспорной украинистики (События, комментарии, интервью 8, 19)

Т. А. «Вот новый день, и он — неповторим» (Интервью, события и комментарии 11, 23)

Тарагухин К. Мой год чеченской войны (Памяти друзей 1, 43)

Третьяков С. Миф об обнищании населения (Книги и люди 11, 38)

Федотов Г. Как Сталин видит историю России? (Философия и мировоззрение 9, 15)

Флам Л. Российская научная эмиграция в Европе (Книги и люди 2, 40)

Флёров В. Храмовник XXI века (Письма и встречи 9, 43)

Фостер Л. Военнопленные во Второй волне эмиграции: увиденное и прочитанное (Мосты из прошлого 3, 34); Сборник материалов о государственном терроре в СССР (Книги и люди 11, 40)

Хандриков И. К проблемам малого и среднего бизнеса (События, комментарии, интервью 8, 10); Разрешение на коррупцию (1991–2011 10, 21)

Цурганов Ю. К двадцатилетию распада СССР (Мосты из прошлого 12, 26)

Черницкий А. Станет ли Россия Южной Кореей, или коррупция с человеческим лицом (Экономика 3, 26); Разным регионам — разные модернизации, или Сохранится ли Россия (Общество, политика, власть 5, 5); «Как Белковский и Кончаловский бьются за модернизацию» (События, комментарии, интервью 8, 13)

Чичерюкин-Мейнгардт В. В память 90-летия Великого Русского Исхода (Мосты из прошлого 1, 28); Вечер в Доме Русского Зарубежья (Письма и встречи 2, 44); Полковник В. А. Геймовский (Письма и встречи 8, 47); Москва–Белград–Москва (Письма и встречи 11, 42); Памятники Гражданской войны в РФ (Мосты из прошлого 12, 11)

Чубайс И. «Историческая Россия» против «России вне времени» (Мосты из прошлого 4, 18); Риски и вызовы XXI века (События, комментарии, интервью 10, 8)

Шарубин Я. Письмо с вопросом после посещения Таллина (Письма и встречи 2, 45)

Шарубинс Я. «Кто сказал, что эстонец и русский враги?..» (События и комментарии 3, 14);

Шешунова С. Имена и новоназы (Общество, политика, власть 7, 6)

Шпенглер О. Англичане и пруссаки (Философия и мировоззрение 7, 19)

Ягодинцев Д. От пропасти к вершине за три дня (1991–2011 9, 3)

Яндиев М. Демократические выборы, положившие начало возрождению России (Письма и встречи 10, 48) Анна Фоминична Поповская (Памяти друзей 2, 48) В Совете НТС (НТС 8, 43)

Василий Жуков (Памяти друзей 9, 48) Владимир Сергеевич Курдюков. 1941–2011 (Памяти друзей 4, 48)

Вторая ударная (Письма и встречи 5, 43) Галина Степановна Флёрова (Памяти друзей 2, 46)

Глава Российского Императорского Дома Е. И. В. Великая Княгиня Мария Владимировна. Преобразования теряют смысл, если они проводятся не ради людей (События, комментарии, интервью 4, 3)

Елена Георгиевна Боннэр (События и комментарии 6, 3)

За выборы без лжи и подтасовок! (Совет НТС 11, 2) Из высказываний Петра Столыпина (Мосты из прошлого 9, 27)

Издательский анонс (Книги и люди 10, 38)

Из резолюций Совета НТС времён Перестройки (К восьмидесятилетию Президента СССР 3, 32)

Ирина Бен-Чавчавадзе (Памяти друзей 9, 48)

К вопросу о цене октябрьского переворота (Мосты из прошлого 11, 37)

Короткие сообщения (Письма и встречи 8, 48)

Леонид Бородин (1938–2011) (Памяти друзей 12, 48)

Людмила Глебовна Редлих. 1921–2011 (Памяти друзей 4, 48)

Некоторые мысли Н. Н. Головина (Письма и встречи 10, 45)

«Но всё же, всё же, всё же...» (Общество, политика, власть 5, 3)

Памяти Ивана Буркина (Памяти друзей 9, 46)

Памяти Льва Рудкевича (Памяти друзей 3, 48)

Памяти Николая Александровича Троицкого (Памяти друзей 5, 45)

Памяти Ростислава Евдокимова (Памяти друзей 12, 45)

Письмо участника рейда Мамонтова. Публикация Н. Рутыча (Мосты из прошлого 12, 17)

Плита в память чинов Русского Корпуса и II Головинские чтения (Письма и встречи 10, 39)

По стране (Письма и встречи 7, 48)

Публикуемое письмо (Письма и встречи 11, 46)

Содержание номеров журнала за 2010 год (Содержание номеров журнала 12, 45)

Станислав Ауский. (24.11.1922–22.11.2010) (Памяти друзей 1, 48)

У Ленина на полке в разделе «Белогвардейская литература» (Книги и люди 5, 43)

Харри Поль (Памяти друзей 8, 48)

Человек без гражданства (100 лет Роману Редлиху 10, 28)